РАЗСКАЗЫ КНЯЗЯ А. Н. ГОЛИЦЫНА.

Изъ Записокъ Ю. Н. Бартенева.

Небольшая часть этихъ Записокъ, касающаяся того времени, когда князь А. Н. Голицынъ поступилъ на должность оберъ-прокурора Св. Синода, напечатана, не вполнѣ, въ Русской Старинѣ 1884 г. (кн. 1-я), куда она была отдана, въ перебѣленномъ спискѣ, графомъ П. А. Валуевымъ, черезъ котораго покойный Юрій Никитичъ Бартеневъ желалъ представить эту тетрадь Государю Александру Николаевичу. Полныя записки Ю. Н. Бартенева, въ своеручномъ подлинникѣ, завѣщаны имъ другу его Алексѣю Зиновьевичу Зиновьеву, а отъ него переданы намъ. П. Б.

I.

Я родился въ самомъ шумномъ центрѣ Москвы, въ заторѣ, такъ сказать, толпы и движущагося многолюдства. Это было на Никольской улицѣ, противъ Греческаго Богоявленскаго монастыря и монастыря Заиконоспасскаго. Колокольни и церкви этихъ монастырей глядѣлись въ мою комнату; она оглушалась и безпрестаннымъ звономъ ихъ благовѣстія. Крестины мои были не пышны: позвали въ крестные отцы какого-то архимандрита отъ одного изъ вышеупомянутыхъ монастырей, и онъ былъ моимъ воспріемникомъ. Мнѣ желалось въ послѣдствіи найти этого моего отца крестнаго, но Богъ не привелъ мнѣ съ нимъ встрѣтиться.

Такъ говорилъ намъ князь о первыхъ планахъ своей человѣческой картины, и я былъ весь вниманіе. Рѣчь князева была проста, безъискуственна; онъ всѣмъ жертвовалъ истинѣ. Намъ казалось, что мы внимаемъ добраго родственника, съ увлеченіемъ и чувствомъ разсказывающаго намъ былое.

«Гдѣ этотъ образъ», спросилъ я его, «предъ которымъ въ младенческой колыбели лежали вы, какъ символъ будущаго при-

лѣпленія вашего къ Господу?» — «Онъ цѣлъ, цѣлъ у меня этотъ образъ», отвѣтствовалъ мнѣ съ живостью князь и, спустя нѣкоторое время, повелъ меня показать мнѣ оный. Налѣво отъ затѣйливой домашней церкви князевой есть двѣ темныя комнатки, въ которыхъ на глухо закладено окно, нѣкогда обращенное къ сосѣдскому дому *). Оставаясь въ одной изъ этихъ каморокъ, можно явственно слушать все что происходитъ въ церкви. Комнатки этѣ очень тѣсны, и въ первой изъ оныхъ, служащей преддверіемъ къ другой, повѣшено на голыхъ и сырыхъ стѣнахъ нѣсколько иконъ, подаренныхъ и благословенныхъ въ разное время и разными лицами князю. Предъ нѣкоторыми изъ иконъ теплятся скромныя и небогатыя лампады. Около сырыхъ стѣнъ комнатки обведены узкія лавки; къ сторонкѣ стоитъ низенькій деревянный стулецъ, напоминающій намъ, какъ нѣкогда православные отшельники наши, сидя на таковомъ, творили Іисусову молитву. Направо отъ входа въ другую комнату, въ которой нѣтъ дверей, повѣшена простая икона, безъ оклада, Спаса Нерукотвореннаго, и вотъ подъ этою-то иконою безсознательный ребенокъ нѣкогда былъ положенъ, чтобъ быть послѣ переданну въ объятія матери. Съ благоговѣніемъ поклонился я изображенному на образѣ Спасителю, сохранившему дни нашего князя, столь нужные многимъ! Невольно пришла мнѣ здѣсь мысль о нерукотворенной иконѣ Спасителя и объ отношеніяхъ этаго образа къ князевому быту по занимаемому имъ нѣкогда званію министра духовныхъ дѣлъ. Ему очень много дарили и дарятъ нынѣ образовъ, писанныхъ масляными красками, рисованныхъ, даже вышитыхъ. И вотъ дѣлается какъ-то, что дарители попадаютъ на одно намѣреніе, на одну мысль, ибо приносимые образа почти всегда бываютъ нерукотворенное изображеніе Спаса. Таковая стачка въ разноцентренныхъ воляхъ и побужденіяхъ весьма замѣчательна. Даже самое главное украшеніе кабинета князева, избранная жемчужина всего его собранія картинъ, есть также изображеніе Нерукотвореннаго Спаса. Картина эта прислана ему изъ Швейцаріи и есть вѣрная копія той, предъ которою нѣкогда знаменитый теозофъ Дютуа, сочинитель божественной и христіанской филозофіи, преклонялъ колѣна свои предъ Господомъ. Но я возвращусь къ своему разсказу.

Обѣ комнаты, какъ сказано, раздѣляются входомъ, но не дверями и, взойдя въ оныя, смотря на лампады, никакъ вдругъ не можешь различить предметовъ окружающихъ; въ послѣдствіи глаза пріобыкаютъ и становится виднѣе. Въ срединѣ второй комнатки стоитъ

*) Говорится про домъ, въ Петербургѣ, на Фонтанкѣ, нынѣ № 20-й, противъ Михаиловскаго замка. Тутъ жилъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. П. Б.

подобіе гроба. Оно приставлено къ подножію огромнаго деревяннаго креста; на гробѣ положена плащаница, принадлежащая церкви; на этой плащаницѣ укладены различныхъ видовъ кресты, подаренные въ разное время и отъ разныхъ людей князю. Въ этой комнатѣ нѣтъ лампады; но предъ гробомъ вмѣсто люстры сдѣлано изъ пунцоваго стекла изображеніе человѣческаго сердца, и въ этомъ-то сердцѣ теплится неугасимый огонь. Комната едва освѣщена краснымъ, унылымъ пламенемъ; томное горѣніе сердца, при совершенной темнотѣ, сильно поражаетъ чувства и воображеніе: сгарающее сердце кажется кровавымъ и раскаленнымъ. По утрамъ уходитъ князь въ эту уединенную сѣнь свою; онъ иногда сидитъ на этомъ низкомъ стульцѣ и прилежно внимаетъ ищущему своему сердцу, или иногда, распространясь предъ Распятіемъ, онъ служитъ живымъ символомъ, какъ земное величіе долженствуетъ уступать и повергаться къ подножію Креста Господня. По вечерамъ обыкновенно запирается онъ въ своемъ кабинетѣ и тамъ, уже никѣмъ невидимый, приноситъ тихую и обычную свою молитву. Бывало, пріѣхавъ съ шумнаго земнаго позорища, спѣшно скидываетъ онъ свои блестящія регаліи, свой Владимирскій орденъ, свою брилліантовую звѣзду, портретъ Государевъ, осыпанный алмазами, всегда имъ носимый на груди, снимаетъ, говорю, и спѣшитъ въ эту темную каморку; и если въ кабинетѣ своемъ онъ сбрасываетъ людскія отличія, то въ каморкѣ обнажаетъ уже свое сердце предъ Господомъ. Можетъ быть, теплыя слезы умиленнаго раскаянія струятся на сырой и жесткій полъ, между тѣмъ какъ шумная столица, въ вихряхъ безотчетнаго и мнимаго веселія, какъ пышный дворъ царскій, обставляя могущественнаго своего владыку въ первомъ еще развитіи могучихъ и полныхъ жизни силъ его, ликуетъ въ разнообразіи утонченныхъ своихъ забавъ и удовольствій. И вотъ Несторъ двора царскаго, столь нѣкогда любезный и необходимый двору этому, въ смиренномъ и темномъ уголкѣ незнаемой комнаты, безнамѣренно обличаетъ шаткость всѣхъ этихъ человѣческихъ удовольствій. Такъ нѣкогда въ пышной Византіи проявлялись и блескъ двора царскаго, и свѣтлая мудрость первыхъ его сановниковъ, изъ которыхъ одинъ достигнулъ до такой высоты умозрѣнія, что лице его просіявало свѣтомъ, какъ Моисеево. Здѣсь толпа посмѣется, можетъ быть, надо мною; пусть смѣется: я вѣрю молитвѣ и чудеснымъ ея возрастамъ.

Въ этой уединенной каморкѣ маливался вмѣстѣ съ княземъ и блаженной памяти императоръ Александръ. Въ этомъ же сыромъ и темномъ чуланѣ, на его узкихъ лавкахъ, сыпалъ нѣкогда и князь, когда, въ первомъ взрывѣ своего религіознаго побужденія, онъ думалъ послужить Господу неблагоразумнымъ умерщвленіемъ своего тѣла. Од-

нажды, сказывалъ мнѣ князь, это было помнится въ одну страстную Пятницу, хотѣлось мнѣ въ подобіе страданію Господа нашего Іисуса Христа и на себѣ испытать что-либо. Я ничего не ѣлъ въ этотъ день и въ жару неблагоразумнаго ревнованія усиленно просилъ Господа проявить мнѣ подобіе Своего страданія именно на головѣ. Пусть живо почувствую Твой терновый вѣнецъ, сказалъ я, и вотъ, къ крайнему удивленію моему, эта молитва исполняется: мнѣ почувствовалось, что вся кровь изъ тѣла моего приступила къ головѣ моей; черепъ мой, казалось, трещалъ отъ нестерпимой боли; я метался и не зналъ, что съ собою дѣлать. Я громко призывалъ помощь Божію и раскаевался въ дерзновенномъ моемъ желаніи; отъ нестерпимой боли и въ чаяніи избавленія я схватилъ большой деревянный крестъ, который ты видѣлъ и, обѣими руками приподнявъ его, поставилъ на свою голову. И вотъ, къ радостному моему удивленію, налившаяся въ голову кровь, исподоволь и ощутимо даже для меня самаго, стала стекать чрезъ шею въ спину, и облегченіе мое не замедлило. Что же, промолвилъ князь, страданіе мое значило въ сравненіи съ терновымъ вѣнцомъ Спасителя; но и этого я не могъ понести, даже самое кратчайшее время.

На гробѣ, гдѣ лежитъ плащаница, помѣщены были разные, какъ выше сказано, кресты, между которыми я увидѣлъ одинъ неуклюжій древній. Что это за крестъ? спросилъ я. Князь принесъ намъ крестъ и показалъ его. Онъ серебряный и средней величины. По наружной формѣ долженъ быть очень древній. На задней сторонѣ этого креста сдѣлана насѣчка, въ которой изображено, какія сокровища нашего вѣрованія въ немъ хранятся. Внутри креста сохраняются, вопервыхъ, часть животворнаго Древа и часть Господней ризы; вовторыхъ, части мощей всѣхъ 12 апостоловъ, Іоанна Златоустаго, Чудотворца Николая.

Вотъ какъ разсказывалъ намъ князь исторію этаго креста. Онъ издревле былъ достояніемъ царей Греческихъ; въ послѣдствіи перешелъ къ матери Петра Великаго, царицѣ Натальѣ Кириловнѣ, а та пожаловала его непосредственному предку и родоначальнику рода его, князю Борису Алексѣевичу Голицыну. Когда хитрая сестра Петрова, великая княжна Софья Алексѣевна, замышлявшая подобрать къ себѣ самодержавіе надъ народомъ Русскимъ, волновала нѣкогда древнюю столицу смутами и интригами, столь обаятельными въ лицѣ царственной дѣвицы, портила брата разными испугами, столь вредными нѣжному младенческому возрасту, наконецъ почти явно обнаружила свои намѣренія, взбунтовавши стрѣльцовъ и подвигнувши ихъ на мятежъ и буйство, въ эту критическую минуту царица Наталья Кириловна спѣшно призываетъ къ себѣ князя Бориса Голицына и, отдавая ему

младенчествующаго отрока, со слезами просить князя сохранить юнаго Петра для Россіи. Клянись мнѣ, говоритъ ему взволнованная мать и царица, клянись предъ этимъ крестомъ Господнимъ, что ты не выдашь моего сына врагамъ его. Вотъ завѣтъ мой, продолжала царица: если ты, князь Борисъ, умыслишь зло противъ юнаго царевича, то крестъ этотъ затяготѣетъ надъ всѣмъ родомъ твоимъ; еслижъ ты сохранишь его, сохранить сына моего, то пусть этотъ крестъ съ сокровищами благодати Божіей будетъ знаменіемъ въ родѣ твоемъ и сохранится въ ономъ, какъ залогъ милости Божіей и великаго къ нему благоволенія. И вотъ какимъ образомъ этотъ крестъ сохранился, продолжалъ князь, въ нашемъ родѣ и по нисходящей линіи былъ передаваемъ старшему изъ рода нашего. Но по какому-то необыкновенному движенію воли родительской онъ назначенъ былъ мнѣ, хотя я не былъ старшимъ въ родѣ: крестъ слѣдовало бы отдать старшему моему брату, князю Сергію Николаевичу. Но, не смотря на волю родительскую, старшій братъ усвоилъ его себѣ и сохранялъ его во время своей жизни. Братъ мой былъ несчастливъ въ выборѣ супружества: онъ былъ женатъ на княжнѣ Барятинской, которая страннымъ своимъ поведеніемъ искушала терпѣніе брата моего, который по характеру и темпераменту былъ очень кротокъ и смиренъ. Послѣ его кончины я потребовалъ у невѣстки креста. «Нѣтъ его у меня», сказала она мнѣ: «всѣхъ боговъ отняли у меня Французы въ 1812 году, во время пребыванія ихъ въ Москвѣ». Она даже не хотѣла молиться по этой странной причинѣ, что боговъ ея, т. е. образа, похитили Французы. Наконецъ, въ 1817 году, невѣстка моя пріѣхала въ Петербургъ, заболѣла и рѣшилась отдать мнѣ крестъ, въ то уже время какъ-то отыскавшійся. И вотъ честный и животворящій крестъ Господень, благословеніе родительское, посѣтилъ и остался въ домѣ моемъ, спустя долгое время послѣ назначенія родительскаго. Но, продолжалъ князь, крестъ этотъ не долженъ мнѣ принадлежать: онъ есть достояніе рода Петрова, перешедшее къ нему отъ царей Греческихъ. Какъ будто зналъ родитель, что, вопреки упостоянившемуся обыкновенію, онъ избралъ меня, не старшаго своего сына, наслѣдникомъ креста этого; онъ какъ будто зналъ, что, не имѣя потомства, я буду въ обязанности передать его истинному его наслѣднику. Когда величество императорское отправлялось въ отдаленный походъ противу Турковъ, я благословилъ крестомъ этимъ Государя. Онъ спасъ Петра, думалъ я, спасетъ и Николая. Я тогда же объявилъ Государю, что я назначаю этотъ крестъ послѣ смерти своей ему, а до тѣхъ поръ пусть родительское благословеніе жительствуетъ со мною въ одномъ домѣ.

Такъ разсказывалъ намъ князь, и мы съ благовѣніемъ взирали на этотъ крестъ Господень, врученный нѣкогда почтенному предку его въ залогъ сохраненія нашего исполинскаго Петра для исполинской его Россіи. Краткая надпись на серебряной дощечкѣ футляра кратко повѣствуетъ и исторію креста, и его назначеніе. Выше сказано, что въ драгоцѣнной этой утвари сохраняются части животворящаго древа и ризы Господней. И вотъ я оказалъ дерзновенное малодушіе взглянуть на таковыя сокровища православной вѣры христіанской; но князь съ любовію отказалъ намъ въ исполненіи сего желанія, и вотъ что разсказалъ намъ въ тоже время. Въ домѣ Кошелева сохранялся также родовой крестъ съ мощами. Обыкновенно одинъ разъ въ годъ, предъ Пасхою, моютъ и чистятъ образа; жена Кошелева, Варвара Ивановна, начала мыть, взяла чистую тряпку обтереть крестъ и что же, съ ужасомъ отскочила, когда увидѣла, что на тряпку выступила кровь. Не зная что дѣлать, она поспѣшила послать за священникомъ, и вотъ пришедшій священникъ, нѣкто Назимовъ, человѣкъ, въ которомъ развита духовная внутренняя жизнь, съ благоговѣйнымъ трепетомъ, въ епитрахили, подошелъ къ чудесному кресту видимо для всѣхъ источающему кровь и, раскрывъ его, положилъ туда и эту самую тряпку, въ крови замаранную, вмѣстѣ съ мощами.

Князь родился при условіяхъ неблагопріятныхъ; мать его возненавидѣла при самомъ рожденіи. Это сдѣлалось потому, что когда князь рождался, въ то время отецъ его былъ болѣнъ, и онъ только три недѣли жилъ послѣ рожденія своего послѣдняго сына *). Отецъ благословлялъ сына безъ сознанія сего послѣдняго. Мать князева такъ огорчилась этою потерею, такъ много плакала и рвалась, что всѣ бинты разорвались, и она чуть не истекла кровью. Отчаянная мать возненавидѣла сына и не позволяла приносить ребенка въ свою комнату. Приближенные, видя неутѣшность вдовы и странную ненависть къ дитяти, совѣтовали ей помолиться и успокоиться. Вотъ меня спеленаннаго положили передъ иконою нерукотвореннаго образа Спасителя, подвели мать мою, которая, залившись слезами, упала предъ образомъ, долго и тяжко плакала и потомъ, умиленная молитвою, въ первый разъ тогда, отъ образа Спасителя приняла меня съ любовію въ свои материнскія объятія. Какъ будто самъ Господь вручилъ меня матери, раскрывъ въ ней и утѣшеніе, и столь необходимое для нея чувство любви материнской. Впрочемъ, мать моя всегда для меня была

*) Князь А. Н. Голицынъ род. 8 Декабря 1773 года; отецъ его умеръ черезъ двѣ недѣли послѣ его рожденія. П. Б.

строга [1]); я могу справедливо о себѣ сказать, что первыя лѣта моей юности, въ отеческомъ домѣ, былъ содержанъ я въ великомъ страхѣ.

Тѣ времена были строги. не нынѣшнія, продолжалъ князь; съ дѣтьми обращались сурово, и это называлось добрымъ воспитаніемъ. Ко мнѣ была приставлена Нѣмка вмѣсто Русской няньки, и эта Нѣмка составляла въ нѣкоторомъ смыслѣ какъ бы исключеніе изъ людей своей націи, ибо охотно поддавалась закоснѣлымъ предразсудкамъ Русскаго невѣжества. Чтобъ сохранить ввѣренное ей дитя, она облизывала меня, какъ корова. Еще и теперь помню, говорилъ князь, какое непріятное соприкосновеніе получалъ я, когда моя Нѣмка скоблила тѣло мое шершавымъ, теплымъ и широкимъ языкомъ своимъ; ея лизанье похоже было на лизанье кошки. Иногда принималась она спрыскивать меня, и это какъ-то дѣлала чрезъ уголь; иногда, разсердившись, сѣкла меня безъ всякаго милосердія и чтобъ кто нибудь не узналъ этихъ продѣлокъ, то прежде сѣченья обкладывала тѣло намоченною салфеткою. Однажды, не вытерпѣвъ боли отъ таковаго истязанья, я укусилъ у нея палецъ; взбѣшенная Нѣмка пожаловалась на меня матери, и та вновь принялась сѣчь меня. И вотъ, на 13-мъ году моей жизни, когда я былъ уже пажемъ и наканунѣ отправленія моего въ Петербургъ, мать позвала меня къ себѣ въ комнату и ни за что, ни прочто больно меня высѣкла. Лизанье Нѣмки и спрыскиванье чрезъ уголь водою казались необходимымъ нянькѣ моей, можетъ быть для того, что на меня маленькаго по временамъ находилъ страхъ; я трепеталъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Былъ узкій и несвѣтлый корридоръ; въ корридорѣ этомъ была на панеляхъ дверь, закрытая живописною картиною, изображавшею во весь ростъ егеря. Пробѣгая корридоромъ, особенно въ сумерки лѣтняго дня, я невольно встрѣчался съ тусклыми глазами уединеннаго обитателя корридора. Мнѣ казалось, что онъ смотрѣлъ на меня, зло улыбался и кивалъ головою...

II.

Мы пріѣзжаемъ вмѣстѣ съ Николаемъ Андреевичемъ [2]) къ князю, около 11-ти часовъ утра. Вмѣсто чтенія завязывается разговоръ. Князь вспоминаетъ о нѣкоторыхъ событіяхъ 14-го Декабря.

Александръ зналъ о заговорѣ, но давалъ ему дозрѣвать. Это дѣлалъ онъ по политическому разсчету и по нерѣшительности, которая составляла господствующую черту его характера. Князь вызывается

---

[1]) Мать князя А. Н. Голицына (1737—1737) была урожденная Хитрово; во второмъ бракѣ Кологривова. П. Б.

[2]) Лицо намъ неизвѣстное; должно быть Загряжскій. П. Б.

къ молебну во дворцѣ и является къ Государю Императору. Входя въ кабинетъ, одинъ изъ генералъ-адъютантовъ, блѣдный какъ полотно, говоритъ князю dans le creux de l'oreil [3]), что часть Московскаго полка взбунтовалась. Твердость Государева. «Я сдѣлалъ уже всѣ нужныя распоряженія, сяду на коня, лично буду при дѣлѣ, et je me paye de ma personne [4]), а что случится, то да будетъ воля Божія.» Князь идетъ въ апартаменты императрицы-матери; та ничего не знаетъ. Между тѣмъ Государь объяснилъ свою волю караулу изъ піонеровъ, стоящему во дворцѣ. Піонеры, закричавъ ура, зарядили ружья. Остальная часть полка піонеровъ также поспѣшила ко дворцу. Государь ихъ встрѣтилъ, объяснилъ дѣло, передалъ приказаніе; піонеры, прокричавъ ура, зарядили ружья и размѣстились или заняли трои ворота Зимняго дворца. Между тѣмъ Государь вышелъ на площадь; къ нему тѣснился народъ, цѣловали его руки, ноги. Государь шелъ сперва пѣшій, потомъ сѣлъ на лошадь, медленно двигался, поджидая артилеріи и прочихъ войскъ. Позади его генералъ-адъютантъ раздавалъ манифесты. Князь въ это время былъ во дворцѣ: онъ навѣщалъ или императрицу Марію или называемый фонарикомъ балконъ во дворцѣ. Въ фонарикѣ собрались нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ сановниковъ двора изъ пріѣхавшихъ тогда къ молебну. Старики, не понимая дѣла, парализованы были идеею порядка дворскаго; находили страннымъ, что Государь вздумалъ дѣлать разводъ или парадъ: этого-де въ подобное время никогда не бывало. Видя Государя смѣшавшагося съ толпою, старцы ворчали и обращались къ князю; но князь зналъ и молчалъ. Если князь заходилъ къ Государынѣ, та также передавала удивленіе свое князю. Князь пожималъ плечами, говорилъ въ оправданіе мнимаго парада кое-что и смутный уходилъ опять въ фонарикъ.

Наконецъ, князь видитъ, что отдѣляется часть Московскаго полка. Малорослый Пановъ ведетъ ее по бульвару ко дворцу. Подходя къ оному и видя, что выходы заняты піонерами, онъ дѣлаетъ рукою угрожающее движеніе, скрежещетъ зубами и ретируется тѣми же бульварными аллеями, которыми и пришелъ. Ретирада эта произошла почти вблизи Государя, который пропустилъ ее, не желая поставить себя и часть войска между двухъ огней. Наконецъ, дѣло сдѣлалось понятнымъ. Въ фонарикѣ прозрѣли старцы, въ апартаментахъ Императрица. Привезли митрополита Серафима. Онъ оробѣлъ. Его отклонили и не допустили говорить войску. Выстрѣлили по мятежникамъ

---

[3]) Совсѣмъ на ухо.

[4]) Поплачусь своею особою.

холостыми зарядами; сдѣлали нѣсколько и настоящихъ выстрѣловъ. Это озадачило старцевъ въ фонарикѣ. Императрица Марія въ смятеніи; князь ее утѣшаетъ.—Mon prince, c'est le sang russe qui coule [5]), сказала она въ смятенномъ чувствѣ.—Madame c'est le sang gâté et pourri qui s'en va [6]), отвѣтствуетъ князь. Государь является, собираетъ свое августѣйшее семейство и объясняетъ все происшедшее. Императрица Марія замѣтила князю, что Государь возвратился и tout de suite a pris de l'aplomb [7]). На эту арену пошелъ онъ какъ-то не тѣмъ, чѣмъ возвратился. На площади онъ въ скорое время ознакомился съ генералами и вылился тотъ же часъ въ ту энергію, которую Провидѣніе такъ щедро ему усвоило.

Это дало поводъ князю говорить о мужествѣ Государя. Князь вспомнилъ объ эпидеміи. Тогда онъ былъ въ Петергофѣ. Время было строгаго разобщенія и карантина. Между тѣмъ въ центрѣ мнимой безопасности самъ Бенкендорфъ пораженъ былъ холерою. Князь и нѣкоторые другіе навѣщали въ то время Бенкендорфа; всеобщее уныніе. Собранія въ церкви. Ревность и усердіе къ дѣлу религіозному. Прекрасный молебенъ, нарочно для этого случая составленный. Замѣчательный апостолъ. Дѣтей только Господь наказываетъ, а не беззаконно прижитыхъ. Смута въ Петербургѣ. Чернь убиваетъ нѣкоторыхъ врачей, думая, что они отравливаютъ народъ. Государь садится въ фаэтончикъ, скачетъ въ Петербургъ. На сѣнной собралась несмѣтная толпа. Пріѣзжая на площадь, Государь встаетъ на ноги въ колясклѣ, снимаетъ фуражку и грозно обличаетъ народъ въ преступленіи человѣкоубійства. Молитесь виновные и кайтесь предъ Богомъ! говоритъ съ твердостію Государь, указывая на церковь Спаса, что въ Сѣнной. И вотъ въ одно мгновеніе вся несмѣтная толпа, сбросивъ фуражки, упала на колѣна и зарыдала предъ разгнѣваннымъ Господомъ о своихъ фанатическихъ беззаконіяхъ.

Неистовства въ военныхъ поселеніяхъ. Посылается графъ Орловъ, приводитъ въ нѣкоторый порядокъ. Князю странно и непонятно кажется, почему данная кстати оплеуха можетъ быть совмѣстна и красива въ столь важномъ дѣлѣ. Это обличаетъ глубокое обиліе кротости въ князѣ. Даютъ знать Государю, что нужно его присутствіе. Монархъ пріѣзжаетъ въ Новогородскія поселенія. За обѣднею, когда онъ прикладывается ко кресту, священникъ шепчетъ Государю, что есть для

---

[5]) Князь, течетъ Русская кровь.

[6]) Государыня, течетъ кровь, но кровь испорченная и гнилая

[7]) Тотчасъ пріобрѣлъ значительный видъ.

него немалая опасность отъ двухъ неунявшихся еще ротъ. Послѣ обѣдни Государь сбираетъ эти двѣ роты. Заставивъ продѣлать ихъ нѣкоторыя легкія эволюціи, Царь вдругъ какъ бы нечаянно прогремѣлъ имъ: маршъ—маршъ въ Петербургъ! Роты панически повиновались и пошли въ столицу, зная, что тамъ ихъ ожидаютъ судъ и осужденіе. Государь, обогнавъ ихъ дорогою, опять подтверждаетъ имъ приказаніе, чтобы торопились идти къ назначенному мѣсту. Безпокойство, пренебреженіе, усталось, унылость цѣли, видимая и ежечасно ожидаемая опасность отъ болѣзни, опасность отъ ожесточеннаго изувѣрства, ничто не останавливаетъ Государя, когда онъ поддается желѣзной своей волѣ. Князь разсказываетъ это съ одушевленіемъ, и мнѣ, какъ Русскому, сладко собирать подобныя крупицы величія: я вырастаю болѣе въ очахъ своихъ, слушая эти разсказы и внутренно благодарю Господа, что Онъ обставляетъ родимую сторонушку таковыми Европейскими Святославами. У меня есть собственноручное письмо князя по этому случаю. Теперь перейдемъ опять къ 14-му Декабря.

Суматоха унимается. Государь сказалъ князю, что, вышедши на площадь, онъ слышалъ на противулежащемъ концѣ оной возмутительные крики: Да здравствуетъ Константинъ! Да здравствуетъ конституція! Добродушное недоумѣніе князя, какъ Государь могъ такъ далеко слышать. Государь съ улыбкою замѣчаетъ князю, что онъ забылъ, что онъ не Александръ, который нѣсколько былъ глухъ. Благодарный молебенъ служили во дворцѣ нѣсколько поздно. Государь со своею августѣйшею фамиліею простоялъ всю службу на колѣняхъ и очень много плакалъ. Странно, замѣчаетъ князь, что мы всѣ, сколько насъ тутъ было, простояли на ногахъ. Сейчасъ же образовалась слѣдственная коммисія. Подали свѣчи въ особую комнату, и всю ту ночь Государь почти не спалъ и предварительно самъ допрашивалъ преступниковъ, которыхъ сейчасъ же начали ловить и представлять во дворецъ, такъ что, когда Государь отпустилъ князя и тотъ началъ сходить съ лѣстницы, чтобы возвратиться въ свой домъ, ему встрѣтился нѣкто преступникъ, котораго руки связаны были назади шарфомъ: его вели два солдата и очень не нѣжно съ нимъ обращались. Президентомъ коммисіи назначается бывшій военный министръ Александръ Ивановичъ Татищевъ. Онъ выбираетъ производителя дѣлъ изъ своихъ чиновниковъ. Татищевъ въ родѣ Русскаго Фальстафа, типъ золотой посредственности. Не зная дѣла, сомнѣвается въ знаніи и добросовѣстности своего производителя. Смѣшныя опасенія и торопливость. Одинъ преступникъ показалъ, что онъ хотѣлъ открыть ему заговоръ, но не засталъ его дома. Это Татищева возмутило, зачалъ

браниться шельмою, такъ что прочіе члены съ полусмѣхомъ стали его уговаривать и успокоивать.

Большее безпокойство и тяжесть для князя, какъ члена Комитета Министровъ, какъ члена Государственнаго Совѣта, какъ исправляющаго должность министра двора, какъ главноначальствующаго надъ почтовымъ вѣдомствомъ, какъ члена верховной комисіи о преступникахъ, какъ придворнаго сановника, котораго Государь безпрестанно требовалъ. Открылась гемороидальная боль въ кишкахъ, опасная болѣзнь въ почкахъ, переходящій ревматизмъ. Діета, діета строгая и молитва отвели князя отъ чахотки или водяной. Князь, какъ Фенелонъ, старается, держится и образуетъ только родственниковъ по духу. Безпристрастіе и свобода въ оцѣнкѣ поступковъ своихъ кровныхъ. Является племянничекъ въ Петергофъ и звѣнитъ предъ княземъ либеральнымъ воззрѣніемъ на вещи. Въ день бунта съ дядею Остерманомъ онъ проѣзжаетъ по площади, возвращаясь изъ путешествія своего изъ древней столицы. (Замѣчательное слово Остермана на площади солдатамъ). На другой день является къ князю. Попадается въ изобличеніи, приводится въ присутствіе князя и ото всего отпирается. Изъ каземата пишетъ письмо и во всемъ признается. Князь жалѣетъ, что племянникъ лѣзетъ въ солдаты, а по мнѣнію князя оставался бы въ Сибири простолюдиномъ, завелъ бы огородъ и воспитывалъ бы дѣтей своихъ въ страхѣ Божіемъ и покорности властямъ *).

Ужасныя физіономіи нѣкоторыхъ преступниковъ. Оригинальная улика въ неправдѣ, когда одинъ осужденный, назначая весьма важныя лица для кровавой мести, перебиралъ ихъ по пальцамъ, а другой оспаривалъ его, утверждая, что не по пальцамъ, а просто. Доброта князя, оказанная одному преступнику, когда сего несчастнаго при допросѣ продержали цѣлыя сутки не ѣвши. Князь, и самъ въ то время обѣдавшій въ каморѣ присутствія, остатки своего стола снесъ къ преступнику и, лично подавая ему яству съ ласковымъ словомъ, озолотилъ или оцвѣтилъ блѣдное небо страданія. Преступникъ принялъ яству, сквозь слезы благодарилъ князя, а ангелъ-хранитель преступника записалъ эту черту въ дневный рапортъ свой къ Вѣчному. Съ умиленіемъ воспоминаю слово царственной матери бѣдныхъ, августѣйшей Маріи: Mon Prince, c'est le sang russe qui coule! Это слово опредѣляетъ характеръ и силу того нравственнаго перерожденія, которое способно и доступно только душамъ возвышеннымъ. Нѣкто

*) Князь Валерьянъ Михайловичъ Голицынъ, извѣстный декабристъ. П. Б.

сказалъ, что нѣтъ измѣнниковъ на престолѣ. Согласенъ. Но всегда же рѣдко бываетъ, чтобы лицо столь устраненное и отдѣленное своимъ величіемъ отъ народа, въ минуту опасности, въ минуту паническаго страха и не женщинамъ сроднаго, могло и умѣло воплотить въ себѣ такое народолюбіе, чтобы кровь народная выше и свѣжѣе стояла въ помышленіи, чѣмъ естественнѣйшая въ то время идея о самосохраненіи. Миръ тебѣ, добльственная Марія, миръ тебѣ, матерь народа Русскаго! Придетъ то время, когда и тебя узнаютъ; узнаютъ внутреннія сокровища твоего сердца, нынѣ скрытыя, невѣдомыя [1].

«Мы многонько говорили, пора читать», сказалъ князь, и принялся за книгу. Авторъ тотъ же Enfant de Dieu. Читано было о раѣ, о древѣ добра и зла, о паденіи праотцевъ, о стыдѣ наготы своей и проч. и проч., и все это въ приспособленіи къ внутреннему освѣщенію.

III.

Князь читаетъ намъ съ Николаемъ Андреевичемъ письмо, полученное имъ изъ Москвы отъ Булгакова [2]. Во время пребыванія своего въ древней столицѣ Его Величество очень ласкалъ Московскаго почтъ-директора. Булгаковъ благодаритъ князя за начальническую милость и усваиваетъ видимое къ нему благоволеніе царское ходатайству и предстательству о немъ князя. Государь, услышавъ въ Москвѣ о нѣкоторыхъ драматическихъ способностяхъ сына Булгакова, захотѣлъ, чтобъ онъ показалъ ихъ предъ его особою. Въ тоже время велѣно учредить при дворцѣ дѣтскій театръ. Юный сынъ Булгакова [3] представлялъ на ономъ извѣстную роль Дмитрія Донскаго. Этотъ мальчикъ при лицѣ всего двора съ одушевленіемъ проговорилъ тотъ славный монологъ Озерова, когда Дмитрій Донской, послѣ пораженія Мамая, раненый становится на колѣна и благодаритъ Господа Силъ:

Но первый сердца долгъ, Тебѣ Царю Царей:
Всѣ царства держатся десницею Твоей.
Прославь, и утверди, и возвеличь Россію,
Какъ прахъ земный сотри враговъ кичливу выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Языки вѣдайте, великъ Россійскій Богъ!

Государь пришелъ въ восхищеніе и обнялъ юнаго Димитрія. Надобно представить тогда чувства отца! Булгаковъ извѣщаетъ князя, что его приглашали на всѣ вечера дворскіе – честь необычайная, потому что количество приглашаемыхъ было весьма ограничено. Съ

[1] О положеніи, которое заняла императрица Марія Ѳеодоровна во время трехсотлѣтняго междуцарствія, сохранились важныя извѣстія очевидца, роднаго ея племянника, герцога Евгенія Виртембергскаго, человѣка правдиваго. П. Б.

[2] Славный перлюстраторъ, до того развязный въ своемъ дѣлѣ, что къ чужимъ письмахъ, адресованныхъ къ его знакомымъ, приписывалъ строки отъ себя. П. Б.

[3] Это знаменитый впослѣдствіи своими шалостями Костя Булгаковъ. Вотъ разгадка, почему разныя проказы сходили ему съ рукъ. П. Б.

замѣтнымъ участіемъ князь прочиталъ намъ письмо это и въ тоже время отдалъ его Загряжскому, для доставленія родной сестрѣ Булгакова. Эта черта показываетъ, что методическое равнодушіе князя ко всѣмъ внѣшнимъ проявленіямъ въ жизни, которое составляетъ настоящую главную работу его духа, уступило на этотъ разъ чувству болѣе обыкновенному, и вотъ онъ спѣшитъ обаяніе брата, всегда лестное для подданнаго, передать родной сестрѣ его.

Князь прочиталъ намъ еще одно письмо, полученное, помнится, отъ сенатора Нечаева. Въ Тульской губерніи въ Епифанскомъ уѣздѣ, одна благородная, молодая дама, Вѣра Шнейдерова, урожденная Муромцова, куда-то ѣдучи, упала съ дрожекъ и ушибла ногу. Болѣзнь болѣе и болѣе усилилась, и вотъ она умираетъ. Собрались священники, чтобъ отпѣвать ее, приступили къ тѣлу; глядятъ, а наша умершая встаетъ съ одра! Изумленные свидѣтели увидѣли, что она только обмирала. Ясность, спокойствіе, миръ разливались по блѣдному лицу ея. Посыпались вопросы, и обмиравшая съ удивительною точностію отвѣчала на все ей задаваемое. Къ крайнему изумленію вопрошающихъ замѣтили въ ней качество неземное, какую-то прозорливость въ сердцѣ дѣлающаго вопросы. Таковый съ трепетомъ ожидалъ отвѣта, ибо видѣлъ, что духъ обмиравшей проницалъ его внутренность и могъ обличать его въ тайнахъ, можетъ быть, въ заповѣдныхъ и завѣтныхъ. Г-жа Вѣра Шнейдерова, барыня доселѣ простая, провинціальная, говорившая обыкновеннымъ свѣтскимъ нарѣчіемъ о вещахъ обыкновенныхъ, послѣ обмиранія, вдругъ преобразила свои способности. Рѣчь ея сдѣлалась торжественна, слово возвысилось къ идеямъ величественнымъ, спасительнымъ для человѣчества. Вѣщанія этого духа приняли какой-то характеръ званія апостольскаго, обличающаго и наставляющаго. Отецъ ея и мужъ старшей сестры уже были умершими. Отецъ былъ человѣкъ свѣтскій, сельскій дворянинъ какихъ много, то есть во время жизни своей не находившій, повидимому, времени помышлять о дѣлѣ своего спасенія. Мужъ же сестры, по наружности, былъ воздержаннѣе своего тестя; домочадцы считали его христіаниномъ ревностнымъ и строгимъ исполнителемъ всѣхъ человѣческихъ обязанностей. Спросили обмиравшую, видѣла ли она этихъ людей; она отвѣтствовала утвердительно и сказала даже про ихъ состояніе. Объ мужѣ сестры своей она отозвалась, что видѣла его печальнымъ и несозрѣвшимъ еще для своего назначенія; отецъ же, по ея словамъ, былъ свѣтлѣе, мирнѣе и ближе къ цѣли. Г-жа Шнейдерова продолжала такимъ образомъ предгробную свою проповѣдь недѣли двѣ времени и потомъ, снабженная христіанскимъ напутствіемъ, отошла уже на вѣки въ домъ отцовъ своихъ.

РАЗСКАЗЫ КНЯЗЯ А. Н. ГОЛИЦЫНА.

Изъ Записокъ Ю. Н. Бартенева.

IV [1]).

Князь мой однажды на всегда назначилъ мнѣ Пятницу днемъ нашего общаго занятія; въ этотъ день онъ обыкновенно выслушиваетъ ва скоро составленные мною очерки, пополняетъ ихъ своими замѣчаніями, вновь говоритъ и разсказываетъ о томъ, чего передавать при другихъ не считаетъ за совмѣстное. Въ это же время, когда еще свѣтло, я обыкновенно переписываю у него и бумаги, которыя по важности ихъ содержанія или рѣдкости, а можетъ быть и въ слѣдствіе принятаго имъ навыка, князь не рѣшается давать мнѣ на домъ. Не задолго еще предъ симъ, князь вновь повторилъ мнѣ, чтобы я явился къ нему въ назначенное время и что онъ весь этотъ день будетъ до обѣда дома; однакоже, наканунѣ поименованнаго дня, князь присылаетъ мнѣ записочку, въ которой увѣдомляетъ, чтобъ я пораньше, если можно, пришелъ къ нему, потому что онъ въ 2 часа по полудни намѣревался куда-то ѣхать. Въ этомъ привѣтливомъ лоскуткѣ бумажки князь мнѣ пишетъ, что если я успѣю и пораньше раздѣлаться съ моимъ *цырульникомъ* [2]), то онъ меня и во всякое время приметъ, какъ бы я

---

[1]) См. первую книгу Р. Архива 1886 года, стр. 369.

[2]) Въ числѣ многочисленныхъ нелѣпостей обыденной моей жизни, значится, между прочимъ, и таковая, что я, живя въ домѣ Петербургскаго Почтамта и имѣя подъ бокомъ цырульню, посылаю однако за своимъ бритоусомъ за Неву, на Васильевскій островъ. Часто Чухонецъ опаздываетъ, иногда за рѣкою, иногда и совсѣмъ не приходитъ, отъ чего борода моя вырастаетъ, а кровь портится отъ петерпѣнія. Но что и того хуже, я иногда опаздывалъ являться въ назначенное время я къ самому князю. Милостивый князь никогда на меня за то не гнѣвался, хотя всякій другой на его мѣстѣ не допустилъ бы даже я сказать себѣ о подобной причинѣ.

рано къ нему ни пришелъ. Здѣсь меня спросятъ, для чего я записываю такую мелочь. На это отвѣтствую также вопросомъ, для чего князь по этому предмету, отдавши уже однажды на всегда приказаніе, счелъ однако за нужное написать мнѣ записку? Извѣстно, что по Пятницамъ, въ назначенный часъ, я и безъ того обязанъ бы былъ явиться къ князю, что̀ доселѣ вѣрно и исполнялось; кромѣ того, предъ отходомъ моимъ въ послѣдній разъ, князь вновь подтвердилъ мнѣ, что онъ ожидаетъ меня въ Пятницу, прибавя, что еще нарочно сберегъ для меня этотъ день, отказавъ дѣвицѣ Шумлянской [*]), желавшей въ это же время посѣтить его. И такъ опять повторю: для чего писана записка? Для того, почтенный будущій мой читатель, если только таковый найдется, для того, что этотъ лоскутокъ показываетъ отчасти характеръ князя и прелестную черту его сердца, для котораго не чужды всѣ оттѣнки удобствъ его ближняго.

По правилу однажды установленному въ эти дни, т.-е. по Пятницамъ, я обыкновенно сиживалъ у князя часовъ до четырехъ съ половиною послѣ полудня, послѣ которыхъ онъ тотъ же часъ уѣзжаетъ къ извѣстнымъ ему людямъ на обѣдъ; но такъ какъ видно встрѣтилось обстоятельство нечаянное, что нужно ему было еще до обѣда куда-то съѣздить (кажется мнѣ, къ графинѣ Віельгорской), то вотъ князь и озаботился своевременно сообщить мнѣ, что двумъ или тремъ часамъ времени, которыми обыкновенно ему жертвую, я могу дать другое употребленіе. Изъ этаго видно, что онъ сберегаетъ и щадитъ своего ближняго, желаетъ ему простора, удобствъ въ самыхъ даже мелочахъ его. Это происходитъ у него отъ любви и есть искра свѣтлаго участія къ своему ближнему. По характеру князя и подобная мелочная вещица высоко должна быть оцѣнена; я говорю по характеру, ибо не знаю человѣка, который былъ бы осторожнѣе его въ проявленіи своему подчиненному нѣкотораго увлеченія, нѣкоторой ласки поощряющей; у князя, какъ-бы кого онъ ни любилъ, нѣтъ этого самозабвенія сердца, нѣтъ этихъ спорадическихъ порывовъ къ ближнему, которые такъ часто обаяніемъ своимъ закруживаютъ послѣднему голову и приводятъ въ радостное трепетаніе сердце.

Позднѣйшая приписка.

Это не совсѣмъ полно; сіи замѣчанія, набросанныя мною 3-го Декабря прошедшаго 1837 года, пересматривая нынѣ, то есть 17-го Ген-

---

[*]) Дѣвица Шумлянская, родная сестра покойнаго почтъ-директора Булгакова, есть одна изъ тѣхъ немногихъ женщинъ, которыхъ князь навѣщаетъ; при случаѣ скажемъ о ней подробнѣе; она замѣчательна по нѣкоторымъ обстоятельствамъ.

варя 1839 года и приводя ихъ въ нѣкоторый порядокъ, нахожу, что я болѣе успѣлъ въ изученіи моего добраго князя. Я выше сказалъ, что онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ не щедръ на проявленіе подчиненному той шумной, безотчетной, торжественной ласки, того опріязненнаго благоволенія, которыми такъ щедро иногда надѣляютъ своихъ присныхъ подчиненныхъ другіе ему подобные вельможи, цвѣтущіе въ силѣ и въ поступательномъ дѣйствіи своего служебнаго періода. Онъ точно не щедръ, но только по наружности; онъ не щедръ и по нѣкоторымъ философскимъ основаніямъ, которыя съ давняго времени себѣ усвоилъ и ввелъ ихъ, такъ сказать, въ практическую жизнь свою. Человѣкъ, которому привелось бы пожить съ нимъ хотя короткое время, придетъ въ нетерпѣніе, можетъ быть даже въ сомнѣніе, видя, какъ строго князь себя сдерживаетъ въ обращеніи съ нимъ, равно какъ и съ другими ему подобными. Мнѣ случалось слышать, что въ заочныхъ сужденіяхъ о князѣ его называютъ l'homme de l'habitude; что будто нѣкоторая теплота его есть просто слѣдствіе однажды взятой имъ привычки; что остуда или равнодушіе ко всему и ко всѣмъ есть какъ бы неизбѣжная уже для него принадлежность, для него—всѣмъ воспользовавшагося, все вкусившаго, все прошедшаго: свойство нѣкоторыхъ лѣтъ и разочарованія бываетъ таково, что смотрятъ уже на ближняго сквозь призму мозга, а не сердца. Все это однакожъ неправда въ приложеніи къ князю, который очень любовенъ, но не любитъ только сіе показывать; не показываетъ же, по моему мнѣнію, вотъ по какимъ причинамъ. (Я начну съ Адама, прошу не смѣяться: это не умничанье, а слѣдствіе добросовѣстнаго труда и наблюденія). Нѣкоторые истинные, но строгіе умозрители, скажу прямѣе, отцы восточной церкви нашей утверждаютъ, между прочимъ, о выгодахъ сдерживать свое сердце, когда оно въ соприкосновеніи съ какимъ-бы то ни было нетерпѣливымъ пожеланіемъ бойко ищетъ обнаруживать свою волю словомъ или движеніемъ. Для философіи по стихіямъ міра таковый подвигъ и незамѣтенъ, и даже празденъ; но для практическаго христіянина, согласующаго умозрѣніе съ дѣятельностію, молитву съ подвижничествомъ, подобное обстоятельство, неуловимое для толпы обыкновенныхъ мыслителей, есть особенной важности.

Князь, слѣдящій бодрственно за своимъ сердцемъ, любитъ, чтобъ оно мирно и плавно, такъ сказать, встрѣчало всѣ возможныя соприкосновенія жизни; увлеченіе темперамента, шумное свидѣтельство чувствъ своихъ, хотя и добрыхъ, хотя и желанныхъ, все сіе мутитъ покой его духа и готъ вожделѣнный для него внутренній міръ, къ которому онъ такъ понуждается. Случалось, что человѣкъ интересный для князя, но разъединенный и разлученный съ нимъ на долгое время

и на значительное пространство разстоянія, вдругъ, какъ бы падая съ неба, нечаянно къ нему пріѣзжаетъ и нетерпѣливо желаетъ съ нимъ видѣться, и что же? По обыкновенному ходу вещей человѣческихъ, при таковомъ извѣщеніи, князь мой долженъ бы былъ бросить всѣ свои дѣла, обрадоваться нечаянному и желанному свиданію и, забывъ декоръ своего званія, летѣть пріѣзжему на встрѣчу и проч. Но подобнаго у него никогда не случается: часто бываетъ, что онъ даже совсѣмъ уклоняется принять въ этотъ день сего посѣтителя, назначая ему другой ближайшій срокъ. Признаться, что князь, поступая такимъ образомъ со своимъ знакомцемъ, часто приводитъ его въ недоумѣніе; скажу болѣе, его, взволнованнаго отъ нетерпѣнія видѣть князя, онъ даже огорчаетъ; но искренняя ласка перваго свиданія, но созвучіе князева участія съ желаніями и намѣреніями пріѣзжаго совершенно примиряютъ сего послѣдняго съ мнимымъ равнодушіемъ увидѣть его послѣ долгаго отсутствія. Такъ дважды случалось съ однимъ изъ моихъ близкихъ знакомыхъ, и я полагаю, что основаніе такого наружнаго индеферентизма въ князѣ заключается въ изложенномъ мною объясненіи.

Но у князя есть своя, ему свойственная, метода, и тѣмъ пріятнѣе получать отъ него подобный вызовъ, гдѣ заключается и милая шутка, всегда обязательная и лестная для получающаго, когда она проявляется отъ человѣка, который круто и постоянно сдерживаетъ себя во всѣхъ внѣшнихъ, особенно письменныхъ проявленіяхъ. Князь очень остороженъ въ своихъ письмахъ, запискахъ и проч. Не потому ли, что мы нынѣ живемъ въ вѣкѣ письменности, литографіи, автобіографіи, и проч. и проч., а письма и записки служатъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, документальнымъ термометромъ теплоты и сердечнаго холода, съ тою только разницею, что въ этомъ термометрѣ ртуть навсегда приковывается къ одному мѣсту и что онъ можетъ съ постоянною вѣрностію передавать это былевое стояніе сердца и всѣмъ временамъ, и всѣмъ людямъ.

Всю жизнь свою князь провелъ при дворѣ; всю жизнь онъ наглухо застегивалъ полы своего блестящаго кафтана. Смолода онъ можетъ быть это дѣлалъ для того, что находилъ еще себя въ состояніи преходящемъ, транзитуарномъ; но въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда достигнулъ осѣдлости и полнаго развитія въ своемъ званіи, онъ застегивался уже и потому, что въ обширной сферѣ своихъ дѣйствованій онъ видѣлъ только множество людей готовыхъ и досужихъ ежечасно его растегивать подъ разными благовидными предлогами, чтобъ въ послѣдствіи употреблять его въ личную для себя пользу и, воздѣйствіемъ отъ него довѣренности, затаскивать съ собою въ безотвѣтную

стачку воли не всегда чистой, не всегда благонамѣренной. Свободное обращеніе съ царями и великими міра сего пустило глубокіе корни въ сердцѣ князевомъ и, можетъ быть, безъ его даже вѣдома; въ размѣнѣ пріязни по нисходящей линіи онъ очень остороженъ, чтобъ не сказать чего большаго. Христіянство много укротило и упростило это сердце; но далеко еще до того, чтобъ онъ могъ полюбить кого безъ формы. Въ этомъ случаѣ князь похожъ на того импровизатора, который не иначе говорить можетъ, какъ только возвышенными, гомерическими стихами. Буйство любленія, столь сладкое для сердца, столь его чарующее по своей безотчетности, если смѣю выразиться, князю мало извѣстно. Но если онъ въ горнилѣ своемъ и скрываетъ это пламя, то здѣсь должно откровенно сказать, что сіе горнило заложено у него толстыми кирпичами.

Форма и метода суть любимые девизы въ князевыхъ прикосновеніяхъ съ людьми; но въ основаніи всякой добросовѣстной его привязанности къ ближнему глубоко заложены у него два качества: нѣкоторой раціональной недовѣрчивости и темпераментальной робости. Знаю, что на послѣднюю онъ не согласится, ибо трудно вельможѣ соглашаться въ робости, отъ чего бы она у него ни происходила; но она у него есть эта робость и даже съ избыткомъ. Князь есть такой человѣкъ, который охотно разливаетъ миръ между своими ближними, но съ тою же охотою онъ и изолируетъ или разъединяетъ этихъ своихъ ближнихъ. Въ пріемахъ его нѣтъ той общности, того обобщающаго чувства, которое такъ охотно и удобно стягиваетъ всѣхъ и каждаго въ совокупную жизнь; напротивъ того, осмотрительность князева, какъ бы по одиначкѣ, перебираетъ предметы своего влеченія или избранія и тратитъ на нихъ по немногу изъ своей довѣренности и расположенія.

Но я увлекся слишкомъ далеко, а все это произвела князева записка. Пусть слабый сей очеркъ послужитъ доказательствомъ, если не того, какъ я люблю моего князя, по крайней мѣрѣ хотя того, какъ я его изучаю. Немного надобно было времени, чтобъ написать эти бѣглыя строчки; но много положено труда и вниманія, чтобъ разоблачить внутренній и неуловимый міръ, тщательно сокрываемый такимъ человѣкомъ, котораго характеръ, нѣкогда искусственный, въ послѣдствіи сдѣлался вполнѣ самобытнымъ.

*) По приходѣ моемъ къ князю, я принялся читать ему послѣднія

*) Нижеслѣдующее было представлено Ю. Н. Бартеневымъ, въ 1860-хъ годахъ, Государю Императору Александру Николаевичу при письмѣ, въ которомъ сочинитель вспоминаетъ, какъ самъ Государь, въ молодости своей, приходилъ слушать князя А. Н. Голицына и потомъ записывалъ разсказы его. П. Б.

четыре записки. Записками и вмѣстѣ программами я называю наскоро составленные мною черновые сколки князевыхъ импровизацій. По истинѣ всякій разсказъ князевъ можно назвать импровизаціею; полнота, послѣдовательность, одушевленіе, точность въ подробностяхъ, часто доходящая до пуризма, суть непремѣнныя условія всякаго, сколько-нибудь продолжительнаго разсказа князева. Намѣренныхъ обмолвокъ и неясностей князь вовсе не терпитъ. Я не люблю, говаривалъ мнѣ неоднократно князь, тѣхъ анекдотовъ, гдѣ истина перемѣшана съ вымыслами; такіе жалкіе разсказы не имѣютъ въ глазахъ моихъ ни малѣйшаго интереса. И вотъ моя мнительность, и безъ того уже всегда озабоченная, подстрекала меня безпрестанно подставлять предъ глаза князевы написанное мною.

Надобно тебѣ разсказать главное, сказалъ князь, и именно объ обращеніи моемъ и блаженной памяти Государя Александра къ христіанству; но я желалъ бы только, что все, что ты писать будешь о покойномъ Государѣ, дѣлалъ бы съ нѣкоторою скромностію, ибо память его для меня священна.

И вотъ вельможный повѣствователь, на просторѣ и съ нѣкоторымъ увлеченіемъ сердца, началъ мнѣ разсказывать занимательнѣйшія подробности своей и общей государственной жизни. Не имѣю я способностей достойно передать эту сладкую рѣчь князеву, эти перлы, кои Русь святая нѣкогда высоко оцѣнитъ, когда проявятся предъ нею святыя и доблественныя чувствованія благословеннаго Александра, котораго никто въ мірѣ не знавалъ такъ коротко какъ князь нашъ.

Когда изъ Московской ссылки я возвратился въ Петербургъ, началъ князь, то Государь въ скорости призываетъ меня къ себѣ и говоритъ мнѣ съ нѣкоторою серіозностію. «Послушай князь, мнѣ кажется, что тебѣ неловко быть безъ публичной должности. Вся Петербургская публика знаетъ, какъ ты у меня коротокъ, а между тѣмъ ты еще все и до сихъ поръ не служишь». И вотъ тутъ же Государь предлагаетъ мнѣ мѣсто въ Сенатѣ, чтобъ я на первый разъ поступилъ туда за оберъ-прокурорскій столъ въ вѣдѣніи у оберъ-прокурора Рязанова. Предложеніе Александра показалось мнѣ какъ-то непріятно; я былъ разсѣянъ въ обществѣ, былъ лѣнивъ и признаюсь, что неохотно выслушалъ такое назначеніе. Въ это же время и на подобное мѣсто Государь помѣстилъ камергера своего двора графа Павла Александровича Строгонова. Онъ давно былъ камергеромъ, послѣ пошелъ въ военную службу, къ которой имѣлъ всегдашнюю наклонность; въ послѣдствіи былъ генералъ-адъютантомъ, имѣлъ втораго Георгія, Александровскую ленту. Государь его очень жаловалъ. Вскорѣ послѣ сего оберъ-прокуроръ Рязановъ вызванъ былъ для преднамѣреваемаго имъ

путешествія въ Японію, а на его мѣсто сдѣланъ былъ исправляющимъ должность оберъ-прокурора графъ Строгоновъ. Также вскорѣ случилось, что тотъ же графъ Строгоновъ занялъ уже мѣсто товарища министра внутреннихъ дѣлъ, а я поступилъ на мѣсто его и кромѣ перваго, мнѣ порученъ былъ и третій департаментъ Сената. Императоръ Александръ велъ меня такимъ образомъ для того, чтобъ я, по словамъ его, научился и подготовился, въ послѣдствіи къ высшимъ назначеніямъ. Въ это же время Николай Николаевичъ Новосильцовъ, будучи меня моложе чиномъ, поступаетъ по волѣ Государя въ товарищи министра юстиціи. Канцлеръ Воронцовъ, наблюдая служебные порядки, счелъ тогда за нужное внушить Государю о нѣкоторой несовмѣстности стоять мнѣ ниже Новосильцова въ одномъ и томъ же родѣ службы, и вотъ однажды по этому случаю Государь позвалъ меня къ себѣ обѣдать въ Таврическій дворецъ. Мы обѣдали съ нимъ только вдвоемъ.

«Я очень бы желалъ», сказалъ тогда мнѣ императоръ Александръ, «чтобъ ты занялъ мѣсто оберъ-прокурора въ Синодѣ. Яковлевъ, который числится теперь въ семъ званіи, не совсѣмъ хорошъ; далеко, чтобъ онъ могъ удовлетворять моимъ требованіямъ и ожиданіямъ; притомъ и духовенство совершенно имъ недовольно; мнѣ кажется, что онъ неспособенъ быть на этомъ мѣстѣ. Жалобы на него безпрестанныя; мнѣ бы хотѣлось, продолжалъ Государь, чтобы преданный мнѣ и мой, такъ сказать, человѣкъ занималъ эту важную должность. Я никогда къ себѣ не допускалъ Яковлева, никогда съ нимъ вмѣстѣ не работывалъ; а ты будешь непосредственно имѣть со мною дѣло, потому что вмѣстѣ съ симъ я назначаю тебя и моимъ статсъ-секретаремъ».

«Знаю», сказалъ мнѣ Государь улыбнувшись, «что сперва тебѣ покажется дико это новое занятіе; но мнѣ совершенно извѣстны твои честныя правила, отъ которыхъ, равно какъ и отъ твоей добросовѣстности, я всего надѣюсь добраго».

Признаюсь, сказалъ мнѣ князь, я не мало встревожился отъ этого предварительнаго назначенія, хотя и ожидалъ отъ Государя чего-нибудь подобнаго. Разсѣянная жизнь, дворскія привычки, веселый сгибъ моего характера, вовсе неумѣстительный съ тѣми мрачными понятіями, какія я имѣлъ тогда объ этомъ званіи, словомъ, все приводило меня въ смущеніе, которое, можетъ быть, противъ воли выразилось даже и на самомъ лицѣ моемъ. Въ то время казалось мнѣ многое какъ бы несовмѣстнымъ и достойнымъ стыда, что не заключало въ себѣ стыда; напримѣръ, самая ѣзда на Васильевскій островъ, въ это тяжелое, уродливое зданіе двѣнадцати коллегій, мнѣ казалась вмѣстѣ съ модными господами первой Адмиралтейской части какъ-то неловкою, даже смѣшною, чтобъ не сказать чего болѣе: какъ будто служба моя дѣ-

лалась уже внѣ Петербурга. При томъ и совершенное незнаніе дѣла не очень располагало меня принять эту готическую должность Синодальнаго оберъ-прокурора. Какой я оберъ-прокуроръ? думалъ я самъ про себя. Я ничему не вѣрю.

Помилуйте, Ваше Величество, сказалъ я наконецъ Государю, что вы со мною хотите дѣлать? Развѣ вамъ неизвѣстно, что, принявъ назначаемую вами обязанность, я рѣшительно ставлю себя въ ложное отношеніе сперва къ вамъ, потомъ къ службѣ, да и къ самой публикѣ. Вамъ небезъизвѣстенъ, продолжалъ я, образъ моихъ мыслей о религіи, и вотъ, служа здѣсь, я буду прямо уже стоять *на перекоръ* совѣсти и вопреки моихъ умственныхъ понятій! Позвольте мнѣ, Ваше Величество, хорошенько объ этомъ подумать, прибавилъ я съ нѣкоторымъ настояніемъ. Александръ согласился, а я радъ былъ и тому, что на первый разъ хотя выигралъ время и могъ посовѣтываться съ пріятелемъ моимъ Гурьевымъ *).

И вотъ по прошествіи трехъ дней Государь снова зоветъ меня въ Таврическій дворецъ; а мнѣ не удалось еще поговорить о моемъ дѣлѣ съ Гурьевымъ, который какъ будто нарочно тогда уѣхалъ въ Гатчино и не успѣлъ воротиться. Въ томъ же Таврическомъ дворцѣ мы обѣдаемъ опять вдвоемъ съ Государемъ. «Ну, Голицынъ», сказалъ мнѣ Александръ, «какъ же ты думаешь о своемъ мѣстѣ? Рѣшаешься-ли?» — Ваше Величество, я еще не успѣлъ посовѣтываться съ Гурьевымъ, потому что его нѣтъ въ Петербургѣ. Государь замѣтно огорчился; даже съ нѣкоторымъ упрекомъ сказалъ онъ мнѣ тогда, что, бывши моимъ истиннымъ другомъ, онъ былъ бы въ правѣ ожидать отъ меня большей къ себѣ довѣренности. «Мнѣ», продолжалъ Александръ, «прискорбно видѣть, что ты совѣты Гурьева болѣе предпочитаешь моимъ указаніямъ».

Выслушавши такую рѣчь изъ устъ Государя, я готовъ былъ уже на все согласиться, на что только было ему угодно.

Однако я осмѣлился тутъ же замѣтить Александру, что цари обыкновенно смотрятъ на подобныя избранія, какъ бы съ какой высоты, и обыкновенно взглядъ ихъ не достигаетъ тѣхъ неровностей, той шероховатости, которыя непремѣнно надлежитъ встрѣтить на семъ пути человѣку ими избранному и которыя всегда видитъ лучше тотъ, кто стоитъ ниже.

Наконецъ, я дѣлаюсь оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода.

Скажу тебѣ о первомъ принятіи моей должности, о первыхъ, такъ-сказать, впечатлѣніяхъ, которыя она во мнѣ произвела. Вотъ я от-

*) Онъ былъ тогда начальникомъ Кабинета.

правляюсь на Васильевскій островъ, въ Синодъ; вхожу въ готическую храмину, вижу синодскій декоръ, вижу на другой сторонѣ зерцала служебное Распятіе. Вмѣстѣ съ симъ глазамъ моимъ встрѣчается какой-то Византійскій тронъ изъ позолоченаго дерева. Входя крѣплюсь, стараюсь быть важнымъ, степеннымъ, приступаю къ слушанію дѣлъ. Случилось же, что для перваго моего прихода слушаны были такія дѣла, которыя, во всякомъ случаѣ, могли служить богатою канвою для самой соблазнительной хроники. На тотъ разъ предложены были процессы о прелюбодѣяніяхъ во всѣхъ ихъ подробностяхъ. Мнѣ тогда показалось, что и святые отцы вовсе не были прочь ихъ выслушивать; что же мнѣ, молодому холостяку? И хорошо еще еслибъ все это вводило меня только въ безвкусіе; но можетъ быть, я былъ въ другомъ расположеніи духа, и слѣдовательно мнѣ надлежало притворяться.

Послѣ сего перваго засѣданія въ Синодѣ я отправляюсь обѣдать къ Государю. Мы опять съ нимъ остаемся вдвоемъ. Александръ приказываетъ мнѣ пересказать ему о впечатлѣніи, полученномъ мною при вступленіи въ должность. Этого мнѣ и хотѣлось. Въ то время я имѣлъ еще претензіи на остроту. Расположеніе къ насмѣшкѣ было тогда моимъ обычнымъ расположеніемъ. Меня любили за мою неподдѣльную веселость, и я, бывало, разливался въ саркастическихъ намекахъ и колкихъ замѣчаніяхъ на все, что только ни попадало мнѣ подъ руку. Мои сарказмы конечно выбирали предметомъ смѣшную только сторону людей; но, часто они поражали и то, что долженствовало всегда быть неприкосновеннымъ для всякаго честнаго человѣка. Невѣрственная школа XVIII-го столѣтія пустила глубокіе корни въ моемъ сердцѣ. Деизмъ, который въ то время былъ признакомъ людей высшаго общества и хорошаго тона, былъ, такъ сказать, моя раціональная принадлежность и составлялъ все мое вѣрованіе. Иногда въ злоупотребленіи своего разума я доходилъ до такихъ крайностей, о которыхъ воспоминаніе поражаетъ меня и доселѣ горькою справедливою скорбію.

Мнѣ припоминается теперь одинъ случай, который кстати я разскажу тебѣ для примѣра.

Въ обществѣ нашихъ общихъ знакомыхъ былъ нѣкто князь Тюфякинъ. Этотъ человѣкъ, котораго нравственность вовсе была нелучше моей, позволялъ себѣ дерзкія выраженія на счетъ религіи, какъ и я самъ; это составляло общую забаву и удовольствіе наше. И вотъ однажды у него въ домѣ, бывши уже оберъ-прокуроромъ Синода, я вымолвилъ такое несовмѣстное, такое дерзновенное богохульство, что очень тѣмъ соблазнилъ моего Тюфякина, который даже отъ того и встревожился и просилъ меня его пощадить. Вотъ какого блюстителя имѣлъ во мнѣ Святѣйшій Синодъ!...

Но я уклонился отъ моего разсказа, кажется, на томъ мѣстѣ, что Государь спрашиваетъ меня о впечатлѣніи, какое сдѣлалъ на меня Синодъ.—Не затаю предъ вами, Ваше Величество, отвѣчалъ я ему, что онъ произвелъ на меня впечатлѣніе самое невыгодное, чтобъ не сказать вамъ чего болѣе. Мрачный видъ этой присутственной и закоптѣлой каморы, продолжалъ я, эти чернецы еще въ мрачнѣйшихъ своихъ рясахъ, вмѣсто украшенія стоявшее Распятіе, навѣяли на меня грусть могильную. Мнѣ уже казалось, что причетъ готовъ отпѣвать меня заживо!... Кромѣ того, даже самое свойство дѣлъ тамъ трактуемыхъ было вовсе не по мнѣ; ибо оныя совершенно различествовали отъ тѣхъ, къ которымъ я привыкъ, служа по Сенату.

Мой разсказъ не произвелъ однакожъ ожидаемаго мною дѣйствія на Государя; ибо, по мѣрѣ словъ моихъ, Александръ принималъ на себя видъ болѣе и болѣе серіозный, такъ что я уже нашелся принужденнымъ сей же часъ замолчать, считая уже неприличнымъ и даже не смѣя продолжать разговоръ мой въ такомъ тонѣ.

И вотъ съ тѣхъ поръ, продолжалъ князь, установились мои регулярныя посѣщенія Синода.

Я хотя и ѣздилъ съ Синодъ, но сердце мое не перемѣнялось; страсти крѣпко обуревали мою душу, и я любилъ тогда поддаваться особенно тѣмъ изъ ихъ изысканныхъ нелѣпостей, гдѣ занимаемое мною званіе, званіе по справедливости столь важное, могло служить наибольшимъ упрекомъ моего тогдашняго поведенія. Иногда, въ чаду молодаго разгулья, въ тѣсномъ кругу тогдашнихъ прелестницъ, я внутренно любилъ смѣяться своей странной случайности; мнѣ очень тогда казалось забавно, что эти продажныя Фрины никакъ не воображали, что у нихъ на этотъ разъ гоститъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода. Милосердный Боже! Прибавилъ со вздохомъ князь, сколько Ты терпѣливъ былъ ко мнѣ, и сколько разъ милость Твоя меня щадила! Ну еслибы тогда пресѣклась жизнь моя? Что бы тогда было со мною, слѣпымъ и несчастнымъ грѣшникомъ!

Я снова обращаюсь къ своему разсказу. И такъ я сталъ ѣздить въ Синодъ, началъ отправлять свою должность съ языческою, такъ сказать, добросовѣстностію. Но здѣсь я пока оставлю эту матерію, продолжалъ князь, чтобъ передать тебѣ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, которыя не менѣе любопытны. Помнишь, что мы говорили о графѣ Павлѣ Александровичѣ Строгоновѣ, который изъ-за оберъ-прокурорскаго стола такъ скоро сдѣланъ былъ настоящимъ оберъ-прокуроромъ, и потомъ еще скорѣе того товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.... Ты, я думаю также не забылъ и Николая Николаевича Новосильцова, который, и чиномъ, и службою бывъ меня моложе, также

скоро былъ сдѣланъ и такимъ же товарищемъ министра юстиціи. Эти скорыя возвышенія могутъ тебя удивить, но я раскрою тебѣ настоящую ихъ причину.

Вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ, Александръ поспѣшилъ обставить себя нѣкоторыми изъ людей, отличавшихся тогда свободою мыслей, непризнаніемъ религіи, отраженіемъ того духа либерализма, который взволновалъ умы всей почти Европы. То были графъ П. А. Строгоновъ, графъ Н. Н. Новосильцовъ и князь Адамъ Чарторыжскій.

Этотъ троичный союзъ составлялъ, такъ называемый тайный комитетъ Государевъ, обыкновенно собиравшійся у него въ послѣобѣденное время. Здѣсь Императоръ любилъ на просторѣ бесѣдовать съ этими господами; они звенѣли ему безкорыстіемъ усердія, философскими утопіями народнаго управленія и апоѳегмами пользы и добра отечеству; но все это былъ сущій вздоръ и крушеніе духа. Графъ Строгоновъ былъ человѣкъ не такъ далекій, хотя воспитателемъ его былъ знаменитый по тогдашнему времени демагогъ Ромъ, который вмѣсто обыкновеннаго счисленія времени по недѣлямъ ввелъ во Франціи извѣстную декаду. Князь Адамъ Чарторыжскій, хотя по наружности и считался произведеніемъ князя Адама же, нѣкогда фельдмаршала Австрійскихъ войскъ, но онъ просто былъ прижитъ матерью его съ нашимъ княземъ Репнинымъ, нѣкогда также главноначальствовавшимъ арміею нашею въ Польшѣ *). Доказательствомъ сего могло служить, между прочимъ, и то, что онъ былъ вылитое подобіе князя Репнина; и отецъ и сынъ повидимому это хорошо знали, ибо часто случалось, что, во время болѣзни молодаго Чарторыжскаго, князь Николай Васильевичъ, бывши такимъ знатнымъ бариномъ, не затруднялся однакожъ ходить къ юношѣ на квартиру и по долгу сидѣть у него. Князь Адамъ служилъ тогда въ нашей гвардіи офицеромъ, и за то были возвращены ему тѣ большія помѣстья въ поступившихъ къ намъ отъ Польши губерніяхъ, которыя были отобраны у его отца. Смѣтливый Полякъ затѣмъ и пріѣхалъ въ Петербургъ, затѣмъ и вступилъ на службу, чтобъ прибрать въ руки конфискованное въ казну имѣнье, не смотря, что мать его, политическая интриганка и гулливая Полька, подъ страшною клятвой обязала сына не любить Россіи, постоянно козподѣйствовать, противиться ея пользамъ и величію.

Кстати о матери князя Адама. Вдругъ слышитъ она, что въ Варшавѣ проявился какой-то магъ, который, съ подробностію высказывая всю прошедшую жизнь, будто бы въ тоже время показываетъ

*) Сличи письмо князя Репнина къ И. И. Шувалову (Р. Архивъ 1876, I, 416) П. Б.

и желанный гороскопъ будущности. Княгиня Чарторыжская, какъ вѣрная дочь праматери Еввы, допытывается узнать, гдѣ живетъ такой необыкновенный отгадчикъ, который, по отзывамъ знатныхъ придворныхъ госпожъ, передалъ имъ всю ихъ подноготную, все что̀ зазнало ихъ сердце отъ интриги исполненной до интриги предположенной. Княгиня доискалась, наконецъ, до его пребыванія. Въ одномъ отдаленномъ предмѣстіи Варшавы, въ одномъ изъ верхнихъ жильевъ какого-то дома, жилъ этотъ скромный чародѣй дамскій. Вотъ Чарторыжская, лично къ нему является и видитъ человѣка украшеннаго почтенною сѣдиною и котораго живописно-окладистая борода есть достаточное споручительство могучаго таланта. Можетъ быть, еще съ недовѣріемъ приступала къ нему сластолюбивая Полька со своими вопросами; но что же, какъ она была должна удивиться, когда всеведущій чародѣй вытянулъ, такъ-сказать, передъ нею, весь длинный свитокъ и политическихъ и любовныхъ интригъ дворской дамы. Откровеніе такъ было полно, съ такими изумительными подробностями, съ такимъ мастерскимъ знаніемъ мѣстности, что моя княгиня пришла, можетъ быть, сперва отъ того въ восторгъ, а потомъ въ ужасъ и замѣшательство. Но скептицизмъ ея этимъ еще не угомонился; опытная и ловкая интриганка вызвала на новый бой разгадавшаго ея волхва. Узнаешь ли, говорила она ему, что̀ я намѣрена сдѣлать въ эту наступающую недѣлю? Посмотримъ, отвѣчалъ таинственный мужъ. И вотъ Чарторыжская, и безъ того уже на это время замышлявшая рядъ новенькихъ интригъ, интересныхъ свиданій и тому подобнаго, имѣла прекрасный случай употребить, такъ-сказать, свои шалости чтобъ повѣрить знанія колдуна; на этотъ разъ однако она думала это сдѣлать при условіяхъ болѣе скромныхъ, что̀ и исполнила на самомъ дѣлѣ съ надлежащею скрытностію и осторожностью, какъ подобаетъ знатной дамѣ и опытной Полькѣ. По прошествіи назначеннаго времени является моя княгиня къ своему уже знакомому чернокнижнику; не безъ робости же она подступаетъ къ нему съ выученными вопросами. Вотъ опять та же повторяется исторія: чернокнижникъ пересказываетъ ей все свершившееся, говоритъ даже ей о неисполненныхъ ожиданіяхъ, объ обманувшихся надеждахъ. Княгиня моя уже не на шутку приходитъ въ ужасъ, какъ магъ вдругъ захохоталъ во все горло и, снимая парикъ свой и накладную бороду, онъ ей показываетъ въ особѣ своей дражайшаго ея супруга и повелителя, такъ удачно подшутившаго и надъ нею, и надъ ея легковѣрными подругами, которыхъ секреты какъ ему было не знать, живя при дворѣ; слѣдовательно изумительная вѣрность подробностей была совершенно разгадана особенно для жены его.

Княгиня Чарторыжская, продолжалъ князь, кромѣ элемента страстности и влюбчивости, была одержима еще духомъ честолюбія. Въ этой Полькѣ и самыя страсти дѣлались проводникомъ для ея политическихъ плановъ; уловлять мущинъ въ силѣ и случаѣ, дабы въ послѣдствіи подчинять ихъ своему вліянію и своекорыстнымъ внушеніямъ, было любимымъ занятіемъ молодыхъ лѣтъ ея. Но честолюбіе не оставляло княгиню и въ преклонныхъ лѣтахъ жизни. Во время пребыванія своего въ Варшавѣ для коронаціи, Государь Императоръ Николай Павловичъ не могъ не замѣтить, что она не явилась на сіе торжественное событіе, не смотря на то, что сынъ ея, о которомъ теперь идетъ рѣчь, проживавшій тогда въ Варшавѣ, Государевою милостію возведенъ былъ въ оберъ-камергерское достоинство. «Вотъ я уже возвращался изъ Варшавы», сказывалъ мнѣ самъ Императоръ, «и подъѣзжая къ мѣстечку Пулавѣ, одному изъ любимыхъ мѣстопребываній князей Чарторыжскихъ, еще сидя въ коляскѣ, вижу, что на паромѣ, имѣющемъ перевозить меня на ту сторону рѣки, пестрѣются дамскіе костюмы; вереница женщинъ готовилась встрѣчать при моемъ выходѣ меня; приближаюсь, и вотъ старуха Чарторыжская, стоя на паромѣ, привѣтствуетъ меня съ глубокими изъявленіями своей преданности. Мнѣ бы весьма пріятно было, продолжала она, еслибъ Ваше Величество удостоили посѣтить домъ мой; теперь время обѣда. Августѣйшій братъ Вашъ всегда мнѣ эту дѣлалъ честь, и проч. Я отвѣтствовалъ княгинѣ, просто и довольно сухо, сказавши ей, что обѣдать у нея теперь не могу, по той причинѣ, что обѣдъ уже назначенъ на одной изъ слѣдующихъ станцій; но еслибъ это было въ Варшавѣ, прибавилъ я, и княгинѣ вздумалось позвать меня тогда, то, можетъ быть, я и нашелъ бы еще время доставить ей это удовольствіе. Я видѣлъ, что отказъ мой для княгини былъ очень непріятенъ, но я не перемѣнилъ своего намѣренія».

Государь очень постигъ, примолвилъ князь, затѣи хитрой старухи: своей Польской публикѣ она показала бы, что не поторопилась ѣхать на коронацію, а посѣти ее Николай, то она той же публикѣ подъ рукою дала бы замѣтить, какъ еще готовы Русскіе монархи показывать вниманіе къ ея высокому аристократическому значенію въ Польшѣ.

У князя Адама Чарторыжскаго эта аристократія была какъ-то непомѣрна и даже нелѣпа; извѣстно, что въ головѣ его всегда роились странные и несбыточные планы; онъ находилъ какую-то возможность сочетавать республику съ королевскимъ званіемъ. Ключъ такого чудовищнаго соединенія демократіи или, лучше сказать, олигархіи съ царскою властію состоялъ у него въ томъ, что ему самому издав

на хотѣлось власти царской вслѣдствіе бузумно-тщетнаго его надѣянія управлять Поляками.

Но я уклонился отъ моего предмета, и вотъ тороплюсь досказать тебѣ о третьемъ лицѣ тайной думы Государевой. Это былъ, какъ я выше объяснилъ, Новосильцовъ. Онъ, не болѣе какъ маіоръ при Екатеринѣ, удалился въ Англію, будто-бы для того, что не могъ сносить деспотизма Павлова, вдругъ выплылъ при самомъ началѣ царствованія Александра съ запасомъ англоманіи и самыхъ свѣжихъ идей, на хартіи основанныхъ. Мнѣ сдается, продолжалъ князь, что онъ никогда не имѣлъ въ себѣ истинныхъ качествъ высшаго государственнаго сановника и въ послѣдствіи, уже старикъ, но еще волнуемый страстями, волокитствомъ, (можетъ быть, даже и безполезнымъ,) онъ подчасъ упивался на обѣдахъ и невольно долженъ былъ представлять изъ себя гистріона. Даже не задолго до своей смерти, во время одного изъ тѣхъ праздниковъ, которыми обыкновенно Англійскій клубъ тѣшитъ свою публику, старикъ черезчуръ подпилъ и до того развеселился, что пошелъ вмѣстѣ съ другими въ присядку. Такая несовмѣстность поведенія въ предсѣдателѣ Государственнаго совѣта, очень огорчила Государя...

Какъ? сказалъ я, неужели Государь это узналъ?—Да нашъ Государь все знаетъ съ нѣкоторою значительностію отвѣчалъ мнѣ князь [1])...

Теперь ты можешь изъ этой характеристики лицъ заключить, что-то были за люди и могли ли они помѣщаться съ достоинствомъ на первыхъ, такъ сказать, планахъ государственнаго служенія. Но Александръ поддавался тогда не очень религіозному духу. Получивъ образованіе отъ извѣстнаго Швейцарца Лагарпа, Государь долго пребывалъ подъ вліяніемъ сего иноземнаго внушенія; это вліяніе поддерживалось въ немъ и перепискою, которую Лагарпъ продолжалъ регулярно съ Государемъ до самаго 1812 года [2]). Меня, продолжалъ князь,

---

[1]) Тутъ оканчивается тетрадь, представленная Ю. Н. Бартеневымъ покойному Государю Александру Николаевичу и сообщенная графомъ Валуевымъ въ „Русскую Старину“ (1884, кн. 1-я). Напомнимъ читателю, что мы печатаемъ съ подлинной рукописи. П. Б.

[2]) При взятіи Парижа Государь встрѣтился съ своимъ наставникомъ. Лагарпъ былъ только полковникомъ, какъ Государь пожаловалъ ему голубую ленту Святаго Андрея: и слѣдовательно вмѣстѣ съ симъ можно было разумѣть, что Лагарпъ произведенъ былъ и въ генералъ - лейтенанты въ силу однихъ только статутовъ Андреевскаго ордена. Блестящая эта награда была отчасти благодарностію за воспитаніе и какъ бы косвеннымъ выраженіемъ, что и самое взятіе Парижа было плодомъ онаго. Грамата на пожалованный орденъ Лагарпу никогда не была извѣстна; была ли только она когда нибудь писана? Онъ былъ однако внесенъ въ списокъ кавалеровъ Андреевскихъ, хотя по сему случаю и не было указа. Когда князь разбиралъ и приводилъ въ порядокъ кабинетъ Александра, то онъ нашелъ нѣкоторыя письма Лагарповы еще не распечатанными.

они не любили: хотя я и пользовался довѣренностію Александра, но никогда не былъ призываиъ къ послѣ-обѣденнымъ ихъ совѣщаніямъ. Эти господа дали мнѣ произвище *monarchique*, т.-е. *монархическаго*, и если по предмету вѣры я и считалъ себя отъявленнымъ ихъ товарищемъ, то не таковъ я былъ во взглядахъ моихъ на власть монархическую; ибо этого рода заблужденія, къ счастію, никогда не питалъ я, ни въ умѣ моемъ, ни въ сердцѣ.

Вскорѣ послѣ того пріѣзжаетъ изъ чужихъ краевъ Викторъ Павловичъ Кочубей, человѣкъ съ образованнымъ умомъ, съ твердою волею, опытный ученикъ знаменитаго канцлера Безбородки. Онъ не могъ не приникнуть къ совѣщаніямъ и преніямъ комитета и тотъ же разъ усмотрѣлъ, что все это было совершенный вздоръ и одна лишь потеря времени. Кочубей присоединяется къ комитету съ желаніемъ дать ему лучшее направленіе; но уже и самъ Государь сталъ видѣть всю шаткость своихъ совѣтниковъ. Не знаю, какое отношеніе имѣли они къ Кочубею; но меня, какъ сказалъ я, не любили, и вотъ какой смѣшной случай имѣлъ я однажды съ Чарторыжскимъ.

Не помню, кто-то однажды позвалъ меня и Чарторыжскаго вмѣстѣ обѣдать на Каменный островъ. Вотъ, сидя въ каретѣ, князь Адамъ сталъ проповѣдовать мнѣ о полнотѣ и зрѣлости знаній необходимыхъ человѣку поступающему на высшее государственное служеніе; по мнѣнію князя Адама, полнота эта пріобрѣтается лишь тогда только, когда тотъ человѣкъ объѣдетъ Европу и классически, такъ сказать, изучитъ ея различную мѣстность и дѣйствующія лица. Хорошо было бы, продолжалъ князь Адамъ, еслибъ и вы, князь, могли тоже сдѣлать, не говоря уже объ удовольствіяхъ, которыя бы васъ встрѣтили въ этомъ полезномъ путешествіи.—Какъ-же мнѣ можно оставить Россію, сказалъ я князю Адаму, когда я не имѣю для этаго никакихъ средствъ? Помилуйте, князь, Государь васъ такъ любитъ, и повѣрьте, что онъ за удовольствіе поставилъ бы себѣ доставить вамъ всѣ нужные на это способы. Немного надобно догадки, примолвилъ князь, чтобы увидѣть, чего хотѣли отъ меня господа члены тайнаго комитета въ лицѣ столько заботливаго обо мнѣ представителя ихъ, князя Адама!

Я уже однажды сказалъ тебѣ, что даже и самъ Государь началъ разочаровываться отъ ихъ внушеній; они какъ-то стали мелѣть въ его глазахъ, и вотъ какимъ образомъ въ первый разъ я объ этомъ узналъ.

Въ одно время, на Каменномъ островѣ, сидя за столомъ у Государя, довольно-таки отъ него и далеко, слышу, что вдругъ Его Величество, обратясь ко мнѣ, громко спрашиваетъ меня, почему на мнѣ нѣтъ звѣзды? Я былъ тогда въ сѣромъ фракѣ, котораго исторія тебѣ

уже извѣстна *); на шеѣ у меня висѣлъ, по обыкновенію, третій Владимиръ, а звѣзды я не могъ надѣть, по той невинной причинѣ, что ея у меня совсѣмъ не было. Покуда я собирался съ мыслями, что̀ бы мнѣ сказать Государю, который, казалось, одвали не шутилъ надо мною, Александръ еще разъ повторяетъ мнѣ вопросъ свой. Государь, отвѣчалъ я ему, мы у Вашего Величества теперь не въ городѣ, а внѣ его, въ загородномъ дворцѣ, вотъ почему я и не счелъ за нужное принарядиться во всѣ мои регаліи. Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, что Ваше Величество, за это не взыщете съ меня. Другаго тогда мнѣ нечего было и сказать. Государь замолчалъ, а я не зналъ, чему приписать его вопросъ, признаюсь, нѣсколько для меня странный.

Послѣ обѣда графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, бывшій тогда канцлеромъ, подошедши ко мнѣ, съ участіемъ и увѣренностію поздравлялъ меня кавалеромъ первой степени Анны. Богъ-то знаетъ, отвѣтствовалъ я ему.—Вотъ скоро сами увидите, возразилъ мнѣ графъ. И точно, на другій же день я получаю Аннинскую ленту со звѣздою. При свиданіи съ Александромъ, онъ хотя съ шуткою, но съ нѣкоторою значительностію сказалъ мнѣ: «Какъ ты думаешь, Голицынъ! Мнѣ стало извѣстно, что этой ленты, которую ты нынѣ отъ меня получаешь, очень желается имѣть и либераламъ нашимъ». Слово это ясно показало мнѣ, что либерализмъ и усердіе извѣстныхъ господъ не такъ были чисты и безкорыстны, чтобы монаршая награда не имѣла-бы для нихъ своей прелести. Зная характеръ Государя, особенно тѣ его мысли, какія питалъ онъ въ то время о наградахъ и почетныхъ знакахъ отличія за службу, я совершенно удостовѣрился, что комитетъ и лица его составляющія навсегда упали въ его мнѣніи. Послѣдствія болѣе и болѣе въ томъ меня удостовѣрили.

Не правда ли, что я страннымъ образомъ получилъ Аннинскую звѣзду? Эта царская милость подала поводъ, продолжалъ князь, къ весьма забавному происшествію.

Предмѣстникъ мой Яковлевъ ѣздилъ тогда ко мнѣ подъ разными благовидными предлогами, какъ-то разсказывать о начатыхъ имъ и неконченныхъ синодскихъ дѣлахъ, съ совѣтомъ чтобъ я продолжалъ и кончилъ ихъ въ его духѣ; если не это, то преподавать мнѣ, какой нибудь особенный способъ, новую методу, которую по словамъ его онъ съ пользою употреблялъ по Синоду; иногда, чтобъ извѣщать меня, какое обычное давалъ онъ Синоду направленіе и проч. и проч. Мнѣ, правду сказать, наскучили уже эти посѣщенія, равно какъ и

*) Подробности о сѣромъ фракѣ опишутся въ другомъ мѣстѣ.

отеческія его внушенія, и я счелъ за нужное на чисто съ нимъ объясниться, что въ отправленіи моей должности я буду держаться того смысла и разумѣнія, какими наградила меня природа; что благодарю его за совѣты и вмѣстѣ съ тѣмъ прошу впредь отъ нихъ меня уволить. Яковлевъ никакъ не могъ въ себѣ переварить того, что я занимаю его мѣсто. Онъ ѣзжалъ иногда и къ нѣкоторымъ изъ моихъ знакомыхъ и все для того, чтобъ имѣть удовольствіе подъ рукою злословить и странный, по его словамъ, выборъ Государя, и мою особу. Однажды онъ распространялся такимъ образомъ у Марьи Антоновны Нарышкиной, съ которою я былъ хорошо знакомъ; разумѣется, что ей было вовсе непріятно это выслушивать и, не смотря на то, что она давала ему замѣтить о томъ всѣми возможными средствами, раздраженное однакожъ самолюбіе Яковлева никакъ не внимало этимъ внушеніямъ, какъ вдругъ пробѣгаетъ между ними мышка. Хозяйка смертельно ея испугалась, или, можетъ быть, даже и притворилась, что испугалась; но сей случай заставилъ прервать разговоръ, къ полному удовольствію хозяйки дома, которая не замедлила тогда же обо всемъ мнѣ разсказать, смѣясь надъ странностію происшествія, а всего болѣе не забывъ о благодѣтельной для меня мышкѣ.

Когда я получилъ ленту, Яковлевъ тотъ же часъ ко мнѣ явился. «Помилуйте, князь, какъ это возможно, кричалъ онъ мнѣ въ попыхахъ, эту ленту по всему слѣдовало бы получить мнѣ, а вмѣсто того получаете ее вы!»—Чѣмъ-же я виноватъ, отвѣчалъ я взволнованному честолюбцу, когда мнѣ ее Государь пожаловалъ, а не вамъ. Мой Яковлевъ однако спохватился, скоро смягчился, выливался въ громкихъ протестаціяхъ усердія, увѣрялъ меня, какъ онъ много меня уважаетъ, какое бралъ всегда участіе въ моихъ успѣхахъ служебныхъ и проч. и проч. Я улыбался молча, ибо, повторяю, зналъ анекдотъ о мышкѣ.... И вотъ, на самомъ патетическомъ мѣстѣ возраставшей часъ отъ часу его пріязни, вдругъ выбѣгаетъ такая-же мышка и также неожиданно. Въ этотъ моментъ я не спускаю глазъ съ моего Яковлева, который круто пресѣкъ разговоръ, сконфузился и даже побѣднѣлъ отъ страха. Вскорѣ послѣ того, онъ и отретировался. Но странно это повтореніе одного и того же обстоятельства, прибавилъ мнѣ князь; еще страннѣе того смущеніе Яковлева, которому, конечно, я не далъ замѣтить, что мнѣ все было пересказано изъ его заочнаго обо мнѣ разговора.

Теперь снова обратимся мы къ князевой службѣ по Синоду. Князь постоянно началъ посѣщать Синодъ. Языческая, такъ сказать, добросовѣстность его обязывала въ рѣшеніи синодскихъ дѣлъ доискиваться самыхъ источниковъ, а потому часто доводилось ему читать

акты Вселенскихъ Соборовъ, Священное Писаніе и прочіе законы. И вотъ нечувствительно таковое чтеніе дѣлается для него какъ бы и обычнымъ и не кажется болѣе страннымъ.

По прошествіи двухъ лѣтъ означилось одно замѣчательное дѣло по Синоду, въ которомъ даже самъ Государь Императоръ принималъ живое участіе. Одинъ генералъ хотѣлъ развестись съ старою своею женою, ему наскучившею, и жениться на молоденькой. Изъ привязанности къ генералу Государь находилъ это очень естественнымъ по натурѣ вещей, и особенно подкрѣпляемый нѣкоторыми физіологическими доводами. Но Синодъ никакъ не соглашался; органомъ же всего этого несогласія или, лучше сказать, представителемъ его, князю приходилось быть самому лично предъ Государемъ. Вотъ являюсь, говоритъ князь, во дворецъ и показываю дѣло. Государь крѣпко настаиваетъ въ пользу генерала. Тутъ уже я беру смѣлость оспаривать даже мнѣніе Александра, защищая Святѣйшій Синодъ въ его положеніяхъ, которыя я находилъ правильными. Государь спрашивалъ отъ меня доказательствъ и основаній моего заступничества. Я выговариваю ихъ изъ Слова Божія и изъ постановленій Св. Отцовъ и Вселенскихъ Соборовъ. Государь съ удивленіемъ смотритъ на меня и улыбаясь спрашиваетъ, неужели я начинаю уже вѣрить. Тутъ сознаніе моей вѣры въ первый разъ огласилось въ моемъ сердцѣ и на словѣ предъ Государемъ, съ тою живостію убѣжденія, съ тѣмъ проникновеніемъ всего существа моего, что я тутъ же и не обинуясь сказалъ Императору: Вѣрую всему тому чему Православная Церковь вѣритъ и научаетъ.

Государь долго спорилъ со мною о дѣлѣ, долго не соглашался на мои мнѣнія; но прирожденное ему чувство справедливости и правосудія, которое всегда было присуще въ немъ, доброта его души, продолжалъ князь, но могли, наконецъ, выдержать противъ истины: ему жаль стало, что для искусственныхъ и себялюбивыхъ резоновъ, можетъ быть, и по одному инстинкту любострастія, хотятъ отогнать отъ брачнаго ложа жену отъ мужа потому только, что она сдѣлалась стара. «Вижу», сказалъ мнѣ Государь съ улыбкою, «вижу, что попы сдѣлали надъ тобою свое дѣло».

Впослѣдствіи князь продолжалъ свои обычныя занятія по Синоду какъ умѣлъ, безпрестанно болѣе и болѣе поддаваясь спасительнымъ вникновеніемъ благодатной религіи. Вѣра князева была однакожъ застѣнчива и какъ-то робка. Онъ таилъ ее на сердцѣ и боялся обнаруживать свою завѣтную тайну. Онъ предполагалъ, что ему не доставало тѣхъ контроверзическихъ знаній, безъ которыхъ всегда нѣсколько трудновато бываетъ человѣку публичному и особенно на его

мѣстѣ. Иногда бесѣдовалъ онъ и съ Государемъ о христіанской религіи; но философская полемика Александра громила неопытную и безъискусственную вѣру князеву. Государь, говаривалъ ему князь, я не знаю, какъ опровергать васъ словомъ; но все внутреннее существо мое діаметрально, такъ сказать, не согласуется съ вашими мнѣніями; и ваши разсужденія и вся полемика ваша лишь одно во мнѣ производятъ, что я болѣе вѣрю и всему вѣрю охотнѣе, нежели когда-либо. Александръ, говорилъ мнѣ князь, не исключалъ меня за это изъ своей довѣренности: онъ былъ добръ, справедливъ, великодушенъ и охотно оставлялъ людей въ тѣхъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ, которыя не согласовались съ его собственными.

Прошло послѣ того значительное время. Въ законодательной коммиссіи составлялся тогда проектъ гражданскаго кодекса. Проектъ этотъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, сколокъ съ Наполеоновскаго, имѣлъ жаркаго двигателя въ лицѣ Сперанскаго, который грезилъ тогда наукою, естественнымъ правомъ и всякимъ возможнымъ пустоцвѣтомъ подражанія западному, и былъ очень силенъ довѣренностію къ нему Государя. Въ Государственномъ Совѣтѣ онъ не имѣлъ голоса; но отдѣльно взятый, въ мнѣніи царскомъ считался человѣкомъ ему нужнымъ и даже корифеемъ всякаго полезнаго нововведенія въ Россіи; хотя не имѣлъ, говорю, голоса въ Совѣтѣ, но однако могъ, и не имѣя права, оспаривать своего антагониста, подкрѣплять или опровергать его сужденія цитатами изъ законовъ. Въ Совѣтѣ, какъ и теперь, вотъ какое было обыкновеніе. При предложеніи чего-нибудь новаго къ слушанію всякій, имѣющій противъ этого сказать, обыкновенно, вставалъ изъ-за стола и подходилъ каждый разъ противъ президента. Это могъ дѣлать преимущественно тотъ, которому разсматриваемое и трактуемое дѣло было однородно съ департаментомъ его служенія. Оппонентъ, подходя таковымъ образомъ къ президенту, не имѣлъ однако права опровергать лично своего противника, но свое собственное мнѣніе и причины несогласія (буде таковыя имѣлъ) могъ передавать въ своемъ словѣ одному лишь предсѣдателю Совѣта; предсѣдателя уже была обыкновенно обязанность таковыя словесныя и различныя мнѣнія членовъ направлять къ общности совокупнаго воззрѣнія. Блаженной памяти императоръ Александръ, особенно до 1812 года, самъ лично предсѣдательствовалъ въ Совѣтѣ.

Выше сказано, что въ Департаментѣ Законовъ, принадлежащемъ къ Совѣту, составлялся подъ непосредственнымъ указаніемъ и руководствомъ Сперанскаго проектъ гражданскаго кодекса для Россіи; по мѣрѣ изготовленія главъ или статей онаго все это подвергалось предварительному обсуживанію Совѣта Государственнаго. Вотъ какъ-то

одинъ разъ Сперанскій, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ Совѣта Завадовскимъ, начинаютъ мнѣ говорить, что они подготовили для Совѣта положительныя правила или, прямѣе сказать, законы для браковъ, совершаемыхъ въ Имперіи. Намъ сдается, продолжали они, что въ нихъ имѣются надлежащая зрѣлость и полнота и что столь важный предметъ осмотрѣнъ ими съ надлежащей точки зрѣнія. Я состоялъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, и этотъ предметъ не могъ быть для меня не занимательнымъ въ высочайшей степени. Съ великимъ любопытствомъ поспѣшилъ я выслушать предварительное ихъ чтеніе въ Департаментѣ Гражданскихъ Дѣлъ.

Боже мой! Какъ я изумился, слушая этотъ прагматическій или по ихъ словамъ просторный взглядъ на предметъ столь священный и важный, особенно въ Россіи. Съ того начать, что Сперанскій глядѣлъ на него съ полуязыческой стороны, словно какъ на произвольную гражданскую стачку, отстраняя внушенія каноническаго права, издревле на Руси чтимаго, и забывая нѣкоторымъ образомъ, что бракъ есть таинство. Артикулы этихъ законовъ въ приспособленіи къ практической гражданской жизни были болѣе нежели нелѣпы; ибо разбирательство дѣлъ до браковъ касающихся, съ обширными вѣтвями всѣхъ подраздѣленій такого рода, по силѣ этого закона, отнимаемо было изъ сферы духовнаго вѣдомства и предназначаемо мѣстнымъ гражданскимъ властямъ. Такимъ образомъ разбирательство прелюбодѣяній со свитою различныхъ ихъ проявленій, вопреки стариннаго чекана Русскихъ привычекъ, вопреки преданій Церкви и родины, къ явному соблазну толпы, перешло бы въ наши непросвѣщенныя гражданскія инстанціи, чтобы служить нескончаемымъ веществомъ для соблазна и ропота народнаго. Въ этомъ новомъ законѣ степени родства опредѣлялись также смутно и безотчетно, и въ нѣкоторомъ смыслѣ даже были и неисполнимы по своей строгости, ибо объемлемость оныхъ простиралась до семи степеней.

Я испугался, когда услышалъ отъ Сперанскаго, что эти пункты новыхъ законовъ, зарѣшенные имъ предварительно, онъ уже намѣренъ былъ, такъ сказать, подставить Государственному Совѣту для окончательнаго утвержденія. Выше замѣтилъ я, что Сперанскій былъ единственный корифей всѣхъ смѣлыхъ нововведеній; вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ періодахъ государственной его жизни онъ никогда не бывалъ такъ силенъ какъ въ разсказываемое время, потому что самъ Государь на дѣло составленія Русскаго кодекса, на дѣло столь ему желанное, смотрѣлъ глазами Сперанскаго. Признаюсь, что по тогдашнему состоянію и самаго духа государева, который мнѣ былъ совершенно извѣстенъ, мнѣ казалось, что надлежало многаго опасаться: ибо самъ

Александръ въ дѣлѣ супружества не болѣе, можетъ быть, тогда видѣлъ какъ одну лишь гражданскую ритуальность совмѣстную по его тогдашнему мнѣнію быть болѣе предметомъ разбирательства гражданскаго трибунала, чѣмъ духовнаго завѣдыванія.

Впрочемъ Завадовскій и Сперанскій дали мнѣ тогда же замѣтить, что новые эти законы о супружествѣ могли и долженствовали быть водены однимъ лишь высшимъ гражданскимъ ходомъ, т.-е. безъ всякаго участія со стороны Синода, которому должно въ свое время только быть объявлено для окончательнаго постановленія. Эти господа по милости своей оставляли кое-что и Русскому духовенству, предоставляя властямъ церковнымъ право разводить и уничтожать тѣ браки, когда бы гражданскія инстанціи объявляли о томъ свое рѣшеніе, т.-е. по моему мнѣнію предали бы имъ для одного лишь исполненія.

Въ тоже время узналъ я, что этотъ проектъ, эту небывалую и нелѣпую въ Россіи теорію они уже успѣли свозить для показанія и тогдашнему митрополиту Амвросію. Этотъ старецъ, нѣкогда опытный въ своихъ служебныхъ и святительскихъ дѣйствіяхъ, на этотъ разъ какъ-то помалодушествовалъ и еще тѣмъ остался доволенъ, что епархіальныя консисторіи, по обыкновенію всегда загроможденныя дѣлами, равно какъ и самъ Святѣйшій Синодъ, опростались бы, такъ сказать, отъ излишняго труда и по мнѣнію митрополита вдругъ освободились бы отъ дѣлъ такого рода, которыми доселѣ были обыкновенно завалены.

Повторяю, я очень встревожился, выслушавъ о такихъ грозныхъ и рѣшительныхъ подготовленіяхъ, которыя по справедливости можно было полагать косвенными подкопами порядковъ нашего Православія и освященныхъ временемъ нашихъ древнихъ обычаевъ. Но, призвавъ Господа на помощь и вспомнивъ Евангельское изрѣченіе: быть мудру яко змію и чисту какъ голубю, я тогда же скрылъ свои настоящія чувствованія и, принявъ на себя видъ добросердечной готовности, даже поспѣшилъ заранѣе раздѣлить съ ними это торжество человѣческаго ума и мудрое приспособленіе его въ дѣлѣ закона. Вотъ однако, что я счелъ за нужное тогда сказать имъ съ возможною скромностію. По моему мнѣнію во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ утвердится законъ, не мѣшало бы предварительно спросить о томъ мнѣнія и у Святѣйшаго Синода.—Какая же въ томъ надобность? возразили они мнѣ въ одинъ почти голосъ.—А вотъ какая, отвѣчалъ я имъ съ возрастающимъ равнодушіемъ и простотою: положимъ, что этотъ законъ окончательно разсмотрится и безъ всякой перемѣны, пусть въ этомъ даже видѣ, утвердится Государственнымъ Совѣтомъ; но въ послѣдствіи, дойдя до Святѣйшаго Синода, почему знать, можетъ случиться, что встрѣ-

титъ въ ономъ какое нибудь неожиданное сопротивленіе. Ну еслибы Синодъ вздумалъ, чего впрочемъ я нисколько не полагаю, протестовать противъ составленныхъ вами правилъ, найдя въ утвержденныхъ вами пунктахъ какое нибудь прямое несогласіе съ Церковью; то признайтесь, что во всякомъ случаѣ это будетъ очень непріятное для васъ событіе, и возмете ли вы тогда на себя всю отвѣтственность за могущія произойти отъ того послѣдствія?

Синодъ въ своихъ дѣйствіяхъ могъ понимать современныя требованія; я теперь вижу ясно, что онъ отъ нихъ не отстаетъ. Впрочемъ, это и естественно, продолжалъ князь въ наше просвѣщенное время Синоду нельзя же не сообразоваться съ вѣкомъ?

Святѣйшій Синодъ, возразилъ я, вовсе не думалъ потакать нашей современности, о которой вы теперь говорите; правила его составлены прежде вашихъ, которыя суть гораздо поздняго происхожденія Синодскихъ. Затруднительное ваше распредѣленіе на семь разрядовъ есть, такъ сказать, явленіе новѣйшее; оно имѣло мѣсто вскорѣ послѣ шестаго Вселенскаго Собора, на которомъ разбирались брачныя установленія, и сіи семь степеней вашихъ, ведущія свое начало отъ уставовъ Цареградскаго патріарха Социнія, спустя долгое уже время послѣ собора явились въ Православной Церкви и привили къ оной, можетъ-быть, новыя затрудненія.

Словомъ, продолжалъ князь, мнѣ наконецъ удалось склонить этихъ господъ, чтобы проектъ сего закона до окончательнаго его утвержденія доставленъ былъ на разсмотрѣніе Св. Синоду, который тотъ же часъ увидѣлъ всю несообразность теоріи Сперанскаго и почти весь въ составѣ своемъ изъявилъ совершенное по всѣмъ пунктамъ несогласіе. Я говорю почти весь для того, что нашлось однако одно лице, которое, въ нѣкоторомъ отношеніи, не во всемъ соглашалось съ Синодомъ и приняло отчасти сторону нашихъ законодателей. То былъ старый митрополитъ Амвросій, у котораго эти господа заранѣе выпросили согласіе, чтобы брачныя дѣла предварительно были разсматриваемы и даже обсуживаемы въ палатахъ уголовныхъ. Въ семъ пунктѣ Амвросій былъ непреклоненъ и даже не уступалъ всему большинству Синода. Недальновидному старцу это казалось даже выгоднымъ, и онъ рѣшительно думалъ, что такимъ образомъ онъ облегчитъ духовныя вѣдомства отъ дѣлъ сего рода, постоянно и въ великомъ множествѣ всегда тамъ накоплявшихся.

Когда это синодское сужденіе дошло въ свое время до свѣдѣнія дѣлателей проекта, тогда Завадовскій не упустилъ упрекнуть меня, сказавши: Вотъ вы насъ увѣряли, князь, что Синодъ не будетъ поперечить предположеніямъ нашимъ, а выходитъ совсѣмъ тому противное.

Сіи несчастные пункты о супружествѣ переходятъ, наконецъ, къ слушанію и въ Государственный Совѣтъ; на это время самъ Александръ тамъ предсѣдательствуетъ. Надобно тебѣ замѣтить, что иногда, при разсматриваніи дѣлъ въ Совѣтѣ, Государь имѣлъ прежде привычку ранѣе всѣхъ прочихъ обнаруживать свое мнѣніе; отъ этого шаткая политика многихъ членовъ Совѣта сильно колебалась, и слѣдовательно все почти стремилось угождать Монарху и согласоваться съ проявленнымъ уже заранѣе его мнѣніемъ. Но въ послѣдствіи Государь измѣнилъ сію методу; замѣтилъ ли онъ эти продѣлки членовъ, или по другому какому-нибудь случаю, но только уже никогда не произносилъ своего мнѣнія, прежде чѣмъ но были выслушаны голоса всѣхъ прочихъ членовъ Совѣта.

Вотъ, наконецъ, артикулы о бракѣ читаются въ моемъ присутствіи. Мнѣ въ то время какъ-то нездоровилось, и я очень кашлялъ. Во время этого чтенія, признаюсь, я не былъ равнодушенъ; душа моя волновалась и возсылала пламенную молитву къ Небу, ибо въ окончательномъ утвержденіи сего проекта я предусматривалъ даже самую ослабу Русской Церкви и позоръ отечественныхъ нравовъ. Когда окончилось чтеніе, тогда я вдругъ какъ-бы подвигнулся какою-то силою и, доселѣ робкій для всякой публичной импровизаціи, я смѣло подошелъ и остановился противъ креселъ Александра. Свободно и торжественно принялся я опровергать суемудрые доводы моего мощнаго въ словѣ и дѣлѣ соперника. Я какъ-то живо ощущалъ, что Самъ Господь подкрѣплялъ меня. Не помню уже теперь содержанія своей рѣчи; но то однако осталось для меня памятно, что всѣ нужные для сего Евангельскіе тексты съ обильемъ подставлялись тогда моему воспоминанію, и я, проникнутый правостію моего предмета, въ благовѣстіи Распятаго Іисуса находилъ и крѣпость, и подпору моимъ доказательствамъ.

Я тутъ же замѣтилъ, что Сперанскому очень было непріятно выслушивать мои опроверженія, и онъ, какъ я прежде сказалъ тебѣ, не имѣя права на голосъ, не вытерпѣлъ однакожъ, чтобъ тотчасъ мнѣ не замѣтить, какъ будто бы частно, но все однако предъ цѣлымъ собраніемъ, что понятія мои и правила, извлекаемыя изъ Евангелія, въ приложеніи къ трактуемому проекту о бракахъ могли только своевременно быть пригодны для однихъ Жидовъ. Я пресѣкъ тогда рѣчь свою и сказалъ Александру, что для меня очень странно, чтобы въ Русскомъ и Православномъ царствѣ я могъ услышать эту новую и мнимую истину, которая утверждаетъ, что Евангеліе составлено для однихъ только Жидовъ. Доселѣ я полагалъ, сказалъ я, возвысивъ голосъ, что это святое благовѣстіе передано въ наслѣдіе всему человѣчеству и что оно по справедливости составляетъ священное и полезное до-

стояніе не токмо христіанъ и Евреевъ, но и самихъ язычниковъ. Сказавъ сіе, я замолчалъ и отошелъ прочь, а разсматриваемый проектъ утвердился, имѣя въ пользу свою и большинство голосовъ Совѣта, и окончательное согласіе съ онымъ самого Государя.

Послѣ утвержденія сего закона я не тосковалъ уже болѣе, и какъ ни наружно было тогдашнее мое христіанство, но, передавъ это дѣло въ волю Господа, я оставался въ твердомъ упованіи, что Онъ, благій Довершатель всякаго полезнаго начинанія, не допуститъ святую Русь блазниться закономъ неправымъ, недозрѣлымъ и вовсе противорѣчащимъ нравамъ и обычаямъ нашего отечества.

Послѣ Совѣта я отправился тотъ же часъ обѣдать къ Государю и вотъ что наединѣ онъ говорилъ мнѣ: «Голицынъ, ты, право, удивилъ меня своею полемикою. Повѣрь, мнѣ пріятно даже было слушать тебя, видя, какъ добросовѣстно защищалъ ты и честь ввѣреннаго тебѣ мѣста, и отправляемое тобою званіе. Конечно я могу не всегда соглашаться въ избранныхъ тобою основаніяхъ, могу иногда не раздѣлять твоего воззрѣнія на вещи; но это никогда мнѣ не помѣшаетъ отдавать тебѣ полное и заслуженное уваженіе».

Такъ любвеобильное сердце благословеннаго Александра, бывъ движимо безпристрастіемъ правосудія, рѣшалось ободрять меня въ подвигѣ трудномъ и тогда, когда подвигъ этотъ противорѣчилъ его собственнымъ умозрѣніямъ. Государь, сказалъ я Александру съ нѣкоторымъ скорбнымъ движеніемъ, меня только то поражаетъ, что въ самомъ, такъ сказать, центрѣ Русскаго Православія, передъ твоими царскими очами, могли найтиться такіе люди, которые осмѣливаются громко утверждать, что книга Святаго Евангелія есть какъ бы нѣкоторая частность, однимъ только Евреямъ усвоенная. Я не находилъ уже тогда за совмѣстное распространяться болѣе.

V.

Разсказанная тебѣ апологія моя въ защиту правилъ христіанства доставила мнѣ поводъ сблизиться съ такими людьми, которыхъ я доселѣ зналъ по одной лишь наружности. Нѣкто Родіонъ Александровичъ Кошелевъ (бывшій оберъ-гофмейстеръ двора Его Величества) тогда же подходитъ ко мнѣ и говоритъ: Почтенный князь, вы такъ превосходно защищали въ Совѣтѣ права христіанства, такое раскрыли чистое ревновавіе вашего сердца, что мнѣ было бы очень пріятно покороче съ вами познакомиться; мало этого, мнѣ бы даже хотѣлось заслужить вашу пріязнь и дружбу. Съ тѣхъ поръ Родіонъ Александровичъ началъ часто приглашать меня къ себѣ и самъ ко мнѣ ѣздить.

И вотъ съ этого-то времени образовалась между нами та короткая связь, которая окончилась лишь съ его смертью.

Мало-по-малу Кошелевъ сердечно ко мнѣ привязался, и наконецъ, онъ такъ полюбилъ меня, что, не смотря на разность лѣтъ нашихъ (онъ старѣе меня былъ 17-ю или 18-ю годами), не смотря на свою какую-то чинность и степенность, довѣрялся мнѣ вполнѣ и совершенно уже разоблачалъ свое сердце.

Между тѣмъ въ моей душѣ, хотя медленно, но явственно для самого меня происходили какія-то странныя движенія. Я добросовѣстно вѣрилъ истинамъ Священнаго Писанія; вѣрилъ охотно и добродушно всему, что религія ни подставляла для наружнаго наблюденія и исполненія, и сердце мое хотя и носило въ себѣ полное ко всему убѣжденіе, но выражать это живое убѣжденіе въ словѣ, но опровергать въ полнотѣ и съ нѣкоторою методою встрѣчавшійся скептицизмъ въ людяхъ я никакъ не могъ и не рѣшался.

Самое даже желаніе, столь естественное и сообразное по роду службы моей, чтобъ понаучиться этимъ контроверзическимъ розысканіямъ, было во мнѣ всегда останавливаемо какою-то неотразимою робостію, коей никакъ я не могъ препобѣдить въ себѣ. Положеніе мое было тѣмъ странѣе, что обращаясь ежедневно съ членами Синода, я имѣлъ, такъ сказать, подъ рукою всю возможность пополнить въ этомъ отношеніи свои недостатки; но, не смотря и на сіе, я молчалъ, опасаясь соблазнить тѣмъ своего ближняго. Но если что обратилось для меня настоящимъ уже мученьемъ, то это было видѣть безпрестанно Государя, котораго я болѣе нежели любилъ; видѣть его особенное, неправильное воззрѣніе на предметы столь необходимые для его спокойствія, болѣе того, спасенія; видѣть, какъ мнѣнія Александровы вовсе различествовали съ тѣмъ, что отнынѣ составлять стало сладчайшую потребность моего духа и сердца, по необходимости долженствовавшихъ разъединяться уже съ Александромъ, усматривая въ немъ такое неправильное настроеніе. Все это видѣть, говорю, и молчать, о это былъ для меня крестъ живой, тяжкій, непрерывный!

Но если я вспоминалъ притомъ, какъ нѣкогда и я самъ своими кощунствами, своими дерзновенными остротами, сарказмическимъ настроеніемъ духа моего, столь мнѣ обычнымъ, неоднократно, можетъ-быть, способствовалъ къ поддержанію и даже самому развитію въ Государѣ тѣхъ самыхъ заблужденій, нынѣ такъ оплакиваемыхъ мною: тогда я порывался, тогда я спѣшилъ разоблачить сіи превратныя сужденія, сіи предубѣжденія царевы; сердце мое кипѣло въ живомъ чувствѣ самосознательной увѣренности и спасительнаго рвенія къ истиннымъ его пользамъ, но уста нѣмѣли, и я молчалъ. Затѣйливая и обильная

полемика Александрова, хотя низлагала меня своими софизмами, но не увѣряла. Государь, говаривалъ я ему иногда, всѣ ваши доказательства противнаго нисколько не мѣшаютъ моей вѣрѣ, но наружнымъ образомъ я не въ состояніи васъ оспорить; можетъ быть, не далеко уже это благодатное время, когда вы сами извѣдаете и испытаете на себѣ всю справедливость и утѣшительность моего состоянія.

Между тѣмъ, желая, чтобъ практическая жизнь моя сколько-нибудь согласовалась съ моихъ религіознымъ увлеченіемъ, я, ничего у себя не перемѣняя по видимости, счелъ однако за нужное многое измѣнить въ своей домашней жизни: началъ наружно поститься, а внутренно умерщвлять плоть свою нѣкоторыми лишеніями. Я отбросилъ мягкій пуховикъ и сталъ спать на узкой, деревянной лавкѣ. Это было настоящее Прокрустово ложе для моего тѣла, потому что лавка была узка и коротка, и мнѣ часто доводилось сидя только подремать на ней. Иногда даже я тутъ и засыпалъ отъ изнеможенія; въ спальную же себѣ я выбралъ комнату сырую, и это начинало отчасти разстроивать мое здоровье. Мнѣ казалось тогда, что многія уже страсти улеглись во мнѣ, или уступали противоборствію; ибо я по мѣрѣ возможности неуклонно имъ воспротивлялся. Но одна изъ этихъ страстей моихъ и, можетъ быть, самая лютая, глубоко гнѣздилась еще въ крови моей и сангвиническомъ темпераментѣ; она казалась мнѣ доселѣ неизбѣжною, ибо сроднилась съ душею моею и ея учащенными привычками. Это была любовь къ женщинамъ, любовь инстинктуальная, но по возможности облагороженная степенью моего мірскаго стоянія. Потокъ этой необузданной страсти и навыкъ, въ ней сдѣланный, такъ были велики, что иногда поставляли меня въ совершенное опьяненіе ума и сердца. Въ порывахъ моего безумія я набѣгалъ даже и на такихъ женщинъ, которыя, жалѣя нанести мнѣ вредъ явный, имѣли великодушіе уклоняться и даже предупреждать меня о видимой опасности. Но ничто не помогало: я пренебрегалъ всѣмъ, рисковалъ всѣмъ и часто избѣгалъ бѣды непонятнымъ безумiемъ моего дерзновенія. Иногда находила на меня какая-то странная охота дѣлать философическій анализъ даже самому наслажденію моему; въ обаяніяхъ нѣги, мечтала ли та женщина, которая мнила одарять меня всѣмъ роскошествомъ самонаслажденія, мечтала ли, что, вмѣсто воспроизводимаго сочувствія, я предавался лишь холодному разсматриванію, желая отыскать, гдѣ витало это пресловутое счастіе человѣковъ, гдѣ оно, въ началѣ-ли, въ продолженіи или окончаніи нашихъ паденій. Но кто и что̀ обязывалъ меня дѣлать сіи спасительныя разсмотрѣнія, я не знаю. Не дѣйствовала ли тутъ сокрытая въ человѣкѣ спасительная благость Провидѣнія, которая, какъ неуслышанный голосъ, тщетно только раздавалась по

пустынямъ моего сердца? Доказательствомъ сего можетъ, между прочимъ, послужить и то, что я, говоря однажды съ однимъ изъ друзей моихъ, именно съ Александромъ Алексѣевичемъ Лѣнивцовымъ (послѣ о немъ ты болѣе узнаешь) о необходимости своего исправленія, о нѣкоторыхъ даже успѣхахъ моихъ по этому предмету, съ содроганіемъ однако сердца сознавался ему о неотразимой невозможности, какую для себя предвидѣлъ навсегда оставить женщинъ. Лѣнивцовъ, выслушавъ меня по обыкновенію спокойно, съ важностію однако мнѣ замѣтилъ, что я готовъ Творцу своему закалать лишь худородныя жертвы, но жертву упитанную, взлелѣянную съ такимъ раченіемъ, я не спѣшу еще приносить Ему на алтарь покаянія.—Это, продолжалъ онъ, показываетъ, что вы хотите только заключить удобную, такъ сказать, сдѣлку со своимъ Творцомъ и Господомъ. Дешевое для васъ и нетрудное вы Ему отдаете охотно, а одичалую страсть сердца вашего, страсть, которая у васъ по превосходству, вы оставляете еще для самого себя. Такъ, не служите уже Господу, и тщетно ваше къ Нему обращеніе. Слова эти жгли душу мою; но я все еще колебался, все медлилъ, скажу болѣе, я сердился на Лѣнивцова.

И вотъ, продолжалъ князь, прошло болѣе 35 лѣтъ, какъ я вовсе уже не вспоминаю о женщинахъ. Я становлюсь старъ. Сколько съ того времени я извѣдалъ на себѣ немощей; сколько я перенесъ болѣзней и даже опасныхъ, особенно при самомъ началѣ вступленія на престолъ нынѣшняго Государя. Повидимому, уже не долженствовало бы у меня оставаться на сердцѣ никакой части для женщинъ; но, однако ты ошибешься, если такъ подумаешь. Нѣтъ, я и понынѣ сохраняю еще всю возможность паденія, и понынѣ вѣроломное сердце мое если не готово, то свѣжо для подобной измѣны, и далеко еще до того, чтобъ быть вовсе безопасну отъ искушеній, отъ которыхъ сохраняетъ меня доселѣ одна лишь благость милующаго Провидѣнія, и я по сіе даже время не рѣшусь ѣхать въ одномъ и томъ же экипажѣ или оставаться на единѣ съ какою-бы то ни было молодою женщиною. Никто, конечно, болѣе моего не отдастъ достоинства особамъ прекраснаго пола, и я охотно допускаю даже и всякую съ молодыми женщинами благоразумную короткость, но никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не должно имѣть съ ними фамильярности. Вотъ мои правила, продолжалъ князь, которымъ слѣдуя доселѣ неизмѣнно, я пользовался удовольствіемъ пріятнаго съ этимъ поломъ общенія и вмѣстѣ отрадною увѣренностью, что я тѣмъ не прогнѣвляю моего Создателя и не нарушаю мира своей совѣсти. И такъ, повторилъ князь, запомни же слова мои: можно быть съ женщинами короткимъ, но никогда фамильярнымъ.

Но довольно о семъ, и не время-ли намъ обратиться къ прежнему разсказу? Вотъ я началъ ѣздить часто, какъ сказалъ выше, къ Родіону Александровичу. Его бесѣды и мнѣнія мнѣ постоянно нравились; но если сказать по истинѣ, то я понималъ изъ нихъ только одну половину. Старикъ Кошелевъ не могъ не производить на меня сильнаго впечатлѣнія. Онъ, объѣздившій большую часть Европы, нѣкогда находился въ связи, болѣе или менѣе тѣсной, со всѣми именитыми ея людьми по благочестію и христіанской мудрости. Кошелевъ знавалъ лично замѣчательнаго Эккартсгаузена, теозофа Сенъ-Мартеня, духовидца Сведенбурга, Лафатера, а съ нѣкоторыми изъ нихъ даже велъ и постоянную переписку. Онъ иногда удивлялъ меня и даже поражалъ своими смѣлыми и свѣтлыми взглядами на нѣкоторые важные предметы, но для меня все еще казался во многомъ закрытымъ, и это не потому чтобы не доставало у него ко мнѣ довѣрія, но болѣе, кажется происходило отъ того, что собственный взоръ мой былъ какъ-то слабъ отъ неопытности и потому не досягалъ до тѣхъ предметовъ, кои были доселѣ для него новы, или даже и вовсе чужды его понятіямъ. Что же касается до моихъ отношеній къ старику Кошелеву, то я въ присутствіи его всегда старался быть какъ можно болѣе осторожнымъ и скрытнымъ.

Однажды Родіонъ Александровичъ приглашаетъ меня къ себѣ и вмѣстѣ съ симъ извѣщаетъ, что онъ пригласилъ къ себѣ и того Александра Алексѣевича Лѣнивцова, о которомъ я недавно только говорилъ тебѣ. Этотъ Лѣнивцовъ извѣстенъ былъ въ Петербургѣ за человѣка отличнаго ума и благочестія. Онъ, какъ послѣ я узналъ, принадлежалъ къ высшимъ степенямъ одной (въ Москвѣ) масонской ложи. Лѣнивцовъ имѣлъ рѣдкій даръ говорить сладко и увлекательно, и я навѣрное догадывался, что Кошелевъ пригласилъ его вмѣстѣ со мною для того, чтобы заставить его говорить въ моемъ присутствіи и чрезъ то растопить, такъ сказать, во мнѣ всегдашнюю осторожность и недовѣрчивость. И въ самомъ дѣлѣ, я нашелъ въ Лѣнивцовѣ сильное и убѣждающее краснорѣчіе; оно при томъ соединено у него было съ какою-то необыкновенною мягкостію и ясностію изложенія. Но, не смотря на все это, старикъ Кошелевъ не достигнулъ на тотъ разъ своей цѣли, а напротивъ того они привели меня въ сомнѣніе и даже немало встревожили мой религіозный формализмъ, который только въ наружныхъ бдѣніяхъ, постахъ и устной молитвѣ думалъ доселѣ находить и цѣль и средства для своего любимаго занятія.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ старецъ Кошелевъ имѣлъ однако невинную слабость или, лучше сказать, навыкъ къ утѣхамъ гастрономіи, да и ораторъ нашъ Лѣнивцовъ далеко не былъ прочь отъ стола

изысканнаго и лакомаго. И вотъ за этимъ обѣдомъ, гдѣ насъ засѣдало только трое, и въ краткіе промежутки важныхъ и торжественныхъ конференцій нашихъ, хозяинъ то и дѣло, что потчивалъ любезнаго гостя; а тотъ, продолжая риторствовать съ неизмѣнною важностію о серіозныхъ матеріяхъ, находилъ однако всегда удобное словцо, чтобъ отозваться обязательному хозяину о подаваемомъ ему лакомомъ блюдѣ и высказать свое мнѣніе, какъ оно хорошо и вкусно было приготовлено. Хозяинъ и гость не переставали за столомъ разсуждать о поставленныхъ предъ ними яствахъ, смаковали ихъ, какъ подобаетъ истиннымъ застольнымъ амфитріонамъ и дегустировали вино съ такимъ умѣньемъ, которое можно только отыскать у самыхъ опытныхъ знатоковъ этого дѣла. Покушай, любезнѣйшій, часто говорилъ Кошелевъ Лѣнивцову, обильно подкладывая ему на тарелку какого-нибудь ароматическаго и остраго соуса; а тотъ, принимая, принужденнымъ однако считалъ себя иногда и отказываться, ибо такъ часты были возліянія и приношенія на этой вечери, и эта христіанская наша агапія до того была обильна, что въ глазахъ моихъ болѣе походила на молодую пирушку. Чтожъ это за христіанство? думалъ я про себя. Сладко ѣдятъ, протяженно смакуютъ и говорятъ еще грозныя сентенціи о душѣ и ея безотрадныхъ лишеніяхъ, какъ бы для того единственно, чтобъ Лукулловская ихъ трапеза тѣмъ еще болѣе казалась имъ привлекательнѣе, тѣмъ ярче отдѣлялась т.-е. отъ строгаго христіанскаго самоотверженія. Но я ошибался, довѣряя слишкомъ много первому и наружному моему взгляду.

Если мы начинаемъ кого искренно любить, продолжалъ князь, то весьма естественно, что мы начинаемъ и стараться, чтобъ этотъ предметъ новаго любленія нашего былъ по возможности обставленъ и сближенъ со всѣми прочими любезными для насъ лицами. Жена покойнаго Сергѣя Ивановича Плещеева пользовалась тогда особенною довѣренностью Родіона Александровича, который ей былъ родственникъ; старецъ охотно и часто любилъ у нея бывать, но онъ чаще того и охотнѣе принималъ ее къ себѣ. Онъ въ скорости же предложилъ ей и меня въ число кандидатовъ на близкое знакомство; но Плещеева, всегда робкая по темпераменту и хотя уже зрѣлая лѣтами, но какъ-то все еще не вышедшая изъ привычныхъ пеленокъ Смольнаго своего монастыря, не на шутку встревожилась, когда услышала сіе предложеніе: ибо она почитала меня за насмѣшника и язвительнаго дворскаго острослова. Таковъ-то былъ мой тогда авторитетъ! Но старикъ Кошелевъ взялся ее переувѣрить и совершенно, какъ ты скоро и самъ увидишь, успѣлъ въ своей цѣли. Онъ сказалъ ей, между прочимъ, что я перемѣнился совершенно и давно уже не таковъ; даже передалъ ей мо-

жетъ быть, и ту оппозицію мою противъ Сперанскаго, которая такъ ему понравилась; словомъ, вслѣдствіе сихъ увѣреній, Плещеева приглашаетъ, наконецъ, меня къ себѣ въ домъ. Я поспѣшаю этимъ воспользоваться, и меня принимаютъ тамъ на первый разъ хорошо. Здѣсь опять я встрѣчаю и Лѣнивцова, короткаго знакомца Плещеевой и у ней живущаго. Завязывается разговоръ, который тотъ же часъ взялъ направленіе къ предметамъ возвышеннымъ, духовнымъ, словомъ, обратился въ бесѣду піетическую. Вмѣстѣ съ симъ началось и чтеніе (видно, между ними обычное), котораго выборъ зависѣлъ отъ указаній Родіона Александровича. Книга на тотъ разъ имъ избранная называлась: трактатъ о жертвахъ извѣстной духовидки дѣвицы Бруннъ, которая, нѣкогда бывъ другомъ герцогини Бурбонской, вмѣстѣ считалась и главою малочисленнаго, но весьма таинственнаго во Франціи общества такъ называемыхъ жертвъ или умиротворительницъ правосуднаго гнѣва Божія. Въ этомъ сочиненіи, кромѣ глубинъ самаго сокровеннѣйшаго мистицизма, сочинительница безпрестанно описывала свои видѣнія, кои, бывъ по большой части эмблематическаго свойства и заключая въ себѣ, безъ сомнѣнія, таинственный смыслъ, могли быть только понимаемы или доступны разумѣнію однихъ лишь посвященныхъ. И вотъ какую книгу постарался выбрать для перваго моего слушанья Родіонъ Александровичъ.

По необходимости слѣдя оную своимъ вниманіемъ, я невольно сжимался и горѣлъ, такъ сказать, отъ нетерпѣнія, совершенно не постигая, что̀ хотѣла сочинительница выразить подъ многими терминами своими, вовсе для меня непонятными и которые я въ первый разъ тогда услышалъ. Еще болѣе того не понималъ я и этого состоянія внутренняго развитія въ человѣкѣ, о которомъ также безпрестанно толковала сочинительница. Что̀ бы это было за такое внутреннее и сокрытое въ насъ же состояніе, котораго бы человѣческое самовѣдѣніе не знало? думалъ я про себя. Не есть ли уже это какая-нибудь греза воспаленнаго воображенія и обманъ чувствъ? Но если это не есть обманъ чувствъ, то не обманъ ли ума? Такъ разсуждалъ я тогда, ни мало не предполагая, что мы точно носимъ въ себѣ этотъ вождѣленный міръ, эту необъятную и полную свѣтлой жизни вселенную, вовсе о томъ не подозрѣвая.

Наконецъ, окончилось сіе несчастное для меня чтеніе, послѣ котораго обмысливъ надосугѣ, я остался въ совершенномъ уже и полномъ увѣреніи, что старикъ Кошелевъ непремѣнно желаетъ затащить меня въ какую-то неизвѣстную мнѣ секту и что этотъ вечеръ служитъ образцомъ моего дальнѣйшаго пріуготовленія. Мнѣ даже ясно тогда казалось, что у нихъ былъ и свой условный языкъ и, какъ видно,

непонятный для непосвященнаго, потому что я ничего не разумѣлъ изъ онаго. Вмѣстѣ съ симъ я не могъ на себя взять преподѣдить и робости своей, скажу болѣе какого-то даже стыда меня охватившаго, чтобъ даже просто спросить у нихъ, чего я не понимаю. Да какъ было и спрашивать, какъ обнаруживать свое незнаніе въ то время, какъ все сіе общество такъ дружно восхищалось, шумно благоговѣло и на перерывъ стремилось другъ передъ другомъ выхвалять и выставлять такъ называемыя божественныя глубины неизвѣстной доселѣ мнѣ писательницы?

Промыслъ Божій, однако, не долго оставилъ меня въ семъ затруднительномъ положеніи. Онъ внушилъ мнѣ единственное средство доискаться, былъ ли какой сокровенный свѣтъ въ этихъ потемкахъ: я прибѣгнулъ къ молитвѣ, къ тому же Раздавателю свѣта, къ молитвѣ, по возможности неотступной, усердной, жаркой; а между тѣмъ все-таки не переставалъ ѣздить къ Плещеевой. Разъ пять или шесть являлся я на эти собранія, но оттуда постоянно вывозилъ къ себѣ домой сердце всегда обезпокоенное, разумъ встревоженный.

Но вотъ, наконецъ, вдругъ и нечаянно, къ величайшему и радостному моему изумленію, прорвалась завѣса моего сомнѣвающагося незнанія. Какъ огрубѣлая кора слѣпца Евангельскаго сошла она, эта несчастная завѣса, съ очей моихъ; сердце мое радостно встрепенулось, согрѣлось, и я сталъ свободно, хотя еще и не вполнѣ, видѣть и понимать, что̀ хотѣла сказать дивная дѣвица Бруннъ о своихъ внутреннихъ испытаніяхъ. Тутъ-то, въ первый еще разъ въ моей жизни, я сталъ постигать, что въ многоразличіи міра наружнаго, феноменальнаго скрывается еще болѣе многоразличный міръ внутренній, міръ неуловимый человѣческими чувствами; и эта жизнь пластическая, эта жизнь наглядныхъ, такъ сказать, ощущеній человѣческихъ есть только скудная покрышка, есть какъ-бы пакиль, облекающая по наружности и сокрывающая великія, богатыя и дивныя тайны недовѣдомаго шествія существа внутренняго, міроваго, вѣчнаго. Одно только сознаніе въ себѣ сего шествія, продолжалъ князь, можетъ быть истиннымъ его достояніемъ и вполнѣ долженствуетъ удовлетворять неотразимому исканію великаго, благороднаго и безсмертнаго духа.

Озареніе и раскрытіе сихъ сладостныхъ истинъ такъ было для меня ново, богатство сихъ свѣтлыхъ чаяній такъ было обильно, и вмѣстѣ съ этимъ моя робкая недовѣрчивость къ себѣ такъ смиренна и застѣнчива, что я даже боялся своихъ собственныхъ ощущеній; я медлилъ и робѣлъ сообщать ихъ моимъ собесѣдникамъ. Какъ знать, можетъ быть я это дѣлалъ и потому, что сознавалъ и усматривалъ въ себѣ недостоинство даже говорить о матеріяхъ столь важныхъ и

возвышенныхъ; и могъ ли я по справедливости правильно о нихъ бесѣдовать, бывъ столько въ этомъ новъ и неопытенъ? А потому я молчалъ. Въ послѣдствіи, желая наконецъ и въ себѣ нѣсколько увѣриться и, вымолвя наружно, хотя нѣсколько облегчить себя въ этихъ новыхъ и переполнившихъ меня ощущеніяхъ, я рѣшился нѣчто сказать объ оныхъ. Сперва заговорилъ я робко, но потомъ болѣе и болѣе осмѣливался, когда увидѣлъ возникающее къ себѣ сочувствіе во всѣхъ моихъ собесѣдникахъ, которые тотъ же разъ изъявили мнѣ свою непритворную радость и удивленіе, слыша меня разсуждающимъ правильно о такихъ важныхъ и высокихъ матеріяхъ. И вотъ это было первое мое начало, первый, такъ сказать, приступъ къ изученію внутренняго развитія христіанскаго дѣла въ сердцѣ и о которомъ доселѣ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія.

VI.

Но передавая тебѣ подробности сего чуднаго водительства Божія, сей благодатной Его милости, которая такъ безопасно и даже незамѣтно провела меня отъ невѣрія сперва къ вѣрованію, хотя еще къ слабому и наружному, но въ послѣдствіи къ вѣрѣ внутренней если не живой, то всегда отрадной, успокоительной, необходимой, я принужденнымъ нашелся пріостановить оттого, продолжалъ князь, свое прежнее повѣствованіе о дальнѣйшей или, лучше сказать, окончательной участи, утвержденнаго уже Государемъ, какъ и ты знаешь, проекта закона о супружествахъ въ Россіи.

Эти несчастные артикулы, какъ ты безъ сомнѣнія и помнишь, составлялись и утверждались при условіяхъ весьма странныхъ; но еще страннѣе того окончилось или наконецъ потухло сіе скучное для меня и другихъ дѣло. Перстъ Божій, такъ сказать, очевидно показалъ мнѣ въ его послѣдствіи, что я не даромъ тутъ подвизался и ревновалъ вопреки моего темперамента и характера. Но прежде, чѣмъ я скажу тебѣ о томъ, надобно замѣтить, что сей таковымъ образомъ утвержденный законъ составлялъ, какъ и слѣдуетъ, одно изъ частныхъ звеньевъ всеобщаго кодекса или устава для Россіи, и все что̀ доселѣ изъ онаго было разсмотрѣно въ Государственномъ Совѣтѣ и даже утверждено Государемъ заключало въ себѣ положительную силу дѣла рѣшеннаго и уже законченнаго, хотя законъ и не имѣлъ текущаго дѣйствія; потому что всеобщій кодексъ въ полномъ его объемѣ еще не былъ приведенъ къ окончанію или, по крайней мѣрѣ, пересмотрѣнъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Въ первые годы своего царствованія и съ начала образованія Государственнаго Совѣта, Александръ всемѣрно старался и прилежалъ къ сему важному подвигу; но съ приближеніемъ грозной и испытательной эпохи для Россіи, я говорю здѣсь о 1812 годѣ, онъ какъ-то менѣе уже сталъ заниматься симъ дѣломъ. Но въ первые годы основанія Совѣта Императоръ любилъ всегда лично предсѣдательствовать въ ономъ.

По прошествіи нѣкотораго времени, Сперанскій предложилъ вотъ какую мысль Государю. Мы продолжаемъ составлять кодексъ для цѣлой Имперіи, говорилъ онъ ему; значительная часть труда нашего уже совершилась, она даже утверждена вами, Государь, окончательно. Но, несмотря на это, очень было бы желательно и дѣлу совмѣстно, еслибъ для такого важнаго предпріятія, каково гражданское устроеніе цѣлаго государства, какъ можно поболѣе было собрано разнообразныхъ человѣческихъ воззрѣній. Эти различныя оцѣнки умовъ свѣжихъ и неразвлекаемыхъ постороннимъ вліяніемъ могли бы съ большою пользою для дѣла разсмотрѣть всѣ разнообразныя частности сего совокупнаго и многосложнаго государственнаго учрежденія. Кто намъ поручится, продолжалъ Сперанскій, что въ примѣненіи къ практикѣ, къ безчисленнымъ мѣстностямъ, изъ которыхъ составлено отечество, все это взойдетъ въ надлежащую рамку и ходко пойдетъ на самомъ дѣлѣ? Кромѣ того, нѣтъ-ли еще какого промаха, даже опущенія и въ самыхъ деталяхъ, или подробностяхъ, столь огромнаго начинанія, которыя могутъ легко быть пропущены безъ вниманія и даже вовсе неуловимы на нашемъ мѣстѣ и при нашемъ званіи. Я думалъ бы, говорилъ Сперанскій, предложить Вашему Величеству учредить во всякой губерніи или области государства по одному изъ временныхъ комитетовъ и, посадя въ нихъ людей даровитыхъ и опытныхъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми избранными для сего мѣстными властями, отсылать потомъ въ эти комитеты отдѣльные листы кодекса по мѣрѣ ихъ изготовленія, совершенно при томъ скрывая отъ нихъ то, что листы эти были уже нами разсмотрѣны и даже утверждены. Это бы очень упрочило трудъ нашъ; потому что различіе самобытныхъ мнѣній, которое, безъ сомнѣнія произойдетъ отъ такого почастнаго разсматриванія, будучи приведено въ порядокъ и совокупную стройность и полноту, еще болѣе бы освѣтило и упрочило дѣло наше и создало бы его по возможности совершеннымъ человѣческимъ произведеніемъ.

Государь охотно согласился на сей вызовъ Сперанскаго. И вотъ, продолжалъ съ улыбкою князь, мало того, что эти неугомонные законы о супружествѣ нанесли намъ столько хлопотъ, споровъ и безпокойствъ всякаго рода, но уже неразрывно присоединенные къ общему ко-

дексу и въ семъ видѣ даже утвержденные, нынѣ назначаются разбрестись, такъ сказать, по всѣмъ внутреннимъ губерніямъ, и вѣроятно для того, чтобъ представить изъ себя одинъ лишь соблазнительный предлогъ для препинанія, но не одного Совѣта токмо, а цѣлой уже Россіи.

При томъ, степень просвѣщенія по предмету современнаго законодательства, въ нашихъ внутреннихъ провинціяхъ, такъ ли у насъ находится высоко, чтобъ можно было уже на нее полагаться? Неоспоримо, что вездѣ сыщутся люди одаренные талантомъ, знаніемъ и добросовѣстнымъ расположеніемъ къ дѣлу; но много ли таковыхъ у насъ найдется дѣйствительно? Мнѣ отчасти извѣстно это провинціяльное просвѣщеніе; да и вся недавняя наша гражданственность, особенно существовавшая въ то время, была, по мнѣнію моему, не болѣе какъ въ переходномъ состояніи. Мелкія губернскія нужды, и самые даже выборы дворянскіе на внутреннихъ губернскихъ совѣщаніяхъ, часто и разсматривались, и трактовались доселѣ довольно неудачно и неполно; кромѣ нескончаемыхъ и запальчивыхъ споровъ, кромѣ личностей и вслѣдствіе оныхъ жалобъ, доселѣ ничего не происходило у насъ добраго въ этомъ родѣ. Самая даже мысль передавать такимъ образомъ проекты законовъ комитетамъ губернскимъ, какъ ни кажется при первомъ на нее взглядѣ основательною и полезною, все-таки однакожъ, по моему мнѣнію, поздненько на тотъ разъ зародилась въ головѣ у г. Сперанскаго: ибо, прилагая ее къ дѣлу постояннаго государственнаго учрежденія, она только бы разродилась отъ того на множество непреоборимыхъ препятствій, изъ коихъ первое, или главное, есть уже та нелѣпость или совершенная несообразность, чтобы законъ, однажды утвержденный самодержавною властію, отсылать снова на ревизію губернскихъ комитетовъ, предположивъ, что это утвержденіе и осталось бы пока для нихъ тайною, какъ полагалъ тогда Сперанскій. Отсылать же, такимъ образомъ отдѣльные листы кодекса и съ тою цѣлію, о которой говорено выше, значило бы подавать поводъ и пищу къ повсемѣстной и безумолчной болтовнѣ толпы и, можетъ быть, дерзновеннымъ и даже опаснымъ воззрѣніямъ недоброжелательства. Положимъ даже и то, что стачка, такъ сказать, цѣлой Россіи была бы въ этомъ дѣлѣ благонамѣренна и сдивалась во едино съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта: тогда, опять повторяю, какъ же можно разбирать то снова что̀ было однажды уже разсмотрѣно и утверждено въ окончательной инстанціи нашего законодательства, не смотря на то, что Сперанскій, безъ сомнѣнія, и самъ ясно то видѣлъ: ибо предложилъ Государю, чтобъ окончательное утвержденіе сего важнаго государственнаго акта содержать въ строгой тайнѣ для сихъ многочисленныхъ комитетовъ.

По моему, даже и это была вещь неудобоисполнимая. Кто же, какъ не перстъ Божій, повторилъ князь, явно тутъ участвовалъ; ибо не есть ли это странность изъ странностей видѣть, какъ рѣшенный уже законъ назначаютъ, такимъ образомъ, развѣять по цѣлой Россіи, ожидая отъ многолюдства еще какого-то ему подкрѣпленія и тѣмъ какъ бы сознавая и показывая всю зыбкость и неувѣренность въ себѣ его собственныхъ дѣлателей?

Но эти несчастные законы о супружествѣ не пустились на такое опасное странствіе, продолжалъ князь, равно какъ и весь мишистый и несвоевременный проектъ Сперанскаго, безъ сомнѣнія по волѣ Божіей, совершенно уничтожился при первомъ еще своемъ появленіи; ибо вскорѣ послѣ этаго, вслѣдствіе нѣкоторыхъ политическихъ обстоятельствъ, кредитъ Сперанскаго началъ упадать, потому что Александръ постепенно умалялъ къ нему свою довѣренность, а потомъ Государь счелъ за нужное и совсѣмъ отдалить Сперанскаго отъ себя и отъ дѣла ему препорученнаго. Вскорѣ вышло ему повелѣніе немедленно удалиться въ Нижній-Новгородъ; а законы о супружествѣ, съ прочими его начинаніями, отложены были, такъ сказать, въ долгій ящикъ подъ красное сукно.

Политическій горизонтъ давно уже началъ темнѣть, тучи медленно собирались на Западѣ Европы, все предвѣщало катастрофу, все ожидало какого-то необычайнаго событія, еще небывалаго въ новѣйшей исторіи. Дѣла шли однако своимъ обычнымъ порядкомъ, и я по обыкновенію хотя былъ и близокъ къ Государю, но постоянно уклонялся отъ всякой съ нимъ полемики. Александръ былъ добръ сердцемъ, великодушенъ и добросовѣстенъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ своихъ съ его близкими окружающими. Но, къ несчастію, глубоко вкорененный въ немъ типъ западнаго образованія и, можетъ быть, неизвинительная небрежность, если не злонамѣренность, главныхъ его пѣстуновъ поселили въ сердцѣ Государя странное разнорѣчіе съ его истинными потребностями. Во внѣшнихъ дѣлахъ управленія Александръ никогда не мѣшалъ дѣйствовать другимъ по ихъ христіянскому побужденію и слѣдовательно былъ весьма далекъ, чтобъ преслѣдовать подозрѣніемъ и мою перемѣну въ образѣ мыслей; но я самъ никогда не могъ забыть и простить себѣ сего несчастнаго и горько оплаканнаго мною времени, когда, въ безуміи моего запосчиваго невѣрія, я позволялъ себѣ, часто въ его личномъ присутствіи, и подстреканія, и ядовитыя насмѣшки надъ христіанскимъ вѣрованіемъ.

Но вотъ, въ одно время, бесѣдуя на единѣ съ Государемъ о Евангеліи, я простодушно спросилъ его, читывалъ ли онъ эту книгу? «Нѣтъ, никогда не читывалъ», отвѣчалъ мнѣ, Государь; «а если что изъ нея

знаю, то развѣ слыхивалъ въ церкви. А теперь и этотъ источникъ для меня уже прекратился, продолжалъ Александръ; ибо я, сдѣлавшись глухъ, не пользуюсь нынѣ и малымъ моимъ знаніемъ, да и послѣднее растерялъ, что̀ слыхивалъ›. Не угодно ли Вашему Величеству полюбопытствовать, прочитать эту книгу, примолвилъ я ему; мнѣ, право, сдается, что она стоила бы всего Вашего вниманія, и я увѣряю Васъ, Государь, что Вы никакъ не будете въ томъ раскаяваться и еще скажете мнѣ спасибо. Александръ согласился и далъ мнѣ слово прочитать Евангеліе, что̀ меня крайне утѣшило, и я въ тотъ же день поспѣшилъ подарить ему собственную мою Библію и, отдавая ему оную, я принялъ смѣлость тогда же замѣтить, чтобы онъ пока пріостановился еще читать Вѣтхій Завѣтъ, а читалъ бы только одно Евангеліе и Апостольскія Посланія. (Апокалипсиса также покуда не читайте, сказалъ я ему). Тайное мое побужденіе, давая этотъ совѣтъ Государю, состояло въ томъ, чтобы сердце Александрово напиталось и проникнулось сперва мудрою простотою ученія Евангельскаго, а потомъ уже приступило бы это дорогое для меня сердце къ воспринятію въ себя и болѣе крѣпкой пищи вѣтхозавѣтныхъ обѣтованій и символовъ.

Вскорѣ послѣ нашего разговора, Государь отправился въ Новую Финляндію; онъ поѣхалъ осматривать ее, но кажется болѣе для свиданія съ Бернадотомъ, нынѣшнимъ королемъ Шведскимъ.

Гористое мѣстоположеніе Новой Финляндіи заставило Александра ѣздить по ней на обыкновенныхъ городскихъ дрожкахъ, и вотъ ему, совершенно разъединенному на тотъ разъ ото всего, вздумалось о Евангеліи; а можетъ быть вмѣстѣ припомнилъ онъ и данное мнѣ обѣщаніе. Библія, которую я подарилъ ему, была съ нимъ; онъ тотъ-часъ же приказалъ ее вынуть и началъ читать дорогою. Государю стало нравиться это чтеніе, и онъ уже не выпускалъ изъ рукъ Евангелія во все время своего путешествія. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, Государь счелъ за нужное поблагодарить меня за данный ему совѣтъ. «Я въ восхищеніи отъ этой книги», сказалъ мнѣ Императоръ, «но вмѣстѣ съ тѣмъ признаюсь тебѣ, Голицынъ, меня очень соблазняетъ твой Апокалипсисъ; тамъ, братецъ, только и твердятъ объ однѣхъ ранахъ и зашибеніяхъ (il n'y a que plaie et bosses, точныя слова Александра). Мнѣ кажется, продолжалъ Государь, что будто какой новый міръ открывается для меня; право, я очень тебѣ благодаренъ за твой совѣтъ» *).

Я радовался какъ малый ребенокъ, говорилъ князь, усматривая сей новый и желанный сгибъ ума и воли Государевой. Благословен-

*) Князь, выслушавъ это мѣсто Записокъ, изволилъ сказать мнѣ: „Оставьте до времени“.

ное это зерно можетъ породить, мечталъ я, безконечные благіе плоды для земли Русской; можетъ составить даже новую эру для отечества, обильную для всѣхъ сыновъ его полезными и счастливыми послѣдствіями. Какое тогда зрѣлище, когда сердце царево безпрестанно проникается истиннымъ благочестіемъ! Почему знать, можетъ быть на него съ веселіемъ приникаетъ даже и Тотъ, Который по непзмѣннымъ словамъ Писанія держитъ сердце Своего Помазанника въ творческихъ рукахъ Своихъ. Обрадованный до глубины сердца моего, я осмѣлился тогда же попросить Александра. Государь, сказалъ я ему, пожалуйте мнѣ вѣрное царское слово Ваше, что какъ скоро Вы возьмѣете рѣшительную и полную вѣру въ Распятаго Іисуса, то увѣдомьте меня о томъ немедленно.

Причина сего желанія очевидна: мнѣ хотѣлось облегчить совѣсть свою и уничтожить то болѣзненное въ ней воспоминаніе, что я самъ нѣкогда развивалъ въ моемъ Государѣ идеи невѣрственныя и ложныя.

Между тѣмъ Государь не оставлялъ и въ Петербургѣ постоянно заниматься чтеніемъ Новаго Завѣта. Обыкновенная досель метода его въ семъ упражненіи состояла въ томъ, что онъ сперва прочитывалъ одно Евангеліе, потомъ главу изъ Апостольскихъ Посланій, вмѣстѣ съ Дѣяніями Апостольскими, а наконецъ приступилъ онъ и къ самому Апокалипсису, который въ послѣдствіи такъ.сталъ ему нравиться, что, по собственнымъ словамъ Государя, онъ досыта не могъ имъ начитаться.

Здѣсь я остановлюсь пока продолжать бесѣду мою съ княземъ и попрошу позволенія у моего почтеннаго будущаго читателя на одно лишь маленькое отступленіе отъ продолжаемаго разсказа. Мнѣ какъ-то очень пожелалось вымолвить мое собственное ощущеніе о князѣ и хотя немного облегчить переполненную душу мою, проникнутую признательностію за его истинно-доброе дѣло. Сей благій совѣтъ, сіи князевы внушенія Александру, къ которому, чрезъ особенную благость Провидѣнія, онъ былъ болѣе близокъ въ жизни, нежели къ кому другому, по мнѣнію моему составляютъ подвигъ великій и предъ очами Бога, и предъ очами отечества.

Мы сами были современные очевидцы, какъ отъ сего благословеннаго внушенія, въ наступившую грозную, политическую бурю, христоименитый Александръ нашъ, будучи подкрѣпленъ, упитанъ, проникнутъ чтеніемъ Слова Божія, не робѣетъ мощнаго соперника, бразды управленія и движенія многочисленныхъ народовъ своихъ забираетъ крѣпкою и могучею рукою, не сомнѣвается, не уклоняется отъ врага, казавшагося тогда безчисленнымъ и непреоборимымъ; въ величествен-

номъ и безмятежномъ спокойствіи своего шествія онъ всего сталъ надѣяться отъ Своего Господа. Римляне нѣкогда прославили своего Фабія за то, что онъ умѣлъ благоразумно медлить противъ Аннибала; не слѣдуетъ ли и намъ Русскимъ почтить своего Государя, выключая уже всѣ прочія заслуги его предъ отечествомъ, почтить, говорю, заодно лишь то, что онъ, какъ новый Давидъ, не усумнился въ помощи своего Господа и вмѣстѣ съ тѣмъ въ вѣковой, обычной добльственности оторопѣвшаго тогда народа? Здѣсь опять я обращаюсь къ своему разсказу.

Знаешь ли, продолжалъ князь, какимъ образомъ приступилъ Александръ къ чтенію Ветхаго Завѣта? Причина сего побужденія очень замѣчательна. Однажды Государь въ Новомъ Завѣтѣ вычиталъ сіе знаменитое Посланіе Апостола Павла, гдѣ такъ подробно говорится о плодахъ вѣры, какъ она, эта вѣра, низлагаетъ враговъ внѣшнихъ, какъ побѣждаетъ міромъ силы супротивныя. Въ семъ Посланіи указуется и на Ветхій Завѣтъ, гдѣ апостолъ беретъ изъ онаго сильныя и блестящія уподобленія. Александръ вдругъ подвигнулся прочитать весь Ветхій Завѣтъ. Онъ предвидѣлъ грозную и нескончаемую брань со врагомъ неуступчивымъ и мощнымъ, и это Посланіе дѣлало намеки на побѣду вѣры, побѣждающую и враговъ внѣшнихъ. Сердце Государево созрѣло уже, чтобъ закрѣпить себя въ сію непреоборимую броню вѣры, и вотъ однажды, находясь въ какомъ-то особенномъ настроеніи духа, Государь вдругъ пожелалъ напитать себя чтеніемъ и Ветхаго Завѣта, напитать себя прежде, чемъ разразилось надъ нимъ и государствомъ то страшное испытаніе, которое грозно къ нему приближалось. Александръ однако великодушно спросилъ у меня совѣта, время ли ему приступать къ сему чтенію. Ты можешь себѣ представить, продолжалъ князь, съ какимъ восхищеніемъ я далъ ему свое согласіе.

Между тѣмъ политическая буря приближалась все ближе и ближе; роковая, бѣдственная война засвирѣпствовала въ отечествѣ; важныя ея событія смѣнялись съ неимовѣрною скоростію; древняя столица наша, оставленная врагамъ, взята у нихъ была обратно; послѣдствующія битвы довершили пораженіе наглаго и дерзновеннаго непріятеля; онъ бѣжалъ изъ Россіи, какъ отъ гнѣва Божія, не будучи въ состояніи нигдѣ укрыться.

Не стану пересказывать тебѣ извѣстныхъ подробностей, ты ихъ самъ знаешь; но Императоръ, находясь уже въ Вильнѣ, уже написавшій тѣ достопамятные воззванія и манифесты, въ которыхъ твердость благороднаго и великодушнаго духа невольно обличала въ немъ христіанскій строй сердца, Александръ, говорю, медлилъ еще вымолвить мнѣ, вслѣдствіе даннаго имъ обѣщанія, письменное слово о пол-

ной и крѣпкой вѣрѣ своей въ Распятаго Господа. Это было въ немъ слѣдствіе, примолвилъ князь, можетъ-быть затаившихся остатковъ прежняго еще мышленія, прежнихъ его чувствованій; не смотря, что во всѣхъ новыхъ дѣйствіяхъ проявлялись въ Государѣ жаркая преданность и любовь къ своему Спасителю. И какъ впрочемъ я ни былъ въ этомъ увѣренъ, но сомнѣніе и заботливость христіанской дружбы волновали мнительное мое сердце. Я ожидалъ желаннаго увѣдомленія отъ Александра,—не было увѣдомленія...

Наконецъ, я рѣшаюсь самъ уже писать къ Государю и беру смѣлость напомнить ему о взаимныхъ нашихъ условіяхъ. Оканчивая мое письмо, я такъ говорю ему: Государь! Не нужно даже увѣдомленія Вашего, чтобъ меня утѣшить и успокоить; вселенскія Ваши дѣйствія, Ваши, Государь, торжественные манифесты, исполненные христіанскаго помазанія, достаточно могутъ увѣрить всѣхъ и каждаго, какъ глубоко вкоренено въ Васъ христіанство и какъ свѣтло оно просіяваетъ въ смиренномъ и любящемъ сердцѣ Вашемъ. На сіе письмо я вскорѣ получаю отъ Государя отвѣтъ, въ которомъ, со всѣмъ увлеченіемъ растворенной и проникнутой воли, онъ вполнѣ сознается мнѣ, что давно уже передалъ себя совершенному вожденію Господа.

И такъ сбылся, воскликнулъ съ живостью князь, и на самомъ дѣлѣ совершился на Александрѣ Благословенномъ тотъ утѣшительный и ободряющій для всѣхъ народовъ завѣтъ Самого Господа, въ которомъ изрекается, что сердце царево содержится въ рукѣ Его!

Съ этихъ поръ взаимная наша съ Александромъ переписка приняла уже на себя характеръ прямо-христіанскій; она обратилась въ непритворную бесѣду искреннихъ и простодушныхъ друзей, которые сладко и протяженно бесѣдуютъ о возлюбленномъ ихъ Спасителѣ. Я сохраняю свято всѣ письма Александровы, которыя и понынѣ составляютъ для меня священный залогъ отраднаго воспоминанія, всегда сладостнаго, когда я мысленно переношусь въ прошедшее.

VII.

Да позволено здѣсь мнѣ будетъ, почтенный будущій мой читатель, снова остановиться и на малое лишь время перервать обычную бесѣду мою съ княземъ, остановиться, чтобъ перевести, такъ-сказать переполненный духъ мой и сжатое отъ умиленія сердце. Замѣть же, читатель, эту новую и свѣтлую черту князева побужденія, которое не вытерпѣло, чтобъ не спросить Государя о его вѣрѣ во Іисуса. Это

побужденіе князево и въ такую блестящую эпоху времени, когда всѣ Русскіе вельможи, отъ національнаго самосознанія, отъ гордости народной, столь сладкой, столь позволительной въ то время сердцу, выроставшіе въ исполинскій ростъ величія, когда сіи истинныя подпоры царевы, одинъ передъ другимъ, на перерывъ спѣшили раздѣлить съ ихъ обожаемыхъ Монархомъ чувство священной радости, апоѳеозъ народнаго величія, какъ въ это же самое время смиренная душа князя нашего слѣдила одну лишь трудную побѣду Александрову надъ самимъ собою; слѣдила его существенныя пользы и, въ чаду всеобщаго обаянія восторженной Россіи, посреди неумолкающихъ плесковъ толпы народной, помышляла единственно объ одной лишь душѣ своего царственнаго друга; ибо свойство истинной дружбы между христіанами всегда долженствуетъ стремиться временное и шаткое чувство славы человѣческой прелагать на постоянное и вѣчное благо. И она, эта нѣжная дружба, также придумала, также позаботилась принести царю своему достодолжное поздравленіе; но это князево поздравленіе былъ лишь смиренный откликъ кроткаго сердца, радующагося о душѣ своего вѣнценоснаго любимца, о душѣ спѣшно пошедшей по стезѣ спасенія.

Князь совершенно въ этомъ угадалъ Александра, который во время всеувлекающаго торжества сдерживалъ царское свое величіе и смиренно постилалъ его въ подножіе истинному Царю воинствъ. Еще въ Вильнѣ, когда уже въ досталь изгоняли Французовъ изъ конечныхъ предѣловъ отечества, продолжалъ князь, нѣкоторые изъ Русскихъ генераловъ, находясь тогда въ присутствіи Государя, по примѣру Французскихъ маршаловъ, громко выражались о своихъ подвигахъ и трофеяхъ, приписывая побѣду надъ врагомъ несравненному мужеству славнаго воинства Русскаго и столь же непреклонной волѣ мощнаго ихъ владыки и повелителя. И вотъ лишь только Государь услышалъ ихъ, такъ говорящихъ, то въ тотъ же часъ укротилъ это позволенное, впрочемъ, чувствованіе. «Господа генералы», сказалъ онъ имъ съ торжественностію, «вы теперь сами видите, какъ обмерзлые и окоченѣлые трупы Французовъ валяются здѣсь по улицамъ Вильны; такое ихъ множество зловоніемъ своимъ заражаетъ даже самый воздухъ въ городѣ. И какъ же вы думаете, господа, отъ нашихъ ли ядеръ, нашею ли побѣдоносною рукою сражены сіи несчастные иноземные пришельцы? Конечно, вы этого на себя не возмете. Слѣдовательно, продолжалъ Государь, указывая на Небо, Ему лишь Великому въ браняхъ предлежитъ побѣда. Господь Іисусъ есть только истинный Побѣдитель и Освободитель родины отъ лютаго враговъ нашествія!»

Я не стану уже разсказывать тебѣ, продолжалъ князь, подробности этой Европейской войны, онѣ сохранены въ исторіи; я только то

лишь передамъ, что̀ на этотъ разъ могу припомнить изъ собственныхъ разсказовъ незабвеннаго Александра, лично имъ мнѣ переданныхъ.

Въ одномъ Нѣмецкомъ городкѣ (не помню теперь его названія) вдругъ освѣдомляется Государь, что въ немъ пребываетъ на то время извѣстная баронесса Крюднеръ *). Криднерша не замедлила испросить у Государя особенной аудіенціи. Александръ очень обрадовался, услышавъ, что эта женщина ищетъ съ нимъ свиданія. Многія причины располагали Государя съ нетерпѣливымъ удовольствіемъ встрѣтить Криднершу. Съ одной стороны собственное настроеніе сердца царева къ ощущеніямъ религіознымъ и твердое самопреданіе въ волю Божію; съ другой, увидѣть женщину носившую, такъ-сказать, въ себѣ живое Слово Божіе, проходящую по юнымъ и невѣрственнымъ поколѣніямъ Европы, какъ-бы съ званіемъ какого-то апостола, увидѣть такую женщину, которую и предупреждала, и сопровождала громкая молва народная; наконецъ, знать, что сія женщина есть и Русская подданная: все это, можетъ-быть, заставило Государя нетерпѣливо пожелать свиданія съ Криднершою. Баронесса нѣсколько разъ была у Александра и по обык-

*) Я самъ лично и довольно коротко зналъ эту замѣчательную женщину; объ ней, надѣюсь, будетъ много подробностей, по разсказамъ князя. Крюднеръ - урожденная дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Фитингофа, а мать ея была внучка знаменитаго фельдмаршала Миниха. Мужъ Крюднерши былъ тайнымъ совѣтникомъ и посланникомъ въ Пруссіи, былъ кавалеромъ Александровской ленты. Смолоду эта Крюднерша имѣла необыкновенный успѣхъ въ словесности; даже и понынѣ перепечатываютъ во Франціи ея тогдашнія литературныя произведенія. Издатель Шарпантье въ извѣстной всѣмъ избранной своей библіотекѣ нынѣ напечаталъ, въ прелестномъ изданіи, тотъ славный, но недоконченный романъ баронессы Крюднеръ, который въ свое время всполошилъ всю читающую публику и волновалъ сердца нашихъ матушекъ и тетушекъ. Нѣмецъ, помнится Миллеръ, окончилъ это ея произведеніе. Отъ истиннаго таланта Криднерши многія восхищались тогдашнія знаменитости; она, отчасти, вела и обширную переписку; я имѣю нѣкоторыя письма ея къ Бернарденю-де-Севъ-Піерръ; во время своего пребыванія въ чужихъ краяхъ, знаменитый публицистъ и раціональный философъ Бенжаменъ Констанъ не могъ досыта съ нею наговориться. Криднерша угождала и нравилась всѣмъ вкусамъ и покромъ ума многихъ и лучшихъ тогдашняго времени мыслителей. Талантливый и знаменитый Сенъ-Бёвъ недавно еще издалъ во Франціи избранныя ея сочиненія и приложилъ къ нимъ полную характеристику, какъ самой писательницы, такъ и произведеній ей принадлежащихъ. Извѣстно также, что этотъ г. Сенъ-Бёвъ, вмѣстѣ съ Низаромъ и нѣкоторыми другими знаменитостями, составляетъ во Франціи верховную, такъ сказать, власть и далеко обогналъ Лагарпа въ этомъ родѣ по точности и глубинѣ взглядовъ. Когда-нибудь, при случаѣ, я опишу и мою собственную встрѣчу съ этою замѣчательною женщиною.

новенію имѣла съ нимъ долгія конференціи. По моему мнѣнію, продолжалъ князь, эти бесѣды имѣли направленіе духовное, можетъ-быть онѣ касались нѣсколько и современныхъ событій. Безъ сомнѣнія, что живущая вѣрою Криднерша, подкрѣпляла эту развивающуюся вѣру въ Государѣ своими безкорыстными и опытными совѣтами: она рѣшительно направляла волю Александрову еще къ большему самопреданію и молитвѣ; она, можетъ-быть, въ тоже время раскрывала ему и тайну той молитвы духомъ, которая, бывъ отъ Бога назначена достояніемъ всѣхъ земнородныхъ, по несчастію однако есть удѣлъ только весьма немногихъ избранныхъ.

Доказательствомъ тому, что Криднерша имѣла духовныя бесѣды съ Александромъ, служитъ и вотъ какое обстоятельство. Въ это самое время Государь получилъ отъ Р. А. Кошелева извѣстную тогда книжку подъ названіемъ: *Облако надъ святилищемъ или нѣчто такое, о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ*, переводъ съ Нѣмецкаго покойнаго Александра Ѳедоровича Лабзина *), которую Государь хо-

*) Этотъ Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и вице-президентъ Академіи Художествъ. О немъ, чтобы сказать что-нибудь на первый разъ, я считаю нужнымъ повторить читателю заглавіе той книжки, о которой выше упоминается, то-есть, что Лабзинъ былъ такой человѣкъ, оцѣнить котораго по достоинству гордая человѣческая философія и грезить не смѣетъ. Если Господь продлитъ жизнь мою, я желалъ-бы (но только въ состояніи ли?) изобразить по достоинству нѣкоторыя черты жизни и ученія сего незабвеннаго мужа. Это былъ благодѣтель души моей, приведшій меня ото тьмы ко свѣту; онъ развилъ во мнѣ тѣ спасительныя вѣдѣнія, для которыхъ человѣкъ и родится въ міръ сей. Не только меня привелъ онъ къ свѣту, но многія тысячи мнѣ подобныхъ питались въ Россіи отъ щедрой трапезы твоей, достойный и добльственный дѣлатель въ вертоградѣ Господнемъ. Кромѣ сей часто упоминаемой книжки онъ много издалъ и другихъ весьма важныхъ, замѣчательныхъ твореній и переводовъ, составлявшихъ въ свое время даже эпоху въ Россіи для истиннаго любомудрія. Одно только изданіе Сіонскаго Вѣстника, не одинъ разъ запрещаемаго правительствомъ и потомъ вновь торжественно позволяемаго, одно, говорю, это изданіе достаточно, чтобы на далекое пространство отдѣлить его отъ толпы обыденныхъ тогдашняго времени писателей. Сердце мое бьется сильнѣе при одномъ лишь воспоминаніи сего незабвеннаго мужа. Любезный читатель, въ отдѣльномъ развитіи жизни каждаго недѣлимаго изъ человѣческаго общества есть такъ называемая, климатерическая година, година по превосходству, гдѣ истинное доброе и изящное для цѣлаго человѣчества въ какомъ-то особомъ обиліи притекаютъ, дабы проникнуть и украсить сію приснопамятную и свѣтлую полосу жизни. Къ этой-то благодатной полосѣ все предшествующее и послѣдующее человѣка изъ остальной эпопеи человѣческаго житья его на земли, по необходимости, долженствуетъ групироваться и въ пріязненномъ воспоминаніи заимствовать оттуда всякое свѣтлое указаніе. Къ этому-то сладкому промежутку времени наша душа невольно обращается своимъ умиленнымъ вни-

тя и читалъ, но никакъ не понималъ содержанія книги; призванная Криднерша, по точнымъ увѣреніямъ Александра, умѣла растолковать и объяснить ему трудныя и непонятныя доселѣ мѣста этого сочиненія.

Укрѣпленный вѣрою Государь, въ надеждѣ на помощь Божію и въ сознаніи праваго дѣла, смѣло велъ войска на пользу совокупнаго для Европы избавленія. Уже Русскіе полки подступали къ Парижу; уже съ Монмартрской вершины, въ близи самой столицы, христолюбивые легіоны наши, какъ грозные орлы, глядѣли на близкую и вѣрную добычу. Что бы сказала Екатерина Вторая, когда-бы могла предусмотрѣть, говорилъ князь, что нѣкогда царственный внукъ ея такъ близко придвинетъ побѣдоносную свою армію къ стѣнамъ великой столицы міра и что, въ этомъ же самомъ времени, столько изумительномъ для мудрой Царицы, благословенный Александръ не просто будетъ предводителемъ одной только своей арміи, но въ тоже время сдѣлается Агамемнономъ между царями и повелителемъ всѣхъ почти Европейскихъ полчищъ; что мощный Русскій владыка будетъ вмѣстѣ и душею своихъ державныхъ и вѣнценосныхъ соратниковъ. Русскіе воины глядѣли на близкую добычу; но можно ли еще было назвать ее вѣрною, когда въ тылу нашей арміи стоялъ самъ Наполеонъ съ довольно многочисленнымъ войскомъ на все готовымъ, и онъ, какъ уязвленный левъ, былъ тогда болѣе опасенъ нежели когда-либо? Противъ Наполеона находился аріергардъ арміи союзниковъ, которую, по видимой къ намъ милости Божіей, онъ въ ослѣпленіи ошибочно

маніемъ. Она просится витать и по возможности блаженствовать въ этой области отраднаго воспоминанія. Прочіе дни остальной жизни въ сравненіи съ сею яркою полосою дѣлаются по необходимости болѣе или менѣе тусклыми. И такъ, любезный читатель, поищи и ты въ своемъ сердцѣ этого благодатнаго времени, и ты его непремѣнно найдешь въ смѣшанной твоей жизни. Найдешь это время устроенное любвеобиліемъ твоего Бога, чтобъ позолотить и растворить сладкимъ воспоминаніемъ прозаическую жизнь твою. Если это такъ, и ты, любезный читатель, со мною согласенъ, то я уже теперь долженъ сказать тебѣ, что эта вождѣленная и благословенная полоса жизни моей составляла то самое время, когда я имѣлъ счастіе пользоваться общеніемъ и пріязнію достопочтеннѣйшаго Александра Ѳедоровича Лабзина, пріязнію, которая облагороживала сердце и просвѣщала умъ мой. Миръ праху твоему, добльственный исповѣдникъ истины, забытый уже міромъ, но любимый Богомъ! Испроси мнѣ у престола Его силу и способность говорить о тебѣ съ подобающимъ достоинствомъ.... Но здѣсь я невольно однако долженъ сдержать себя и закончить эту чрезъ-чуръ уже длинную ноту, ничего еще не сказавши о достойномъ мужѣ, которому-бы я осмѣлился приписать эпитетъ описхоложеннаго Тертулліана Русской земли. Александръ Ѳедоровичъ былъ во многихъ и частыхъ сношеніяхъ съ княземъ нашимъ, но объ этомъ будетъ подробно описано въ своемъ мѣстѣ.

принималъ за авангардъ всего войска. На самомъ рубежѣ Парижа и въ столь критическую минуту всей эпохи, мнѣнія союзниковъ не были однако между собою согласными. Самъ Александръ колебался еще въ своихъ намѣреніяхъ, медлилъ, не зная что̀ предпринять, на что̀ рѣшиться? И вотъ собственныя слова Александра, которыя онъ лично передалъ мнѣ о тогдашнемъ состояніи души своей, въ которомъ онъ находился предъ взятіемъ Парижа. «Я предложилъ», говорилъ мнѣ Александръ, «королю Прусскому и фельдмаршалу Австрійскихъ войскъ Шварценбергу созвать немедленно военный совѣтъ, дабы основательно размыслить и сообразить, на что́ мы долженствовали рѣшиться. Что же касается до самого меня, продолжалъ Государь, то мысли мои колебались, и я право не зналъ что̀ предпринять мнѣ? Совѣтъ собрался; начали излагать въ ономъ мнѣнія и обыкновенно, какъ слѣдуетъ, съ младшаго. Господствующее направленіе умовъ было то, чтобы быстро идти на Наполеона, остававшагося у насъ въ тылу, и предложить ему рѣшительное сраженіе. Мнѣніе это сильно поддерживалъ и фельдмаршалъ Шварценбергъ. Что жъ касается до меня, то, выслушивая сіи совѣщанія, я все еще никакъ не находилъ себя въ состояніи вымолвить мое собственное мнѣніе. Въ глубинѣ сердца моего затаилось какое-то смутное и неясное чувство ожиданія, какое-то непреоборимое желаніе предать это дѣло въ полную волю Божію. Мнѣ сильно захотѣлось молиться и излить предъ Господомъ тяжкія обуреванія и колебанія моего духа. Совѣтъ продолжалъ заниматься, а я на время оставилъ его и поспѣшилъ въ собственную свою комнату; тамъ колѣна мои подогнулись сами собою, и я излилъ предъ Господомъ все свое сердце. Никогда я такъ сильно не маливался, продолжалъ Государь, какъ въ то время; никогда такъ сладко и обильно не обливалъ слезами колѣнъ моихъ предъ распятымъ и познаннымъ мною Господомъ Іисусомъ, какъ въ эту столь критическую для меня минуту. Въ сосредоточенномъ и болѣзненномъ ожиданіи духа моего, я обратился весь въ желаніе; я умолялъ, я просилъ, я требовалъ у Господа слова, слова, въ которомъ-бы Онъ обнаружилъ мнѣ святую и непрерѣкаемую волю Свою. Наконецъ, знай же, Голицынъ, что къ величайшей моей радости и человѣческому изумленію, сіе требуемое и вождѣленное слово тогда же было мнѣ даровано. Сладостный миръ въ мысляхъ, проникновеніе спокойствія, твердая рѣшимость воли и какая-то лучезарная ясность назначенія, все мнѣ тогда было ниспослано въ этомъ отрадномъ и несумнительномъ повелѣніи. Я поспѣшилъ въ совѣтъ и въ туже минуту объявилъ ему непремѣнное мое намѣреніе идти немедленно на Парижъ. Моя Русь и добрые Пруссаки этому были очень рады, но фельдмаршалъ Шварценбергъ видимо уклонялся отъ сего намѣренія. Государя моего нѣтъ

теперь со мною, говорилъ мнѣ фельдмаршалъ, и я не смѣю, не могу принять на себя такой важной отвѣтственности; это предпріятіе, по моему мнѣнію, не только смѣло, но если осмѣлюсь выразить, и дерзновенно, особенно когда мы знаемъ, что въ нашемъ тылу находятся значительныя силы Французовъ. Я не ручаюсь, продолжалъ Шварценбергъ, за сохраненіе ввѣренной мнѣ моимъ императоромъ арміи и боюсь своею личностію отвѣтствовать предъ государемъ и отечествомъ въ ея потерѣ.

Эти противорѣчія фельдмаршала Австрійскихъ войскъ нисколько не нарушали сладкаго мира души моей, продолжалъ Государь, и я тутъ же коротко и отрывисто отвѣтствовалъ Шварценбергу, что онъ можетъ поступать и дѣлать, какъ ему угодно, но что вмѣстѣ съ симъ онъ беретъ на себя лично и всю тяжкую отвѣтственность за послѣдствія, могущія произойти отъ такого поступка. Я и одинъ съ королемъ Прусскимъ пойду противъ непріятеля, прибавилъ я. Но оробѣвшій Шварценбергъ одумался и тогдаже согласился. Вотъ какъ взяли мы Парижъ, сказалъ мнѣ Государь, и не явно ли и неощутительно ли тутъ виденъ премудрый и милующій перстъ Божій?»

На этомъ мѣстѣ разсказа князь остановился, немного помолчалъ и присовокупилъ: Модные, или такъ называемые перехваленные разсказы о сихъ важныхъ происшествіяхъ часто весьма далеки бываютъ тамъ отъ истины, гдѣ хотятъ догадываться о намѣреніяхъ и причинахъ. По мнѣнію моему, чтобы вѣрно разгадать и обсудить событіе такой важности, надлежитъ схватить или постичь внутреннее, такъ сказать, основаніе онаго и причину; но для человѣка хотя и умнаго, хотя и талантливаго, но который только скользитъ по внѣшней оболочкѣ излагаемаго предмета, или по одному лишь случайному проявленію его, настоящая причина происшествія часто бываетъ неуловима. Вотъ теперь появилось знаменитое описаніе кампаніи 1812 года, изданное въ свѣтъ сенаторомъ Михайловскимъ-Данилевскимъ; читалъ ли ты его, или нѣтъ? Если не читалъ, то вообрази, что тамъ написано между прочимъ, будтобы рѣшимость Александра брать, или не брать Парижъ, произошла отъ сдѣланнаго ему внушенія княземъ Волконскимъ; между тѣмъ какъ блаженной памяти Государь самъ мнѣ лично передалъ то, что̀ я именно теперь тебѣ пересказываю. Я не вытерплю, продолжалъ князь, чтобы, при удобномъ случаѣ, не передать этого императору Николаю Павловичу, какъ о самой вопіющей, если неумышленной, неправдѣ. Тѣмъ страннѣе, что Волконскій безъ сомнѣнія, прочитавшій книгу, промолчалъ; а это со стороны его можно принять знакомъ согласія. Нѣтъ уже нашего Александра, чтобъ обличить его; но я однакожъ сомнѣваюсь, чтобъ и отъявленное смиреніе христіанней-

шаго Государя потерпѣло усвоить Волконскому то, что внушено ему было самимъ Господомъ и добльственнымъ его сердцемъ, умѣвшимъ выполнять съ вѣрою и вѣрностію.

Вотъ, любезный читатель, небольшая, но яркая черта, которую я невольно усмотрѣлъ съ живымъ и возрастающимъ чувствомъ умиленія въ моемъ князѣ, черта показавшая, какъ сторожлива и свѣжа еще въ немъ любовь къ истинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ памяти незабвеннаго для него Александра Перваго.

«Вскорѣ послѣ рѣшенія нашего идти на Парижъ», продолжалъ Государь, «нѣкоторые изъ моихъ генераловъ донесли мнѣ, что, обозрѣвая солдатскіе биваки, они случайно заслушали и вызнали единодушное намѣреніе солдатъ, невольно обнаружившееся въ ихъ простодушныхъ разговорахъ, чтобъ поразорить и пограбить, какъ они тогда называли, богатую Французскую столицу. Но я въ тоже время принялъ противъ этого рѣшительныя мѣры. Пересказывая о сихъ солдатскихъ желаніяхъ королю Прусскому, я весьма удивился, когда отъ него услышалъ, что онъ никакъ не беретъ на себя воспретить такого лакомаго и такъ давно ожидаемаго случая для войскъ Прусскихъ. Возьмите, Государь, Вы сами на себя, сказалъ мнѣ тогда Фридрихъ, удержать мои войска, а я никакъ за это не возьмусь. За моихъ Русскихъ я могу смѣло отвѣтствовать, примолвилъ я; надѣюсь сдержать и вашихъ солдатъ. Въ тоже время я приказалъ призвать къ себѣ маіоровъ полковъ, и все устроилось по моему желанію. И въ самомъ дѣлѣ, при взятіи Парижа все такъ было чинно, такъ спокойно, какъ бы послѣ какого нибудь церемоніяльнаго вступленія. Всѣ войска были мирно и тихо разведены по квартирамъ и назначеннымъ для нихъ казармамъ, а Французы, съ своей стороны, озаботились о своевременномъ приготовленіи для нихъ обѣда. И такъ все это покойно насыщалось и отдыхало послѣ долговременныхъ и тяжкихъ трудовъ бивачной жизни.

«Нашъ генералъ Сакенъ, котораго я назначилъ тогда генералъ-губернаторомъ Парижа, вслѣдствіе данныхъ ему отъ меня подробныхъ инструкцій, принялъ твердыя и надежныя мѣры къ сохраненію повсемѣстнаго порядка и устройства. И Французы тѣмъ болѣе повѣрили порядку этому, что его видѣли на самомъ дѣлѣ, и въ слѣдствіе сего безчисленныя лавки и магазины столицы свободно и безъ всякаго опасенія раскрылись для многочисленныхъ покупателей.

«Наше вхожденіе въ Парижъ, продолжалъ Государь, было великолѣпное. Все спѣшило обнимать мои колѣна, все стремилось прикасаться ко мнѣ; народъ бросался цѣловать мои руки, ноги; хватались даже за стремена лошади, оглашали воздухъ радостными криками, поздравленіями. Но душа моя, продолжалъ Государь, зазнавала тогда въ себѣ

другую радость. Она, такъ-сказать, таяла въ безпредѣльной благодарности къ Господу, сотворившему чудо Своего милосердія; она, эта душа, жаждала уединенія, желала субботствованія; сердце мое порывалось пролить предъ Господомъ всѣ чувствованія мои. Словомъ, мнѣ хотѣлось говѣть и пріобщиться Св. Таинъ; но въ Парижѣ не было Русской церкви. Милующій Промыслъ, когда начнетъ благодѣтельствовать, тогда бываетъ всегда безмѣренъ въ Своей изобрѣтательности; и вотъ, къ крайнему моему изумленію, вдругъ приходятъ ко мнѣ съ донесеніемъ, что столь желанная мною Русская церковь нашлась въ Парижѣ: послѣдній нашъ посолъ, выѣзжая изъ столицы Франціи, передалъ свою посольскую церковь на сохраненіе въ домъ Американскаго посланника. И вотъ, сейчасъ же, насупротивъ меня, Французы наняли чей-то домъ, и церковь Русская въ тоже время была устроена; а отъ дома моего, въ которомъ я жилъ уединенно, въ тотъ же разъ Французы сдѣлали переходъ для удобнаго посѣщенія церкви. Французское правительство, узнавши о моемъ намѣреніи исполнить предвзятую мною религіозную обязанность, приняло мѣры распорядиться, въ самое скорѣйшее время, чтобы по той улицѣ никакіе экипажи не ѣздили. И вотъ ничто уже мнѣ не мѣшало исполнять мою обязанность предъ Господомъ. Бывало, всякій день хожу въ церковь. Но, идучи туда и возвращаясь обратно въ домъ, трудно однакожъ мнѣ было сохранять чувствованіе своего ничтожества, котораго требуетъ святая наша церковь въ подвигѣ покаянія: какъ бывало только покажусь на улицу, такъ густѣйшая толпа, что̀ есть только лучшаго въ Парижскомъ обществѣ, толпа, составленная изъ кавалеровъ и дамъ, тѣсно обступятъ и смотрятъ на меня съ тѣмъ одушевленіемъ признательнаго чувства, съ тѣмъ доброжелательствомъ, которыя для лицъ нашего значенія такъ сладко и обаятельно видѣть въ людяхъ. Съ трудомъ каждый разъ пробирался я на уединенную свою квартиру.

«Никогда, продолжалъ Александръ, съ такимъ удобствомъ и спокойствіемъ я не говѣлъ, какъ въ многолюдной столицѣ Франціи. Промыслъ всѣ, такъ-сказать, милости излилъ на меня отъ Своей десницы; Онъ ниспослалъ мнѣ всевозможное спокойствіе къ исполненію этого священнаго долга. Но прежде чѣмъ я къ тому приступалъ, душа моя была однакожъ не безъ смущенія: мнѣ совершенно извѣстно было, что грозныя еще своимъ отчаяніемъ полчища Наполеоновы стягивались въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Фонтенбло; слѣдовательно союзныя арміи, такъ недавно вступившія въ стѣны столицы, должны были вновь готовиться не для одного отдыха и наслажденія; мнѣ скоро надлежало выводить ихъ для новаго боя, можетъ быть отчаяннѣйшаго, чѣмъ всѣ прежніе; мнѣ надлежало также принять всевозможныя мѣры,

чтобъ сдерживать и буйную чернь Парижскую, могущую удобно зажигаться и волноваться, даже и отъ наималѣйшаго успѣха Наполеонова. Какъ же мнѣ, говорю, было спокойно говѣть, когда надлежало, можетъ быть, въ скорѣйшее время выводить войска изъ Парижа? Но я и здѣсь повторю тоже, что если кого милующій Промыслъ начнетъ миловать, тогда бываетъ безмѣренъ въ божественной Своей изобрѣтательности. И вотъ, въ самомъ началѣ моего говѣнія, добровольное отреченіе Наполеона какъ будто нарочно поспѣшило въ радостномъ для меня благовѣстіи, чтобъ совершенно уже успокоить меня и доставить мнѣ всѣ средства начать и продолжать мое хожденіе въ церковь».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжалъ князь, располагаясь въ Парижѣ исполнить долгъ христіанства, Государь Императоръ повелѣлъ всѣмъ офицерамъ своей арміи, равно какъ и всѣмъ солдатамъ, чтобы они пріостановились ходить по театрамъ, посѣщать шумныя народныя сборища, присутствовать при публичныхъ веселостяхъ и пр. Это было сдѣлано Государемъ по троякому побужденію: первое, для удержанія своихъ отъ буйства и безчинствъ; второе, почтить святыню великаго поста, столь значительнаго для Православія Русскаго, и третье, освятить столь славную эпоху времени, дни великихъ событій, время благоволенія Господня къ народу Русскому.

«Еще скажу тебѣ о новой и отрадной для меня минутѣ въ продолженіе всей жизни моей», примолвилъ Государь. «Я живо тогда ощущалъ, такъ сказать, апоѳеозъ Русской славы между иноплеменниками; я даже ихъ самихъ увлекъ и заставилъ раздѣлять съ нами національное торжество наше. Это вотъ какъ случилось. На то мѣсто, гдѣ палъ кроткій и добрый Людовикъ XVI, я привелъ и поставилъ своихъ воиновъ; по моему приказанію сдѣланъ былъ амвонъ; созваны были всѣ Русскіе священники, которыхъ только найти было можно; и вотъ, при безчисленныхъ толпахъ Парижанъ, всѣхъ состояній и возрастовъ, живая гетакомба наша вдругъ огласилась громкимъ и стройнымъ Русскимъ пѣніемъ... Все замолкло, все внимало!....

«Торжественна была эта минута для моего сердца, умилителенъ, но и страшенъ былъ для меня моментъ этотъ. Вотъ думалъ я, по неисповѣдимой волѣ Провидѣнія, изъ холодной отчизны Сѣвера привелъ я православное мое Русское воинство для того, чтобъ въ землѣ иноплеменниковъ, столь недавно еще нагло наступавшихъ на Россію, въ ихъ знаменитой столицѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пала царственная жертва отъ буйства народнаго, принести совокупную, очистительную и вмѣстѣ торжественную молитву Господу. Сыны Сѣвера совершали какъ бы тризну по королѣ Французскомъ. Русскій Царь по ритуалу православному всенародно молился вмѣстѣ со своимъ наро-

домъ, и тѣмъ какъ бы очищалъ окровавленное мѣсто пораженія невинной царственной жертвы. Духовное наше торжество, продолжалъ Царь, въ полнотѣ достигнуло своей цѣли; оно невольно втолкнуло благоговѣніе и въ самыя сердца Французскія. Не могу не сказать тебѣ, Голицынъ, хотя это и несовмѣстно въ теперешнемъ разсказѣ, что мнѣ даже было забавно тогда видѣть, какъ Французскіе маршалы, какъ многочисленная фаланга генераловъ Французскихъ, тѣснилась возлѣ Русскаго креста и другъ друга толкала, чтобы имѣть возможность скорѣе къ нему приложиться. Такъ обаяніе было повсемѣстно: такъ оторопѣли Французы отъ духовнаго торжества Русскихъ!....

«Мнѣ предлежало еще новое наслажденіе. Я назначилъ военный смотръ при Вертю, который былъ устроенъ мною по особенному таинственному внушенію *). Внушеніе это полагало необходимымъ, чтобы войско разбито было на семь квадратовъ. Въ центральномъ квадратѣ, т.-е. въ четвертомъ, отправлено было молебствіе, весь штатъ царей и весь нашъ Русскій генералитетъ; въ срединѣ прочихъ каре происходили также богослуженія. Иноплеменники удивлялись воинственному виду и осанкѣ войскъ моихъ: все это было такъ свѣжо, какъ на родинѣ; все это было такъ многочисленно, не смотря на изнурительные походы нѣсколькихъ лѣтъ и на великую потерю и убыль въ людяхъ».

Наконецъ, продолжалъ князь, Государь возвратился къ намъ въ Петербургъ. Я уже давно летѣлъ въ мысляхъ моихъ къ нему на встрѣчу; я весь былъ нетерпѣніе; чаянія и ожиданія мои были велики. Я не ошибся въ нихъ! Я не могъ довольно насмотрѣться на возлюбленнаго Александра; онъ весь былъ проникнутъ смиреніемъ и самоотверженіемъ; въ пылу неумолкающихъ плесковъ народныхъ, онъ все воздавалъ Господу силъ и Ему только Одному усвоивалъ побѣду. Любовность его, столь ему всегда свойственная, взяла характеръ какого-то типическаго равнодушія, изъ глубины однакожъ котораго выказывалась воля энергическая, воля всепобораюцая. Но, не смотря на все сіе, я не могъ не замѣтить, по короткой связи моей съ Государемъ, что заботила Александра прежняя жизнь его. Доброта его не могла однакожъ рѣшиться принять на себя внезапное расторженіе прежнихъ связей и тѣмъ преогорчить сердце своего ближняго. Государь гнушался уже порокомъ, но щадилъ свое добродушіе. «Не знаю, какъ мнѣ уклониться отъ Марьи Антоновны», говорилъ онъ князю; «какъ мнѣ съ нею свидѣться, чтобъ сказать ей, что я ее оставляю». И вотъ, говоритъ князь, на другой же день по его пріѣздѣ, я отправляюсь къ

*) Здѣсь, по личному приказу, было зачеркнуто, чье это внушеніе.

нему на Каменный островъ. Государь встрѣчаетъ меня съ радостнымъ видомъ, съ увлеченіемъ сжимаетъ меня въ своихъ объятіяхъ и сквозь слезы говоритъ мнѣ: «Знаешь ли ты мою радость, Голицынъ? Ты себѣ представить не можешь, какъ легко мнѣ было, противъ всякаго моего чаянія, развязаться съ старинными связями моего порока; мнѣ видимо Господь и въ этомъ помогъ», продолжалъ онъ.

Вотъ каковъ былъ нашъ благословенный Александръ при своемъ появленіи въ столицу, его обожавшую и съ нетерпѣніемъ его ожидавшую....

VIII.

Но, передавая тебѣ столь отрадныя и сладкія воспоминанія, я совсѣмъ забылъ, продолжалъ князь, о моихъ законахъ, касающихся до супружества. Мнѣ нужно же эту исторію довести до конца; а конецъ этого дѣла, признаться, хотя и простъ, но не менѣе того очень чуденъ. Ты, я думаю, помнишь, что я прежде сказалъ тебѣ, что Сперанскій отправленъ былъ въ Нижній-Новгородъ. Опала, лежавшая, можетъ быть по необходимости на Сперанскомъ, мало-по-малу стала ослабѣвать; но шаги къ возвращенію прежняго были для него болѣе послѣдовательны, чѣмъ при сверженіи. Сперва Сперанскій дѣлается гдѣ-то гражданскимъ губернаторомъ, потомъ возводится въ званіе генералъ-губернатора Сибирскаго; наконецъ, призывается въ Петербургъ и поступаетъ въ члены Государственнаго Совѣта. Но никогда уже, продолжалъ князь, не имѣлъ онъ такой силы и вліянія надъ Государемъ, какъ нѣкогда при началѣ своего поприща. Видно, что Сперанскій утилизировалъ свое изгнаніе. Несбыточныя теоріи права, щеголеватый и заносчивый взглядъ на Русскіе законы, все въ немъ тогда измѣнилось; и когда приводилось ему вновь толковать о законахъ касательно до Русскаго супружества, то Сперанскій мой не бредилъ уже германизмами, не уязвлялся болѣе противорѣчіями. Вы на меня вѣроятно болѣе не сердитесь, князь, говорилъ онъ мнѣ, за мои ложныя нѣкогда толкованія о Священномъ Писаніи?....

На этотъ разъ разсматриваніе супружескихъ законовъ опять подало обильный поводъ къ невѣжественнымъ нелѣпостямъ и толкамъ; но теперь они были въ другомъ уже родѣ. Теперь законы эти разсматривались въ какомъ-то протестантскомъ направленіи; члены Совѣта хотѣли усвоивать нашимъ православнымъ мужичкамъ способность или право разводиться со своими хозяйками по Германскому термину: *отъ стола и ложа*. Вообрази же, Бартеневъ, не есть ли это чистая галиматья, особенно въ прираженіи къ крестьянамъ нашимъ?

И если крестьяне могутъ еще спать въ разныхъ мѣстахъ одной и той же избы своей, то неужели имъ имѣть и особый столъ? Пожалуй, что это можно еще приспособить для какого-нибудь феодальнаго барона; но для мужика, но и для всѣхъ насъ, какъ это возможно; да притомъ къ чему и разводы? Слово Божіе намъ это воспрещаетъ. Многіе изъ членовъ на это были вовсе несогласны; посыпались письменные голоса; все это доходило до Государя, который, ставъ истинно вѣрующимъ, совсѣмъ уже другими глазами началъ смотрѣть на этотъ предметъ. Ему крѣпко наскучили эти безконечныя домогательства. И вотъ, однажды, призываетъ онъ меня къ себѣ и говоритъ мнѣ: «Голицынъ, возьми, пожалуйста, къ себѣ извѣстные пункты законовъ о супружествѣ, собери ихъ вмѣстѣ съ поданными голосами pro и contra, запечатай всѣ эти бумаги въ одинъ пакетъ, и пусть онѣ лежатъ у тебя въ домѣ до моего особеннаго востребованія. Ты не можешь себѣ представить, какъ эта дичь мнѣ наскучила, продолжалъ Государь. И потому, сдѣлай милость, избавь меня отъ нея скорѣе».

И вотъ, я беру эти зловѣщіе пункты, надъ которыми нѣкогда такъ надсажжался, аккуратно ихъ запечатываю въ толстый и обширный пакетъ и укладываю на вѣчное успокоеніе въ дальній ящикъ моего письменнаго стола. Государь Александръ никогда не спрашивалъ пакета. И вотъ, долго уже послѣ его кончины, довелось мнѣ однажды случайно вспомнить о немъ, и я его представилъ нынѣшнему уже Государю, который препроводилъ пакетъ къ Сперанскому.

Князь окончилъ свою длинную бесѣду; но прелесть живаго разсказа, но вдохновительное его увлеченіе, никакое перо не въ состояніи перенести на бумагу.

Въ слѣдующій разъ я буду лично читать эту повѣсть его разсказа его же сіятельству, и пусть онъ оцѣнитъ ее съ тѣмъ же добродушіемъ, какъ та добросовѣстность, съ каковою она была составляема.

IX.

Калейдоскопъ разговора обратился на Императрицу-мать и на гастрономическое пристрастіе Ея Величества кушать лягушекъ. Она выбирала зелененькія, отбрасывала передки. Приготовляли для нея одни лишь филейчики. Князь самъ видалъ, какъ въ серебряной кострюлькѣ бѣлое мясо задковъ лягушечьихъ красовалось на столѣ Ея Величества и тѣшило ея обоняніе благовоннымъ испареніемъ острой подливки. Императрица кушивала и черныхъ или сизочерныхъ лягушекъ въ родѣ жабъ. А во время пребыванія въ Москвѣ, нѣкто, же-

лая покуртизировать Лукулловской прихоти Ея Величества, отрылъ гдѣ-то изъ земли жабу черную, холодную, огромную, словомъ, можетъ быть такую, которыя по словамъ натуралистовъ живутъ Маѳусаиловы вѣки внутри гранита. Но Императрица отказалась кушать, а я бы высѣкъ этого негодяя...

Князь отправился; мы остались съ Глинкою одни; заговорили о современныхъ Запискахъ, составляемыхъ Глинкою и которыя хотѣлъ онъ мнѣ презентовать. Я вымолвилъ, что я самъ собираю матеріалы и, смотря на ихъ обиліе, можетъ быть и выйдетъ что-нибудь путное. Глинка поздравилъ меня съ прекраснымъ назначеніемъ и, какъ ветеранъ-камрадъ, пожелалъ мнѣ успѣшнаго исполненія, не безъ литературной однакожъ зависти на жирную мою поживу.

И вотъ чрезъ день присылаетъ онъ ко мнѣ первый томъ своихъ Записокъ вмѣстѣ съ книжечкою сочиненія сына своего и посланіе лестное для авторскаго моего самолюбія. Вотъ оно:

Минувшихъ лѣтъ мои мечтанья
Разгромныхъ, бурныхъ, дивныхъ дней:
Съ пріязнію прими сказанья
Отжившей памяти моей.
Но все еще живу душою
И, познакомяся съ тобою,
Себя въ прошедшемъ отыскалъ.
Не ладило со мной искусство;
Но за пріязнь—живое чувство
Въ отраду жизни Богъ мнѣ далъ.
Въ свой срокъ падутъ и обелиски,
Столѣтья въ прахѣ погребя;
Но ты пиши, пиши Записки:
Вождь благодатный у тебя.

Ура! Закричалъ я при полученіи этихъ стиховъ. Маршъ впередъ! Агамемнонъ современныхъ Записокъ, Несторъ писателей привѣтствуетъ меня на новомъ поприщѣ. И въ самомъ дѣлѣ, перечневыя меморіи моихъ бесѣдъ съ княземъ дѣлаются для меня занятіемъ немаловажнымъ; но физика моя нѣсколько отстаетъ отъ исполненія: я не поспѣваю даже дѣлать и очерковъ нѣсколько поболѣе обрисованныхъ, не только путныхъ описаній. Что касается до добросовѣстности изложенія, то самъ князь ближайшій этому свидѣтель и посредникъ, ибо я еженедѣльно читаю ему черновые мои croquis, и князь слушаетъ мое безъискусственное лепетанье съ младенческимъ добродушіемъ и

снисходительностію, которую въ этомъ видѣ въ немъ только одномъ отыскать можно.

Вотъ образъ моего изложенія. Возвратившись отъ князя послѣ проведенія съ нимъ нѣсколькихъ часовъ въ разговорахъ и занятіяхъ, я спѣшу сейчасъ дома сѣсть за столъ и послѣ обѣда ложусь и крѣпко засыпаю. Во время возвращенія, за обѣдомъ и во всякое другое время когда не пишу, я стараюсь вовсе не думать о томъ, что̀ со мною было говорено, что̀ показано, что̀ сказано особеннаго. Напившись чаю и раздѣвшись совсѣмъ, я остаюсь одинъ въ кабинетѣ; тутъ на скромномъ дубовомъ бюро своемъ зажигаю двѣ восковыя свѣчи. Призовя Подателя всякаго разума на свою помощь и уложивши людей моихъ спать, въ одной рубашкѣ я начинаю разгуливать по своему кабинету. Вотъ здѣсь-то начинается работа памяти и, признаюсь, что иногда не успѣваю всего записывать, что̀ припоминается. Я стараюсь силу памяти моей пріучать къ нѣкоторому порядку, и вотъ въ примѣръ этого я приведу теперь вотъ что̀. Въ сію минуту, когда я пишу, стрѣлка на часахъ моихъ показываетъ часъ пополуночи 26-го числа Ноября т.-е. Пятницы; вчерашній день, т.-е. Четвертокъ, я былъ у князя и большую часть дня съ нимъ провелъ, много было говорено, читано и проч. и проч.; но память моя не этимъ теперь занимается, и я ни одной іоты не имѣю и не питаю воспоминанія о чемъ мы говорили, или что̀ дѣлали съ княземъ вчера, а пишу теперь только о томъ, что̀ было въ прошедшую Субботу 21-го сего мѣсяца, ровно недѣлю тому назадъ, и благодареніе Господу память мнѣ въ этомъ способствуетъ.—Кромѣ того, вотъ еще какое обстоятельство во мнѣ отличается: воспроизвождая или развивая безпрестанно въ себѣ различные акты воспоминаній, до князя касающихся, иногда даже съ насиліемъ или напряженіемъ воли, я не могу не замѣтить въ себѣ, что таковые акты отражаются иногда и къ сердцу: порою оно очень согрѣвается и незамѣтно втягиваетъ въ себя таковыя разумичныя впечатлѣнія и по свойству своей лабораторіи передѣлываетъ ихъ въ потребность питать себя княземъ, воодушевляться его сферою, жить его жизнію, словомъ часъ отъ часу возлюблять его болѣе и болѣе. Здѣсь истинно не лесть и не комплиментъ изображается, а точное состояніе духа, которое можно доказать и объяснить самымъ строгимъ анализомъ. Мнѣ открывается, что любить значитъ вкушать того человѣка; а это точно происходитъ со мною. И вотъ это какъ дѣлается: сперва является у меня забота припомнить всѣ впечатлѣнія, мною полученныя въ обыкновенной бесѣдѣ моей съ княземъ; это заставляетъ меня часто входить въ сокровищницу моей памяти. Забота эта происходитъ по двоякому побужденію: первое,

чтобъ чего-нибудь не пропустить и отъ того не проявить бы какихъ-нибудь степей въ обыденномъ разсказѣ; второе чего бы нибудь не сказать лишняго, невѣрнаго, небывалаго, усиленнаго, поелику первый слушатель этого разсказа бываетъ самъ князь. Эти два побужденія заставляютъ память мою крѣпко работать и, нечего сказать, эта питательная корова доставляетъ обильную пищу, разнообразіе въ матеріалахъ моему разуму. Разумъ пишетъ безпрестанно не вздоръ, а кружево разныхъ разсужденій, обыкновенно касающихся до сферы князевой. Вотъ отъ этихъ-то разсужденій, которыя я назвалъ актами, попадаетъ много и на сердце, и оно хотя не всегда, но часто согрѣвается. Эти согрѣванія сердца есть прозеленѣніе любви; это конечно листвія, но въ послѣдствіи могутъ вырости въ цвѣтокъ и, наконецъ, обратиться въ плодъ. Чтобъ полюбить кого, надобно тѣмъ человѣкомъ долго заниматься въ мышленіи... Въ одной рубашкѣ, похоже на пиккадили (?) герцога Орлеанскаго, похаживаю я по своему уединенному кабинетцу, котораго единственное окошко на маленькій внутренній дворъ, и пописываю мой журналецъ. Часто бываетъ, что я записываюсь часовъ до трехъ и болѣе. Иногда случается вставать и ночью, словно какъ будто какая потребность явится. Вотъ напримѣръ описаніе князевыхъ чувствъ къ Екатеринѣ, изображенное въ меморіи моей № 21-й, породилось ночью. Я всталъ, написалъ и потомъ опять спокойно легъ досыпать. Не могу не замѣтить, что въ удобномъ продолженіи моего журнала дѣлаются мнѣ какія-то помѣхи; онѣ проявляются весьма искусно, но самовѣдѣніе не можетъ не замѣчать ихъ: у меня начали ломаться очки, чего прежде никогда не бывало; находитъ какая-то усталость, которую если преодолѣешь, то обращается въ теплоту. Впрочемъ увидимъ, что́ будетъ?—Мнѣ приснился сонъ, я видѣлъ мать мою, безъ меня умершую. Вотъ вижу ее заботящеюся дать мнѣ какое-то пособіе; я говорю ей во снѣ: мнѣ ничего не нужно, и вотъ она подходитъ ко мнѣ, цѣлуетъ и благословляетъ меня. Я упадаю предъ нею на колѣни и прошу прощенія, въ чемъ прогнѣвлялъ ее въ жизни. Этотъ сонъ мнѣ былъ сладокъ и пріятенъ.

Я прибылъ къ князю во второмъ часу пополудни. Князь уже отслушалъ обѣдню и панихиду по императорѣ Александрѣ, блаженной памяти. Здѣсь случай замѣтить, какъ князь святитъ день кончины императрицы Екатерины, собирая въ оный къ себѣ всѣ тѣ лица, которыя непосредственно составляли, такъ называемую, комнату представившейся Государыни. Эта дубрава, густая нѣкогда, годъ отъ году рѣдѣла для князя, а въ нынѣшнее время текущаго года при божественной литургіи и службѣ за вѣнценосную усопшую нашелся одинъ только представитель безкорыстнаго любленія мудрой Им-

ператрицы, любленія святаго, которое нѣкогда въ юношескихъ лѣтахъ его составляло возможную полноту свѣтлаго наслажденья, и этотъ отдѣленный, безсмѣнный, безмолвный представитель — есть благородный князь нашъ. Царственная женщина, наполнявшая столицу своимъ величіемъ, проникавшая милостію и чарующимъ благоволеніемъ густыя фаланги потребителей и поклонниковъ двора царскаго, Фея волновавшая сердца сладкою смутою, радостнымъ ожиданіемъ, скрылась на всегда отъ взоровъ своихъ поклонниковъ; съ нею изчезли мало-помалу и стихнувшія страсти человѣческія, страсти, которыя, можетъ быть, нѣкогда подъ именемъ еще добродѣтели красовались и были чествуемы. Но дымъ разсѣялся, прошло сорокалѣтіе, и все это разошлось и улеглось по холоднымъ и безмолвнымъ гробамъ; что̀ осталось живо, тѣмъ нѣкогда уже стало заниматься историческими предметами, въ которые естественно входило и воспоминаніе о Екатеринѣ, мудрой впрочемъ и доброй государынѣ, какъ утверждало это старое, но живое преданіе. Память сердца, видно, тверже воспоминаній разума, который такъ охотно разстанавливаетъ себя по полкамъ своей библіотеки, между тѣмъ какъ истинная память въ лицѣ моего князя, по прошествіи сорока лѣтъ времени, свѣжая еще въ ощущеніяхъ, смиренная въ чувствованіяхъ, одна, распростершись въ храмѣ Господнемъ предъ престоломъ всегда живаго Бога, выливаетъ себя въ благоговѣйной молитвѣ, питается сіяніями безсмертія и вызываетъ у Господа помилованіе душѣ, уже давно отшедшей, но присно для него любезной. Въ этотъ день, въ этотъ часъ, кто изъ Петербургскихъ жителей помышлялъ о Екатеринѣ нѣкогда Великой, и при томъ въ той шумной столицѣ, которую распространило и украсило ея мощное правленіе, кто помышлялъ о Екатеринѣ, кромѣ моего князя; кто воспомянулъ о ея забытой кончинѣ, о ея давно охладѣвшемъ прахѣ и кто молился о ней?.. Подобныя черты суть золотыя замѣтки для всякаго дѣписателя. Не имѣя на это ни призванія, ни таланта, мнѣ сладко, однако, думать, что найдутся, можетъ быть, люди, которые, обладая тѣмъ и другимъ, внесутъ и эту черту по превосходству въ скрижаль достойной біографіи столь вѣрнаго и нѣжнаго почитателя Екатерины, друга Александра Благословеннаго, сотрудника августѣйшей его матери въ подвигахъ ея благотвореній, усерднаго слуги Николая, равно какъ и вѣрнаго пѣстуна дѣтей его. Но еслибъ этотъ безпристрастный листокъ могъ сохраниться спустя долгое время послѣ смерти написавшаго оный, то прошу читателя, буде христіянство еще останется на земли, вспомянуть и обо мнѣ съ тѣмъ же оживленнымъ чувствомъ, съ тою же христіянскою любовію предъ Господомъ, съ ка-

ковою нѣкогда достопочтенный князь нашъ вспоминалъ о своей любимицѣ.

Князь вынулъ небольшую, но весьма толстую книжку, переплетенную на манеръ церковнаго въ пунцовый бархатъ. Книжка эта вся исписана рукою князя; въ ней однако не болѣе были, какъ однѣ отмѣтки главъ Священнаго Писанія. Я спросилъ князя, что бы это была за книжка, а вотъ какія разсказалъ онъ мнѣ любопытныя о ней подробности. Князь условился съ царственнымъ своимъ другомъ, блаженной памяти Александромъ, читать вмѣстѣ Священное Писаніе и, вслѣдствіе этого въ приготовленной для сего тетрадкѣ первый листъ Государь самъ разграфилъ своею рукою, оставя пространство для чиселъ, гдѣ надписалъ даты, потомъ продольную графу, гдѣ написалъ въ заглавіи Ancien Testament, потомъ графу: Évangiles и наконецъ Épîtres. Все это написано было рукою Александра. Время этого условія началось съ 18 (30) Іюля 1821 года; у Государя числа выставлены по обоимъ исчисленіямъ, восточному и западному.

Первое что̀ Государь началъ съ княземъ читать было поименовано рукою Александра, изъ Ветхаго Завѣта 61 псаломъ, изъ Евангелія Матѳ. 12 глава, изъ Апостольскихъ Дѣяній глава 2. И вотъ князь, окончивши свое чтеніе, подошелъ къ моему бюро, взялъ перо и внесъ числа тѣмъ же порядкомъ, который указалъ ему Александръ за 17 тому лѣтъ: сперва написалъ сегодняшнее число также по обоимъ исчисленіямъ т. е. 19 Ноября по старому и первое Декабря по новому. Изъ Ветхаго Завѣта отмѣтилъ главу 20 чиселъ; изъ Евангелія 4 главу отъ Луки; изъ Посланій Апостольскихъ Посланіе къ Римлянамъ глава 15-я. Князь это дѣлаетъ, не упуская ни одного дня со времени 1821 года, и отъ того книжка сдѣлалась толстою. Случалось, что блаженной памяти Государь ѣздилъ по Россіи, странствовалъ и внѣ оной по землямъ чуждымъ; чтеніе отъ того не прерывалось и даже въ случаѣ сомнѣнія, когда глава или раздѣлялась или въ Библіи встрѣчался какой-нибудь вводный отрывокъ, не поименованный въ счисленіи или внѣ его порядка, то Государь бывало, гдѣ бы онъ ни былъ, нарочно посылывалъ къ князю, хотя бы то доводилось изъ чужихъ краевъ, чтобъ князь зналъ, какъ ту или другую главу считать въ порядкѣ счисленія, и какъ вводный отрывокъ за одну ли главу почитать или особенно. Были случаи, что, прочитавъ таковымъ образомъ какую-нибудь главу по порядку, Государь требовалъ мнѣнія князева или сообщалъ ему свое.

Исполняя такимъ образомъ свято приказаніе Александрово и по смерти его, какъ и при жизни, князь чрезъ точное исполненіе воли Государевой наведенъ былъ и на нѣкоторыя чудныя ука-

заніи, которыя удостовѣряютъ, что сей новый союзъ вѣры и любви непротивенъ былъ и самому Господу. Государь прекратилъ чтеніе въ Симферополѣ предъ смертною своею болѣзнею. Князь продолжалъ. Наступаетъ 19-е Ноября. Князь, не зная о смерти, читаетъ въ это число главу Бытія 49, Матѳея 25 и Посланіе къ Евреямъ Павла 12. На задней стѣнѣ кабинета висѣли три картины, изображающія исторію Христову, именно рожденіе, распятіе и смерть Спасителя. Картины работы Венеціянова en pastel, не помню въ подражаніе какому мастеру. Привезенъ изъ Швейцаріи образъ Спасителя, картины переносятся на противолежащую стѣну, а тамъ ставятся двѣ картины масляными красками писанныя, копіи, которыя года за два или за три до дня смерти Государевой князь досталъ себѣ. Лѣствица Іакова списана была изъ Эрмитажа. Пять мудрыхъ и пять глупыхъ дѣвъ, подмѣченная княземъ въ коллекціи цесаревича Константина, списана изъ Мраморнаго дворца. Въ 49 главѣ Бытія описаны обѣтованія или благословеніе Іакова сынамъ его; въ 25-ой главѣ Матвѣя притча о юродивыхъ дѣвахъ; въ Посланіи къ Евреямъ о проданномъ старшинствѣ Исава. Это очень поразило князя по соображеніи мѣстныхъ обстоятельствъ.

Прибавленіе дѣла въ Капитулѣ *); солдатскіе Георгіевскіе кресты и Анны 5-й степени зависятъ нынѣ отъ Капитула. Окладъ канцлера 4500; еслибы вышелъ въ отставку, а комендантство Андреевское пропущено, то ничего-бы не получалъ.—Сравненіе съ дачами другихъ министровъ. — Аренда Блудову въ 32 тысячи. — Чудная скромность князя. — «Христосъ въ насъ», рукопись Пордеча, та самая, что̀ давана была Государю; князь читаетъ, потомъ я, но мнѣ не даетъ окончить.—Susceptibitité князя въ отношеніи скуки; этотъ тактъ у него весьма тонокъ.—Мысли Сенъ-Мартена.—Читать полезно, писать полезнѣе, ибо болѣе удерживается. Молиться еще полезнѣе, ибо здѣсь культивируется сердце; творить есть наиполезнѣйшая вещь, ибо здѣсь входитъ Самъ Богъ съ пріятнѣйшимъ для него участіемъ.—Мнѣніе Дашкова и Блудова о «Библіотекѣ» Сенковскаго.

*) Князь А. Н. Голицынъ былъ канцлеромъ Россійскихъ орденовъ. П. Б.

РАЗСКАЗЫ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ГОЛИЦЫНА.

Изъ Записокъ Ю. Н. Бартенева [1]).

18-го Октября (1837). Понедѣльникъ.

Переписка Екатерины съ барономъ Черкасовымъ насчетъ пріѣзда ландграфини Гессенъ-Дармштадской съ ея дочерями. Свойство переписки: въ Екатерининой проглядываютъ ловкость женщины управлять и направлять интригу, блестящій и юмористическій умъ, любезность. Баронъ уменъ, намахиваетъ на принца де-Линя, смѣтливъ, свободенъ не безъ дерзновенія, тоже юмористиченъ. Поссорился съ Екатериною за карточную игру; чтобъ не идти въ выборъ дворянства, отказался отъ умѣнья читать и писать. Мнѣ кажется, что напрасно даже самъ князь считаетъ его оригиналомъ.—Апологія Екатерины и вмѣстѣ историческій нотицъ, составленный ею самою за три недѣли до смерти, о неуспѣшномъ сватовствѣ Шведскаго короля съ великою княжною Александрой Павловной; при ономъ три приложенія: 1) собственно сдѣланное Шведскому королю Екатериною, гдѣ могущія доказательства собраны въ пользу того, что православіе не помѣшаетъ дѣлу супружества; 2) проектъ отдѣльнаго для короля пункта насчетъ православія; 3) проектъ составленный самимъ королемъ dans un contre sens, ou sens évasif [2]). Документы великой важности; они составлены и отданы Платону Зубову.—Въ перепискѣ съ барономъ Черкасовымъ благородство Екатерины и въ томъ между прочимъ замѣтно, что она уклоняется забавно, веледушно, юморично отъ тѣхъ тривіальностей и вызововъ на mesures inopportunes [3]), которыя ловко подставляетъ ей баронъ, желая затащить мудрую Государыню dans un dédal inextricable [4]) низ-

[1]) См. выше, стр. 52.

[2]) Въ противоположномъ или уклончивомъ смыслѣ.

[3]) Неблаговременныя мѣры.

[4]) Въ непзслѣдимый лабиринтъ.

кихъ и недостойныхъ мѣръ для самодержицы. Ловкое подставленіе со стороны барона Панину, дабы исподоволь ранить и жалить сего колоссальнаго и большой авторитетъ имѣющаго вельможи. Въ первый разъ я живо почувствовалъ, comment l'intrigue s'entame dans les cours [1]).—Наставленіе Екатерины оберъ-гофмаршалу князю Николаю Михайловичу Голицыну идти на проповѣдь къ Матюшкину, чтобы въ присутствіи жены его, любимой Государынею, сказать ему, чтобъ не скоблилъ между корою и деревомъ.—Нѣкоторыя собственноручныя записки Екатерины къ Валеріяну Зубову въ Польскую кампанію. Разсказалъ князь, какъ Зубовъ явился во дворецъ Таврическій съ отпиленною ногою; два раза пилена, боялись кровь бросать.—Письмо собственноручное Мамонову съ прибавленіемъ нѣжностей, облагороженныхъ, императорскихъ; здѣсь мнѣ пришли на память письма въ этомъ же родѣ первой супруги Петра Великаго; тривіальность ихъ невыносима: лапушка, разлапушка.—Инструкція кому-то изъ фаворитовъ, какія читать книги Русскія, Французскія. Изъ Русскихъ я замѣтилъ книгу: Славянскія древности; это нелѣпая волшебная сказка, составленная, помнится мнѣ, Чулковымъ. Изъ Французскихъ фигурируетъ президентъ Гено, извѣстный своимъ сокращеніемъ Французской Исторіи. Его Императрица любила; Блакстона описаніе Англіи, Монтескьё Lettres Persannes, паденіе Римской имперіи. Сочиненія Волтера, не исключая малѣйшаго brinborion во всѣхъ родахъ, hormis l'ennuyeux [2]), какъ выразилась Императрица. Современные трактаты о полиціи, какія-то Annales de Bernardin de St-Pierre (врядъ ли и есть эта книга). Вотъ какъ школила Сѣверная Семирамида своихъ любимцовъ. Здѣсь не одна конская сила нужна, какъ-то въ Тюльерійскихъ, Мадритскихъ, Браганцскихъ дворахъ проявлялось.—Одиночество старости.—Ночь Родіона Александровича Кошелева, одного изъ друзей князя.—Нѣсколько скиццовъ изъ внутренней жизни Кошелева.—Смерть Екатерины.—Пророчество Плинскаго.—Ужинъ Павла.—Мундиры Гатчинскіе.

Проспектъ моихъ занятій.—Показаніе Сведенборки Умановой о состояніи по смерти Екатерины Второй.—Два сна князевы: театръ и поклоны; обширный деревянный домъ съ внѣшними хрустальными гардинами на ставняхъ; свѣтъ тингируетъ стекло въ родѣ лалла или радуги. Исхудала Екатерина. Радъ посѣтительцѣ. Очищеніе хладомъ. Отсутствіе духовнаго элемента.—Bêtise d'un valet en fait de l'habit [3]).—Приставила Государынѣ къ этому трехъ.

*

[1]) Какъ завязывается при дворахъ интрига.

[2]) Бездѣлушки во всѣхъ родахъ кромѣ скучнаго.

[3]) Глупость лакея по части платья.

19-го Октября (1837). Вторникъ.

Зубовъ Платонъ сиживалъ у князя не однажды въ кабинетѣ, и князь сожалѣетъ, что изъ нѣкоторой деликатности не рѣшился сдѣлать ему вопросовъ двухъ или трехъ. Князь сказалъ, что если писать автографическія записки, то уже называть ихъ бесѣдами или causeries подъ рубрикою, что̀ удалось услышать о такихъ или такихъ-то знаменитыхъ людяхъ. Желательно, продолжалъ князь, чтобъ историческія времена дѣйствій и проявленій не смѣшивались и рѣзко отдѣлялись, а событія извѣстнаго времени, поколику это возможно, вполнѣ бы группились около данныхъ эпохъ; прежнее выставлялось бы отъ средняго, среднее отъ новаго, новое отъ новѣйшаго.—Тяжелый тонъ отношеній и по титулѣ князя Долгорукаго, посла въ Берлинѣ: это какъ бы песчаный оазисъ въ цвѣтущемъ вертоградѣ переписки Екатерининой.—Началось чтеніе. Сперва письмо Екатерины къ князю Юсупову, находившемуся тогда посломъ въ Туринѣ, письмо въ археолого-артистическомъ родѣ: говоря о камеяхъ, о сбираемомъ и купленномъ отъ Франціи своемъ кабинетѣ, о маніи охотниковъ вновь возродившейся собирать подобные кабинеты въ столицѣ по примѣру двора, говоря объ этомъ съ знаніемъ знатока, а не простаго токмо любителя, Екатерина предлагала Юсупову достать въ pendant другую картину Сальватора или Кауфманъ, мимоходомъ касается войны и пугаетъ возможными шансами оной, какъ жирная кошка мышью.—Довольно обширная переписка съ княземъ Долгоруковымъ-Таврическимъ. Здѣсь замѣтенъ тонъ мудрой монаршеской инстигаціи; щедрость даровъ Царицы проявляется въ обязательныхъ остротахъ, столь сладкихъ честолюбію героизма.—Потомъ письмо къ Прозоровскому съ тонкимъ указаніемъ на нелѣпую, такъ сказать, секту, которую въ послѣдствіи онъ давилъ, какъ могъ; примѣромъ тому Новиковъ, князь Николай Никитичъ Трубецкой. Послѣ и сама Екатерина отзывалась насчетъ этого по смыслу пословицы: заставь дурака молиться, дуракъ лобъ разобьетъ.—Тетрадь смѣси; здѣсь и письмо Бантыша-Каменскаго о бунтѣ во время чумы, интересное по подробностямъ, и рескрипты на разные случаи, числомъ почти до пятидесяти, князю Волконскому, тестю Прозоровскаго, бывшему военнымъ губернаторомъ въ Москвѣ. Рескрипты различны, въ нихъ много интереснаго: иногда увѣдомляла подданнаго, какъ она находитъ гостью свою принцессу Гессенъ-Дармштадскую; иногда какъ унимать пьянаго Сумарокова; какъ мирить мужа съ женою, какъ изсушить потокъ Московскихъ сплетней; какъ дѣлать инспекторскій смотръ филейнымъ частямъ человѣчества за вранье; какъ связывать и самыя челюсти зѣва аристократическаго

въ лицѣ графа Панина, Андреевскаго кавалера, взятчика Бендеръ. (Здѣсь князь разсказалъ анекдотъ объ этомъ господинѣ Панинѣ и о нѣкоемъ сенаторѣ).—Множество рескриптовъ о постройкахъ; множество заботливыхъ писемъ о перестающей, возникающей и вновь проявляющейся чумѣ. Письмо къ нему же и отъ той же Государыни о пожарахъ въ Москвѣ и о томъ мозговомъ пожарѣ Пугачова, который такъ много сожегъ и обжегъ людей. Монархиня и не думала трусить. Слово крѣпкое и самодержавное на этотъ счетъ ею сказано. Желательно вновь и не одинъ разъ прочитать эти рескрипты, привесть ихъ въ счетъ, схватить характеристику, обобрать нѣкоторые букеты благовонныхъ и сильныхъ одной лишь Екатеринѣ обычныхъ выраженій.—Анекдотъ о генералѣ Еропкинѣ, бойко и живописно разсказанный княземъ.—Забавная скицца самохвальства, состоящая въ томъ, какъ вельможные Московскіе старцы собирались на ассамблеяхъ стрѣлять другъ въ друга пошлыми эктеніями. Здѣсь между прочимъ упомянуто объ Остерманѣ и Матюшкинѣ. Этотъ истинный комизмъ не остановился ли уже на рубежѣ вѣковъ Елисаветина и Екатеринина?—Замѣчательные указы Екатерины къ генералъ-прокурору (но не Вяземскому); материнское великодушіе Монархини къ ожесточенію одного сына другой матери.—Христіанское чувство въ дѣлѣ отцеубійцы.—18-ти-лѣтняя проволочка дѣла въ Сенатѣ и милостивое еще наказаніе совѣтникамъ Губернскаго Правленія.—Снисходительное вниманіе князя къ данному мною слову на балъ. Я раскаеваюсь, что рано вышелъ изъ его комнаты.—Сожалѣніе князя, что не записалъ словъ Александра, когда сей блаженной памяти Государь разсказывалъ ему по три вечера въ присутствіи Р. А. Кошелева le système providentiel избавленія Россіи отъ Французовъ. Нельзя-ли всего этого со временемъ ресторировать?—Анекдотъ съ камеръ-пажемъ Богдановымъ.

*

21-го Октября (1837). Четвертокъ.

Анекдотъ о благоразумномъ дерзновеніи съ Императрицею сенатора графа Панина.—Неудачное подраженіе тому же генералъ-прокурора.—Приходитъ Загрядскій.—Продолженіе чтенія трактата о смерти.—Три письма отъ Государя; первыя два отъ 8-го и 9-го Октября изъ Тифлиса, третье дѣловое. Въ первомъ: выраженіе его, что встрѣтили его въ Тифлисѣ какъ въ Москвѣ; во второмъ, что поутру тамъ Іюль, а ввечеру Октябрь. Это письмо служитъ отвѣтомъ на князево, въ которомъ почти эти слова находятся; князь благодаритъ за извѣстный милостивый отзывъ Императора и говоритъ, что и его сердце

соединено съ Государемъ, готово не разставаться съ нимъ во вѣки; но бѣдное старческое тѣло по необходимости требуетъ тепла, кости его ищутъ согрѣванія; но не смотря на это, онъ будетъ неразлученъ съ Государемъ и, привыкшій видѣть волю Божію въ словѣ Монарха, коего сердце въ рукахъ Божіихъ, онъ съ терпѣніемъ будетъ ожидать его указанія, когда заблагоразсудится Государю позволить князю оттаять, какъ онъ выражается, старыя свои кости въ благословенномъ и тепломъ климатѣ Тавріи. Государь отрывисто и опредѣлительно отвѣчаетъ на эти слова князя и говоритъ, что старые друзья должны и старѣться и доживать вѣкъ свой вмѣстѣ.—Превосходный переводъ съ Еврейскаго книги Іова, которая прислана князю архимандритомъ Макаріемъ, миссіонаріемъ Барнаульской восточной миссіи. Въ письмѣ къ этому переводу Макарій извѣщаетъ князя, что переводъ составлялся по той Еврейской Библіи и съ тѣмъ словаремъ, которые князь же подарилъ архимандриту.—Князь бѣгло разсказывалъ о чудесахъ Московскихъ.—Забавенъ обѣдъ данный старцамъ въ селѣ Останкинѣ покойнымъ Шереметевымъ. Я забылъ костюмы полугаерскіе, въ которыхъ старцы по этому случаю наряжались. Чванство Остермана, его костюмъ, морганье, ослиный хохотъ, ляганье, обѣды, музыка, минаветы Московскіе.—Отольются волку коровьи слезки.—Бумаги Тургенева. Свѣдѣнія о Евдокіи, Екатеринѣ Первой, о доходахъ въ 1755 году. Автографическіе документы. Большіе пакеты отъ Тургенева, только что полученные княземъ. Манера его кореспонденціи. Государь самъ охотно и не торопясь читаетъ доставляемые Тургеневымъ документы.—Занимательное и нѣсколько самобытное воззрѣніе князя на животный магнетизмъ.—Тщета и недоразумѣніе возраженій Загрядскаго.—Интересныя былевыя вещи о Турчаниновой. Ея излѣченія. Сынокъ Кочубея. Разслабленный изъ Старой Русы. Свидѣтели иностранцы, свидѣтели самъ князь. Уѣзжаетъ она на дачу Мордвинова, а безъ нея бѣснуются.

*

Пятница, 22-го Октября (1837).

Завтракъ князевъ: взваръ изъ бульона, селедка, студень, или свѣжая рыба. Уединенная комната для завтрака — темноватая, украшенная миньатюрами и очерками портретовъ: братъ, Лѣнивцовъ, Вѣра Алексѣевна Муравьева, Плещеева, Потемкина, сестра, Сенъ-Мартень, принцъ Гогенъ - лое, крестьянинъ Миллеръ, другъ и наперстникъ принцевъ, княгиня Варвара Александровна Трубецкая, Пордечь, Шумлянская, баронесса Бергеймъ, Криднерша. Когда нибудь

сдѣлаю характеристику всѣмъ этимъ изображеніямъ, характеристику по точнымъ словамъ и даннымъ князя. Свобода и просторъ маленькихъ нашихъ агапій. Обыкновенное застольное общество у князя состоитъ вотъ изъ кого: Гавр. Степ. Поповъ, Ник. Авдр. Загрядскій, Петръ Дмитр. Маркеловъ, я, Ковальковъ; прежде этаго: дѣйств. статск. Галаховъ, Вас. Мих. Поповъ; изрѣдка Ѳ. И. Прянишниковъ и одинъ разъ Всев. Никандр. Жадовскій.—Изъ чего обыкновенно составленъ столъ у князя? Лѣтомъ бываетъ очень много сладкаго, иногда блюда три; особенное блюдо для Маркелова; блюда для Загрядскаго. Обычная рюмка Венгерскаго для князя.—Необыкновенное вниманіе князя во время моей болѣзни. Поваръ дожидался до 10-ти часовъ.—Терентій Ѳедотычъ самъ подаетъ и разноситъ кушанья. Лѣтомъ обѣдаемъ въ саду, зимою и осенью въ портретной залѣ. Бортнянскаго мелодія. Увертюра изъ оперы: Нѣмая въ Портичи, или, какъ здѣсь называютъ, Фенелла. Заказанъ новый валъ для мотива извѣстнаго Польскаго: громъ, побѣды раздавайся. Это свѣжій отголосокъ, новая и скромная дань сердца хозяина царственной своей любимицѣ. Здѣсь невольно припоминается и гравированный портретъ Екатерины. Указанія даны были славному Уткину. Государыня изображена прогуливающеюся по уединенному парку Царскаго Села, уже старушка, уже сгорбившись. Собачка предшествуетъ или сопровождаетъ ея прогулку. Уткинъ оправдалъ ожиданіе. Сравненіе этаго эстампа съ Енеемъ несущимъ Анхиза, за что̀ артистъ получилъ медаль въ Парижѣ. Эстампъ былъ въ модѣ и продавался по 50 р. Одинъ изъ первыхъ самобытныхъ Русскихъ эстамповъ. Причина, идея, пособія, все проистекло изъ скромнаго уголка зыблющагося любовію сердца князева. Толпа такъ называемыхъ артистовъ не подозрѣваетъ настоящей причины появленія славнаго эстампа; но эти-то бурмицкія зерна, сокрытыя въ глубинахъ смиренія, безвѣстной и самоотвергательной любви, и составляютъ по моему мнѣнію квинтъ-эссенцію всякой авто-біографіи. Когда холодная плита могилы охолодила сердце отъ живаго воспоминанія, проявленіе таковой нѣжности, отдѣляемой отъ предмета цѣлымъ сорокалѣтіемъ, когда уже онъ не существуетъ для насъ, болѣе нѣжности безгласной, безвозвратной, есть проявленіе рѣдкое въ нашемъ скользящемъ по всему мірѣ; это даже не есть уже и нѣжность, а нѣкое произвольное поклоненіе сердца и ума благу нравственному, благу, которое, обличась нѣкогда въ феноменальной жизни, изчезло на вѣки для пластическихъ дворскихъ чувствованій, но какъ изъ сего видно теплится, кроется еще, какъ уединенная лампада, въ памяти одинокаго сердца. Невольно вспоминаю здѣсь кончину князя Трубецкаго и подобное этому же чувствованіе.—Портретъ Екатерины

масляными красками, недавно украсившій парадную гостиную. Сороконожка приходила ввечеру; но мнѣ было недосужно, пусть приходитъ въ какое утро хочетъ. Здѣсь должна вставиться въ полнотѣ исторія сороконожки.—Не Бедуинка, а Бедуинъ изображенъ былъ великою княжною на картинѣ.—Замѣчаніе, что я перебиваю слова князя и не даю ему выговаривать вполнѣ.—Планъ Крымскаго имѣнія; имѣетъ видъ тропическаго сада; другой планъ, мастерски сдѣланный Штеромъ.—Книга Іова. Отзывъ князя о переводѣ.

*

Воскресенье, 24-го Октября (1837).

Снѣжная и дождливая погода.—Пріѣзжаю къ обѣднѣ.—Пріятный придѣлецъ въ церкви. Какъ согрѣваніе и отчужденіе сладко въ церкви!—Князь, сестра, генералъ-адъютантъ Ушаковъ, князь Мещерскій, Гавр. Ст. Поповъ, Никол. Андреев. Загрядскій, князь Леонидъ Голицынъ, сотоварищъ нашъ по службѣ Всеволодскій. Князь Леонидъ и Всеволодскій новыя вводныя лица. Я наблюдаю вокругъ себя—фютильность общаго разговора, что̀ на горло класть, просто-ли мыло, или какъ Сперанскій увѣряетъ, мыло съ солью и проч. Запахъ отъ дворскаго столоваго бѣлья. Армянскій патріархъ съ хвостомъ и безъ хвоста. Первое впечатлѣніе отъ двухъ новыхъ пришельцовъ. Всеволодскій, его умное, но болѣе къ западному типу принадлежащее лицо, его особа, проникнутая сильнымъ запахомъ духовъ и при томъ такихъ, которыхъ я не люблю, обратили общимъ образомъ мое вниманіе. Князь Леонидасъ съ большими концами своей манижки, съ Французскимъ покроемъ фрака, съ нѣкоторою манерностію въ движеніяхъ, показался мнѣ принадлежащимъ къ юной Франціи.—Воспоминаніе о Сестренцевичѣ.—Retraite на 24 дня въ каждомъ году. Письменныя объясненія съ папою.—Молочная пища безъ рыбы и мяса.—Травяные бульоны Польскаго короля.—Краснощокій octogénaire.—Привѣтствіе князя, что долго меня не видалъ, что соскучился, хотя одни только сутки я пропустилъ явиться къ нему, принимаю за проявленіе его милости и вниманія; par calcul des probabilités [1]) и мѣстностей имѣю причину предполагать, что изъ десяти лестныхъ фразъ, сказанныхъ княземъ, обыкновенно бываетъ семь съ сочувствіемъ, три для разносу масти. Ставлю себя въ предметъ первыхъ.—Все провалилось, остаемся мы съ Загрядскимъ. Раскрытое на этотъ разъ вникновеніе мое въ предметъ чтенія извѣстнаго трактата о смерти осталось неудовлетвореннымъ. Князь находитъ себя en verve de causer [2]). Нынѣ много нашлось матеріала.—

[1]) По разсчету вѣроятностей.

[2]) Въ сильной охотѣ разговаривать.

Взглядъ князевъ на старушку Голицыну; ежегодныя его посѣщенія. Припадки старости. Курьезное понятіе о монахахъ. Пріемъ царской фамиліи. Головомойка гвардіи офицеру. Отрывокъ изъ записокъ о Каруселѣ. Скромность семи-десятыхъ лѣтъ, воспоминаніе о женихѣ и Екатеринѣ.—Забылъ, кто разговорился съ нею о каруселѣ. Rigorisme цѣломудрія. Филологическія знанія. Внучка Петра Великаго [1]). Найденный кѣмъ-то ящикъ въ придворной конторѣ съ письмами ея матери къ Петру Великому. Полновѣсные милльонцы. Въ ея индивидумѣ видна родовая закалка.—Другая старушка Румянцова, по словамъ Австрійскаго императора, живая исторія. Людовикъ XIV запятналъ ея кружевный фартукъ вишнями. Герцогъ Мальборугъ и принцъ Евгеній Савойскій ея знакомые. Анекдотъ съ Англичанкомъ. Танцуетъ съ семи-лѣтнимъ Александромъ. Умерла 99-ти лѣтъ. Кавалеръ Конъ, Помпадуръ и Людовикъ XV.—Воспоминаніе о Павлѣ: боялся Елисаветы. Записки Порошина, ихъ калейдоскопность и prolixité [2]). Государь ихъ далъ князю, князь далъ ихъ княгинѣ Голицыной. Здѣсь князь съ благосклонностію отозвался о моей памяти, сравнивъ ее съ дѣписателемъ Порошинымъ.—Поправки объ эстампѣ Уткина.—Отзывъ князя о проповѣдяхъ, даетъ мнѣ книгу для просмотрѣнія.—Перекусихина надѣвала платье Екатерины, съ этой позы писалъ Боровиковскій, съ нея гравировалъ Уткинъ по предложенію князя.—Опытъ о шутихахъ. Шутиха Анна Даниловна, дочь графа Панина; ея наружность.—Прелестный анекдотъ о Рылѣевѣ и свиныхъ тушахъ. Матушка Государыня, свѣтъ мой сестрица. Пажи, громовы дѣти. Политическій взоръ шутихи; ея же взглядъ на Шведскую войну и короля Шведскаго. Не любитъ Пугачова и Платона Зубова; страшно, какъ тотъ разговариваетъ самъ съ собою. Фавориты любятъ шутиху. Графъ Мамоновъ. Князь Потемкинъ. Дорадоровое платье.—Князь мой иногда ласкался къ шутихѣ, та его побаивалась, опасаясь шалостей. Названіе придворныхъ чиновъ; за что дана кавалерія садовнику. Замѣчаніе князя, что бы значила шутиха при Елисаветѣ. Мой взглядъ на эту манію. Князь показывалъ мнѣ картину Боровиковскаго, показывалъ мраморную собачку, подаренную ему Императоромъ.—Новая échappée de vue: 4 раза на день цѣлуетъ руку мертвой Екатерины. Кольцо изъ волосъ съ черною эмалью; вензель Екатерины, обращенный къ пальцу—ощущеніе полустигмата. Какъ дорогъ перстень. Валаамъ. Потеря перстня. Находка его. Просвѣтленіе внутренняго взора. Пла-

[1]) Княгини Натальи Петровна была дочь графа Петра Григорьевича Чернышова. П. Б.

[2]) Растянутость.

калъ бы и тосковалъ, еслибъ случилось прежде. Князь не хотѣлъ и пластическихъ чувствъ своихъ липать воспоминанія о любимицѣ.—Симулякръ бальзамирующей сущности.—Попытка составить изъ ингредіентовъ одеколоня и уксуса тотъ же модъ соприкосновенія съ безцѣнными для него остатками. Платокъ есть проводникъ болѣзненнаго, но милаго воспоминанія. 10 процент. болѣе пріобрѣтаетъ любовь моя къ князю, выслушавъ отъ него таковый фактъ, обнаруживающій неподдѣльную нѣжность сердца, любовь хотя языческую, но кавалерственную, безкорыстную. C'est du sublime для сердца, ибо все это дѣлается не для толпы, не для наглядности.—Знакомство съ Всеволодскимъ по мудрому предвѣдѣнію Промысла. Государь и Государыня замѣчаютъ князю несовмѣстность онаго. Здѣсь Всеволодскій есть синонимъ злу нравственному. Молва въ городѣ; опасительныя суеты односторонняго взгляда приближенныхъ. Влеченіе князя.—Княгиня N.—посѣщеніе княгини первое, второе. Perspicacité князя въ раскрытіи интриги. Сравненіе Всеволодскаго съ головнею.—Чудеса милосердія Божія. Отъѣздъ въ Екатеринбургъ. Фактъ публичнаго смиренія. Предсмертная надежда, что мнѣ тамъ будетъ лучше.—Смерть Всеволодскаго. Мнѣніе мое о князевыхъ отношеніяхъ къ нему.—Новые пять процентовъ въ прилѣпленіи моемъ къ князю.—Мнѣ сдается, что князь нѣкоторымъ образомъ излишне формализируетъ въ прикосновеніи съ людьми, которыхъ міръ отъявилъ грѣшниками. Анналистъ считаетъ таковое знакомство князево съ Всеволодскимъ за лучшій подвигъ всей его жизни. Я распространюсь по этому предмету въ будущихъ запискахъ. Здѣсь замѣчу только долготерпѣніе Божіе къ Августину; какъ Господь надѣлилъ Деодата, какъ и самъ Деодатъ жилъ въ обществѣ вѣрныхъ. Безкорыстная любовь старика Всеволодскаго къ княгинѣ обнаруживаетъ только непонятую цѣль направленія. Lubricité, смѣшанная съ макіавелизмомъ въ отношеніи къ ближнему, вотъ это есть мерзость, отъ которой надлежитъ бѣжать безъ оглядки.—Вторичное появленіе племянника. Рекомендація князя: вотъ такой-то чиновникъ, котораго я очень и пр. Изъ ласковыхъ словъ князя, которыхъ ко мнѣ было очень много, я не помню, чтобы которому столько обрадовался сколько этому; или во мнѣ оставалась нѣкоторая прозрачность послѣ церкви или отъ того эта фасинація, что слово сказано отъ духа.—Идемъ за столъ.—Трескучій разговоръ стола. Князь Леонидъ говоритъ языкомъ Парижскихъ гостиныхъ, imbu de termes politiques; напр. у него вездѣ prolétaires, гдѣ бы по нашему можно было сказать pauvres diables и пр. Князь также разговаривалъ нѣсколько игривѣе и изысканнѣе.—Князь держитъ племянника въ какомъ-то решпектѣ и на приличной дистанціи. Послѣ обѣда разговоръ дѣлается спеціальнѣе. Князь дремлетъ. Пле-

мянникъ съ умомъ говоритъ о Итальянскихъ женщинахъ, съ умомъ о законодательствѣ Салическомъ. Свѣтлый взоръ его на Сенъ-Симонизмъ обличаетъ въ немъ доброе направленіе сердца извлекать одно лишь доброе. Двѣ новыхъ и прекрасныхъ его мысли о своевременномъ и мудромъ вмѣшиваніи провиденціализма въ жизнь народовъ. Вотъ онѣ: Бартольдъ Шварцъ и животный магнетизмъ. Еще отрадная мысль: всякому свое отъ воспитанія. Мѣткое замѣчаніе о Нѣмецкомъ прекрасномъ полѣ и стиркѣ бѣлья. Бѣглый взглядъ на «Принца», сочиненіе Макіавели, Божественная Комедія Данта. Миѳологія Индіянъ. Королевство Лагоръ и мужественные сейки. Разнообразіе разговора доказываетъ начитанность, живыя впечатлѣнія и мышленіе. Во время разглагольствія, гдѣ было у насъ обоюдное assaut d'esprit, князь покойно дремалъ и проснулся, чтобъ распустить насъ по дворамъ.—Характеристика барона Кампенгаузена.—Характеристика Госнера. Первыя проявленія покаянія. Ходъ внѣшнихъ событій не задолго до смерти, тонулъ; проявленія смертной болѣзни, свиданіе съ нимъ князя. Исповѣдь и причастіе Госнера. Новое требованіе Госнера для радостнаго извѣщенія. Христіанская кончина умиротвореннаго министра. Океанъ доброты и милосердія Христова блеснулъ глазамъ моимъ.

*

Среда, 27 Октября (1837).

Князь разсказываетъ событіе съ Государемъ, случившееся на Тифлисской горѣ.—Испанскія дѣла. Острое слово Фикельмонта.—Обращеніе Государя съ Французскими послами: маршаломъ Мортье, пэромъ Барантомъ. Они въ отчаяніи. Анекдотъ о теперешнемъ зятѣ Филиппа, принцѣ Александрѣ Виртембергскомъ и его братѣ. Приступаемъ къ продолженію чтенія извѣстнаго трактата о смерти.

Чтеніе наше прервалось разсужденіями. Князь, наполненный предметомъ по сердцу, вставалъ, ходилъ по комнатѣ, часто подходилъ къ намъ, клалъ мнѣ свою руку на плечо, указывалъ на замѣчательныя мѣста рукописи, дѣлалъ вопросы, отмѣчалъ новыя и разительныя мысли. Во время чтенія возникали вопросы, завязывались разговоры, тема была смерть или мертвенное царство, варіяціи дробились въ болѣе утѣшительныхъ предметахъ. Это подало поводъ Загрядскому разсказать анекдотъ о сочувствіи сестрою къ смерти брата, т.-е. Шумлянской Булгакова. Князь разсказалъ два событія услышанной молитвы о ближнемъ, по возможности чистой, безкорыстной. Начиная узнавать князя, я совершенно увѣренъ, что разсказанное случилось съ нимъ самимъ.

Предметъ молитвы былъ Всеволодскій. Это служитъ новымъ доказательствомъ того, что дѣло, которое люди находили несовмѣстнымъ, Господь считаетъ его въ порядкѣ и можетъ быть дѣломъ Ему благоугоднымъ. Является Ѳ. И. Прянишниковъ.—Обѣденный столъ.—Лампа.—Громъ побѣды раздавайся инструментованный, а не вокальный.—Князь былъ въ пресловутомъ маскарадѣ. Обиліе брилліантовъ. Богатство въ убранствѣ кадрилей. Могущественность Потемкина. Идіотизмъ похвалы, т.-е. промахнувшагося придворнаго ensemble и детали. Племянницы Потемкина. Браницкая и другая (забылъ имя) на прокрустовомъ съ нимъ ложѣ и посѣщеніе митрополита. Капризы въ нарядахъ Потемкина. Молдавская Лукреція Долгорукова. Эскадронъ для записки. Петербургская беременность. Брильянтовая бульденежъ. Русскіе богачи. Характеристика корнета Яковлева. Мнѣніе цесаревича объ его заводахъ. Князево замѣчаніе объ обѣдѣ у гордаго Чернышова. Обѣдъ въ Лондонѣ у Воронцова. Разсказанный Ѳедоромъ Ивановичемъ Шведскій лабиринтецъ Сведенборга. Кошелевъ въ минуту галлюсинаціи предъ картиною Рафаэля Менгса посвящаетъ Господу дочь свою и потомъ раскаивается. Вѣщее письмо къ нему Швейцарца. Сужденіе о смерти дочери, о ней же Сенъ-Мартеня и Цюрихскаго мученика Лафатера. Неуловимая для другихъ, но мнѣ понятная сдержка князя при Ѳ. И. Прянишниковѣ. Тотъ же laissez-aller, таже благосклонность, таже любезность; но нѣтъ того особничества, нѣтъ того проницающаго добродушія, нѣтъ того упрощеннаго Гернгутерскаго чувства, которое иногда вижу въ князѣ, когда бываю съ нимъ наединѣ. Модусъ поведенія князя при сестрѣ, модусъ при Ѳед. Ивановичѣ, при Гавр. Степановичѣ, при Загрядскомъ различны, но неуловимы для того, кто некрѣпко наблюдаетъ. Нѣжное и обязательное поведеніе князя въ отношеніи моихъ невольныхъ беотизмовъ; какъ напр. сегодня въ отзывѣ за столомъ о женщинахъ, о лабиринтѣ и проч. Нѣтъ ли тутъ сходства съ Екатериною? Гасконскій допросъ мой о сигаркѣ, категорическій отвѣтъ князя съ примѣромъ; но, чтобъ въ трехъ свидѣтеляхъ не зародилась искра ридикюля, орудія столь страшнаго въ столичной жизни, любвеобильный тактъ князя поспѣшаетъ на выручку, и въ тотъ же разъ онъ разсказываетъ, какъ и Государь дѣлалъ ему подобный же вопросъ. Чарующая любезность князя поддерживаетъ меня въ необдуманныхъ моихъ экспромтахъ. Князь, чтобъ не сказать чего-либо болѣе, мудро согласуетъ близость къ домочадству съ близостію къ истинѣ. Мысли о моихъ отношеніяхъ къ князю. Въ молодыя лѣта мы отыскиваемъ женщину, чтобъ нравиться. Любить и быть любимому есть девизъ пылкаго юноши. Страстность, омрачая взоры, показываетъ безпредѣльность въ ограниченности пришлаго и отходящаго чувства; но въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда самовѣдѣніе ощущаетъ

шеолъ *), заливающій, такъ сказать, всѣ наши чувственныя наслажденія, ищущее наше сердце стремится къ мужу совѣта, и благо мнѣ по милости Господней, что я нашелъ его въ особѣ моего начальника. Онъ былъ мнѣ благодѣтелемъ, есть начальникомъ, пусть будетъ мастеромъ. Да поможетъ мнѣ премудрость Божія сдѣлать его историческимъ своимъ этюдомъ. Что бы меня не встрѣтило въ жизни, пусть хотя нѣсколько лѣтъ оной посвятятся для его изученія. На старости лѣтъ моихъ, какъ нѣкогда бездомный Камоенсъ съ своею Лузіядою, я проплыву море жизни, сохраня вѣрную хартію о человѣкѣ, которымъ интересовались нѣкогда тысячи изъ его современниковъ и который долженъ бы былъ пересчитывать число ему знаемыхъ числомъ облагодѣтельствованныхъ крѣпкимъ во благѣ его духомъ и любящимъ ближняго сердцемъ. Досель я зналъ аристократію рода, умѣлъ подмѣчать иногда аристократію ума и таланта; но вижу, что есть еще третья аристократія—сердца.—Получается при насъ письмо къ князю отъ Государя, отъ 21-го Октября изъ Ново-Черкасска: чрезъ мѣсяцъ пріѣду въ Петербургъ съ чады и домочадцы; ввелъ сына въ атаманы Донскаго войска. Но нѣтъ извѣстія отъ Е. В. о случившемся съ нимъ дорогою. Любовь Царя къ Царицѣ, примѣрныя ласки для супруговъ. Мнѣніе, которое выговорили купцы лично Государю. Недугъ на южномъ берегу Крыма. Слово доктора Маркуса.

*

Пятница, 29-го Октября (1837).

Школа сенсуалистовъ, мощныя обаянія Вольтера и нѣга дворской жизни съ самыхъ различныхъ ея искушеній при костическомъ и насмѣшливомъ сгибѣ ума князева образовали въ немъ опаснаго, но любезнаго безбожника. Воздѣйствія его на покойнаго Александра были далеко не въ пользу религіи. Приведу одинъ анекдотъ, съ чувствомъ разсказанный мнѣ самимъ княземъ. «Въ одинъ лѣтній прекрасный день ѣхали мы одни въ колескѣ съ императоромъ Александромъ на Каменный островъ. Тихое вѣяніе вѣтерка, навѣвавшее прохладу, безоблачное небо, которое такъ рѣдко въ Петербургѣ, зелень деревьевъ только что распустившихся (ибо это было въ началѣ весны) все наводило на насъ нѣкоторое упоеніе. Государь замолкъ и погрузился въ тихое размышленіе; привыкнувъ различать черты Государевы, я сейчасъ же замѣтилъ, что сладкая дума ронялась въ его царственномъ сердцѣ, ибо черты лица показывали какое-то освѣженіе и успокоеніе.

---

*) Шеолъ—Еврейское слово, означающее адъ. Сколько намъ извѣстно, это есть мистическое выраженіе, подъ которымъ разумѣется нѣчто среднее между здѣшнею и загробною жизнію. П. Б.

Я молчалъ и не смѣлъ нарушать этотъ торжественный моментъ столь сладостный для его самозабвенія. Послушай, князь, сказалъ мнѣ наконецъ Александръ, отъ чего это дѣлается, что ясность небесная, тихое колебаніе водъ, освѣженіе доставляемое намъ зеленью деревъ располагаютъ насъ къ какимъ-то сладостнымъ чаяніямъ и влеченіямъ. Вопреки моего разума, продолжалъ Государь, я невольно ощущаю въ себѣ это влеченіе поддаться и водворить въ себѣ столь освѣжительныя истины религіи. — Напрасно, Государь, отвѣчалъ я ему, вы нѣкоторое спокойствіе сердца, нѣкоторую мирность духа принимаете за проявленіе необходимости поддаваться чему-то. Это просто пришлое чувствованіе, которое приходитъ къ намъ съ ясностію дня и отходитъ съ его перемѣною. Это болѣе нежели странно для вашего ума, продолжалъ я, воскормлять таковыя впечатлѣнія». Я поспѣшилъ, говорилъ мнѣ князь, разочаровать Государя и мнѣ казалось, въ невѣрствіи моего сердца, что я дѣлалъ это очень хорошо.

*

Воскресенье, 31 Октября (1837).

Странности послѣдняго потомка Разумовскихъ.—Истерическій смѣхъ.—Метода дѣйствованія покойнаго блаженной памяти Александра въ отношеніи дѣтей прижитыхъ незаконно и до брака.—Взглядъ на этотъ предметъ нынѣшняго Государя.—Триста просьбъ чрезъ ст. секр. Лонгинова.—Участіе въ этомъ дѣлѣ нашего князя.

*

Среда, 3-го Ноября (1837).

Князь показываетъ мнѣ письмо отъ 28-го Октября изъ Москвы отъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей. Письмо царственныхъ малютокъ собственноручное и начинается такъ: «Любезный нашъ принцъ Голицынъ» и проч. Обѣщаютъ малютки чрезъ четыре недѣли съ нимъ увидѣться. Это письмецо подало поводъ разсказать князю, какъ малютки изъ Царскаго Села писали первое свое письмо къ своимъ августѣйшимъ родителямъ и почему они не захотѣли болѣе уже писать таковыхъ писемъ. Князь имъ отвѣтствовалъ въ ихъ духѣ, напомня, что въ два часа пополудни онъ объ нихъ регулярно думаетъ.—Почеркъ письма Великихъ Князей.— Замѣчаніе о Михаилѣ.— Князь получилъ письмо и отъ Государя изъ Москвы отъ 30-го Октября, служащее отвѣтомъ на вопросъ князя, который ждалъ отъ Государя подробностей случившагося съ нимъ при выѣздѣ изъ Тифлиса происшествія. Государь находитъ себя въ совершенномъ здоровьѣ, а о событіи пусть князя извѣститъ графъ Орловъ, имѣющій скоро прибыть изъ Москвы въ Петербургъ.—Приходитъ Гаврило Степановичъ,

Князь отдаетъ ему письмо вдовы и напоминаетъ снова о дѣлѣ. Князь заставляетъ Попова прочитать рѣчь Филарета, проговоренную имъ при встрѣчѣ Государя. Эта рѣчь не звѣнитъ, какъ обыкновенныя, догматизмомъ, а сдѣлала бы честь всякому министру. Выраженіе Филарета: прешолъ горы и снялъ съ насъ горы заботъ. Здѣсь князь сказалъ отзывъ свой и о прочихъ рѣчахъ митрополита, припомнивъ сказанную имъ Наслѣднику престола и блестящее въ оной выраженіе: учебная храмина—цѣлая Россія. Здѣсь кстати изобразить о вкусѣ князевомъ въ бельлетризмѣ или вообще въ изящной литературѣ.— Князь получилъ письмо изъ Вѣны отъ княгини Анны Сергѣевны. Она увѣдомляетъ о милости къ ней Промысла Божія: 12 дней промедлили въ Галацѣ, чтобъ разъѣхались доктора. Чрезъ двадцать баронеса Бергеймъ будетъ здорова; только чтобъ струпъ отвалился. Ядро болѣзни въ груди, прочія части тѣла здоровы, полны, свѣжи; грудь впалая, иссохшая, болѣзненная. Князь интересуется о Катѣ *), переговариваетъ мнѣ подробности ея облеченія; шутитъ, что болѣзнь испугалась пилюль Маркеловскихъ. Князь даетъ себѣ трудъ припомнить все это, чтобъ обязать меня и, можетъ быть, по потребности своей разливать сферу любви.—Князь въ разговорѣ обращается къ самому себѣ. Онъ описываетъ образъ и методу своего вольнодумства. Воспитывается въ такомъ домѣ, гдѣ все было по указаніямъ религіи. Вышедши на свободу, развитыя страсти берутъ волю, разсѣяніе, сластолюбіе, чувственность все закружило и проникнуло князя. Религія, отметая все это, дѣлается ему ненавистною. Князь не вѣрилъ безсмертію, и ожидаемое имъ ничтожество обязывало его еще глубже предаваться услажденіямъ чувствъ. Къ этому князь присовокупляетъ даже и кощунство надъ святынею.—Молчалъ предъ парадоксами и софизмами Александра. Даетъ совѣтъ Государю призвать къ себѣ Лѣнивцова. Свиданіе Государя съ Лѣнивцовымъ.—Неудача.—Отзывъ Государя о фюртивномъ какомъ-то словѣ, которое князь съ робостью внесъ въ общій разговоръ. — Неудовольствіе Кошелева на князя.—Какихъ мыслей Кошелевъ былъ о Государѣ и какая метода его дѣйствованія. Даетъ ему масонскую книгу Ксанфіо. Государь доволенъ книгою, передаетъ ее великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ.— Неудовольствіе князя на Кошелева.—Свойство книги, какъ она отдаляла Государя отъ настоящей вѣры.—Въ слѣдствіе таковыхъ опасеній князь пишетъ къ Государю и посылаетъ ему «Христосъ въ насъ» Пордеча. Государь вновь прилѣпляется къ Единому на потребу.

*) Супруга Ю. Н. Бартенева, Екатерина Степановна, ур. Милюкова, женщина высокой добродѣтели. П. Б.

Живое чувство удовольствія князя при воспоминаніи, какъ исполински пошелъ Императоръ по пути религіи. Князь оказалъ заботу, какъ-бы въ послѣдствіи повѣрнѣе и отчетливѣе передать мнѣ степени обращенія и хожденія царева по путямъ и указаніямъ Божіимъ. Съ благоговѣніемъ вписываю въ свой летучій листокъ ту инстигацію князеву, которая подставила болящимъ очамъ Императора извѣстную рукопись: «Христосъ въ насъ». Это подвигъ по превосходству совершенный княземъ. Подѣйствовать на сердце царево, заронить въ немъ искру небеснаго огня, обуреваться самому, чтобы она не пропала, раздувать ее въ пламя дѣйствованія и любленія, есть, говорю, по моему понятію, подвигъ великій и достопочтенный. Это все равно, ежелибы возможно было на знойную Африканскую степь, гдѣ истаевало доселѣ отъ жажды все прозябавшее и двигавшееся, возможно, говорю, было навести неизмѣримую тучу прохлады и дождя, дабы все отъ того оживилось и прозеленѣло. Такъ и сердце царево: это также туча прохлады и всякаго свѣженія для народа ему подвластнаго. Навести это благодатное облако, чтобы пролило и проливало благодатный дождь правосудія, любвеобилія, трезвенныхъ понятій, которыя цари обращаютъ въ навыки и потребность для своихъ народовъ—есть дѣло угодное Господу и вождѣленное христіянину. Если юная Россія (да избавитъ насъ Господь Богъ отъ этого поколѣнія, которое въ pendant юной Франціи грозитъ намъ бѣдою и смутою), если юная Россія по несчастію вмѣстится нѣкогда въ ряды потомковъ нашихъ, если, говорю, она и не оцѣнитъ этого подвига князева, подвига скромнаго, ни кѣмъ незнаемаго, если не оцѣнитъ того дивнаго и дѣвственнаго такта, который спѣшилъ такъ-сказать подставить предъ очи Государя свѣдѣнія о Христѣ Распятомъ: то все, можетъ быть, найдутся еще люди въ любезномъ нашемъ отечествѣ, въ которыхъ откликнется подвигъ моего любезнаго князя, и они поблагодарятъ Господа за духъ его совѣта, воспомянутъ съ любовію о душѣ его.—Еще читалъ мнѣ князь посланіе одного Американскаго квакера изъ провинціи Конектикута, что въ Соединенныхъ Штатахъ, къ Александру въ 1821 году. Квакеръ пишетъ, что ему дано знать, что еслибы Государь сдѣлалъ нѣкоторое движеніе насчетъ Юго-востока Европы, то это было-бы сообразно съ волею Божіею и увѣнчалось бы вождѣленными и невѣроятными послѣдствіями; квакеръ, къ величайшему изумленію, рѣшительно настаивалъ, чтобъ въ короли Римскіе посадить нашего князя А. Н. Князь очень смѣялся, прочитывая эту старую бумагу, которую однакоже покойный Государь самъ читалъ и возвратилъ ему.—Князь объявилъ мнѣ, что, съ нѣкоторымъ трудомъ сбирая цѣлую жизнь матеріялы, онъ неохотно раздѣлилъ бы обладаніе ими съ кѣмъ-либо другимъ.

Ты одинъ только, къ которому я имѣю эту довѣренность, продолжалъ онъ.—Я приношу вамъ чувствительную благодарность. Но мнѣ ваши матеріалы нужны въ отношеніи только васъ, отвѣчалъ я князю: не имѣя дѣтей, не имѣя наслѣдниковъ, я не имѣю и мономаніи такъ дорого цѣнить ими. Князь прощаясь велѣлъ зайти мнѣ къ своей сестрицѣ, она нѣсколько больна [1]). Я видѣлъ тамъ Ковалькову; судя по лицу, она должна быть добрая женщина.—Начало чумы въ Одессѣ по словамъ князя произошло отъ того, что одинъ нижній служитель карантина тайкомъ снесъ женѣ своей какую-то шубку. Отъ этого все вышло: оба супруги умерли, и чума загуляла въ многолюдномъ портовомъ городѣ. Господь да избавитъ насъ отъ этой напасти!

*

4-го Ноября (1837). Четвертокъ.

Послѣ обѣда всѣ расходятся, князь дѣлаетъ мнѣ выговоръ. Онъ находитъ себя въ затрудненіи со мною и не знаетъ, какъ быть въ моемъ присутствіи, что̀ обыкновенно всякаго хозяина очень затрудняетъ и даже вводитъ въ скуку. Мнѣ нужно бы, по словамъ князя, твердить извѣстную молитву: Господи, Владыко живота моего, гдѣ просимъ Бога воздержать насъ отъ любоначалія и проч. Je ne savais quel diapason prendre envers vous; enfin il fallait me taire, et ma foi c'est une triste position que celle quand le maître de la maison ne sait que faire avec ses hôtes! [2]). Ты набрался у себя какого-то честолюбиваго духа, продолжалъ князь, и все это принесъ съ собою въ нашу бесѣду. Какая охота хозяину видѣть длинное лицо; видѣть, что гость не оказываетъ словамъ его никакого вниманія, не хочетъ ни слушать, ни говорить... Потомъ вскочилъ, началъ бѣгать по комнатѣ... le moyen de se faire ennuyer... Я молчалъ, мнѣ было грустно; но я прилежно наблюдалъ моего князя; это былъ новый фасъ его проявленія. Князь мирно говорилъ со мною, но ensemble разговора его отзывался родомъ выговора, который можетъ только дѣлать вельможа высоко-стоящій у двора; тонъ его словъ не допускалъ никакого противорѣчія, а смыслъ внушенія его состоялъ въ томъ: что посади дескать дурака за столъ, такъ онъ и ноги на столъ. Князь два или три раза намекнулъ мнѣ, что я рискую наскучить ему. Это наиболѣе меня поразило, я обратился съ молитвою къ Господу. Вотъ думалъ я, это еще лучшій изъ людей, а также se laisse influencer [3]).

*

[1]) Елисавета Михайловна, горбатая старушка. П. Б.

[2]) Я не зналъ какъ держать себя съ вами; наконецъ мнѣ пришлось молчать, и право печально положеніе хозяина дома, не знающаго, какъ ему быть съ гостями.

[3]) Допускаетъ на себя дѣйствовать.

7-го Ноября. Воскресенье.

Въ назначенное время прихожу, но князя не было дома. Настроиваютъ органъ; многосложность и приспособленіе механики къ музыкѣ. Мастеръ, его умное лицо, его бытъ, его семейство, чудеса ума и науки человѣческой. Желанія души погружаться въ тайны точныхъ знаній. Умъ человѣческій только, думалъ я, мало-по-малу низводится въ сцѣпленія математическія, приводящія на этотъ разъ къ мусикійскому согласію, къ гармоніи, къ наслажденію уха и сердца. Сладко входить, думалъ я, въ область науки; сладко вступать въ перистиль такого храма, который исполненъ сокровищъ и диковинокъ; какія тайны и въ падшемъ состояніи зазнала душа человѣческая! Какъ сладко сближаться съ такимъ вѣдѣніемъ, которое бы мало-по-малу всего насъ затягивало и облекало! И еслибъ это вѣдѣніе могло насъ и счастливить?

Мысль подставила мнѣ возможность найти таковое вѣдѣніе. У древнихъ отцовъ оное называлось мистическимъ богословіемъ; въ этой наукѣ заключаются всѣ тайны Бога, всѣ тайны натуры, всѣ тайны человѣка. Слово *вст* надобно принимать здѣсь приспособительно къ тварности человѣческой, поколику можно составить для тварнаго духа его возможную полноту и насыщеніе. Откровеніе и опытъ показываютъ намъ, что сія полнота относительна и безгранична. Отрадная мысль, что такое вѣдѣніе существуетъ въ мірѣ; еще отраднѣйшее чувство, что это вѣдѣніе заключается въ насъ самихъ, и мы его носимъ въ неуловимомъ, но тѣмъ не менѣе существующемъ достояніи духа и ума. Смотря на органы, удивительно думать, какъ умъ человѣческій изъ безжизненныхъ началъ дерева и металла воспроизвелъ сладкую гармонію для духа, которая умягчаясь увлекаетъ даже и на поклоненіе самому Господу. Какое терпѣніе нужно, чтобы достигнуть такого дивнаго результата; душа не порывается ли взойти на подобный подвигъ? Что̀ если докажется для души возможность развить въ ней еще высшій даръ нежели тотъ, каковый примѣчается въ этомъ сладкозвучномъ инструментѣ, изящномъ произведеніи искуснаго механизма; возможность, говорю, развить высшій этотъ даръ, потративъ для онаго еще менѣе прилежанія, терпѣнія, времени, даръ постигать Бога, натуру, самого себя, устроивать блаженную кончину, а до оной проводить безмятежную жизнь? Менѣе же потребуется прилежанія, терпѣнія, времени въ добываніи такихъ безцѣнныхъ преимуществъ, потому что Всемощный Двигатель жизни Самъ приходитъ, вселяется въ насъ, очищаетъ отъ всякія скверны и тропичнымъ, пасатнымъ вѣтромъ дружно катитъ ладью нашу на встрѣчу

блаженства неизрѣченнаго, неисповѣдимаго. Хартія этого знанія завернута въ переплетъ кожаный, и этотъ переплетъ, истасканный отъ времени, разбитый воздухомъ и вѣтромъ, ходитъ теперь по гостиной и ясно понимаетъ въ своемъ самосознаніи, что облекаетъ собою свитокъ неизглаголанной драгоцѣнности.

Вотъ очеркъ мыслей моихъ, которыя роились въ моемъ сердцѣ, когда я расхаживалъ по комнатѣ, гдѣ стоялъ органъ. Онъ игрою своею навѣвалъ на меня нѣкое нѣмое, сладкое предвкушеніе. Я обратился къ Господу, но молиться не могъ, ибо мѣдная стѣна спустилась въ сердцѣ моемъ и накрѣпко отдѣлила меня отъ живаго божества; я могъ только воспроизвождать въ себѣ одни акты надежды и нѣкотораго люблѣнія слабаго, но сладкаго. Въ какомъ-то раздѣженіи духа я не только съ терпѣніемъ дожидался князя, но еще былъ и доволенъ, что оставался одинъ въ обширной, освѣженной комнатѣ, ходя взадъ и впередъ и задѣвая за окраины ковра, къ которому такъ пріятно нога моя прикасалась.

Послышалась на улицѣ карета, ударилъ три раза вѣстовой колокольчикъ; я пошелъ въ переднюю на встрѣчу князя. Душа моя была наполнена какою-то прозрачностію и чувствомъ близкимъ къ смиренію. Князь входитъ, я встрѣтилъ его съ новымъ любопытствомъ; низко и со сладостію поклонилась ему душа моя. Князь одѣтъ былъ въ мундирѣ, въ теплыхъ Англійскаго покроя сапогахъ, взошелъ нѣсколько сгорбившись и нагнувшись, но съ ясною, привѣтливою улыбкою, столь ему свойственною, когда онъ въ хорошемъ духѣ. Пордечь говоритъ, что есть двухъ родовъ тинктура: одна приспособленная блаженнымъ духамъ, другая злымъ; я смѣю здѣсь замѣтить, что есть еще и третья, принадлежащая добрымъ людямъ. Иначе какъ истолковать эту радость сердца, это освѣжительное и навѣвающее миръ движеніе? И все это отъ улыбки, отъ простой улыбки подобнаго намъ человѣка. Князь въ туже минуту позвалъ меня къ себѣ; вскорѣ пріѣхалъ и Загрядскій. Я этому былъ радъ, ибо мнѣ можно было молчать; но я опасался, чтобъ молчаніемъ моимъ не возбудить въ князѣ какого-нибудъ подозрѣнія. Мнѣ не хотѣлось говорить, ибо какіе-то сладкіе остатки внутренняго арома я ощущалъ въ себѣ. Пошли за столъ; я былъ голоденъ и охотно всего ѣлъ. Мало-по-малу прозрачность моя истлилась, плотское слово разбушевалось, и я сталъ выливаться въ обыкновенной полу-діогенской моей формѣ, не наблюдая за собою, грязнясь въ совѣсти, шутя миромъ ближняго моего и его спокойствіемъ. Вѣроломное сердце человѣка, пресытившись яствами, упившись вина, не къ

Господу уже обращалось; нѣтъ, оно отражать хотѣло только страсти, можетъ быть уснувшія; припоминало свои мелочныя претензіи, припоминало, какъ нѣкогда волновалось оно, это сердце, на своего ближняго за то, что ему не поднесли хорошаго вина и проч. и проч. Вотъ подлость человѣческая, вотъ гіогрифъ Навуходоносорскій; вотъ какъ понятно можетъ быть, когда клоакъ, если оставленъ будетъ самому себѣ, ничего воспроизвести не можетъ, кромѣ мерзости и смрада.

Князь отъ того поздно пріѣхалъ, что просидѣлъ у великой княгини. Полтора часа была аудіенція. Говорили о двухъ императрицахъ, Екатеринѣ и Елисаветѣ. Сужденіе князя о великой княгинѣ.— Оттуда князь заѣзжалъ къ Вѣрѣ Алексѣевнѣ Муравьевой, только что пріѣхавшей.

Князь получилъ отъ Императора письмо, отъ 4-го Ноября. Его Величество живетъ семейно и никуда не выѣзжаетъ. Новостей никакихъ не знаетъ, кромѣ слухл объ Одесской чумѣ, но и о той ожидаетъ подробнаго извѣщенія, особенно о причинахъ оной.— Донесеніе отъ инспектора Грузинскаго о подробностяхъ событія съ Государемъ. Гора съ зигзагами, направо насыпь или валъ, отдѣляющій отъ пропасти. Экипажъ не тормозили. Лошади разбѣжались, и пара уносныхъ, перескочивъ валъ, повисла надъ пропастью; дышломъ уперлась коляска въ насыпь, отрѣзали постромки у переднихъ лошадей, дрога у коляски лопнула. Государь успѣлъ выскочить изъ коляски.

Это дало поводъ разсказать князю о скорости и рѣшительности Государя на дальнія поѣздки. Поѣздка въ Берлинъ. Князь въ Аничковскомъ дворцѣ. Не радъ и табакеркѣ. Приказъ Кавелину и другому кому-то о платьѣ для Наслѣдника. 24-ре часа времени.—Государь только что пріѣхалъ изъ Москвы. Женѣ Воронцова сказалъ на лѣстницѣ о своей поѣздкѣ.—Пріѣхала въ Петербургъ жена Кочубея. Объ Крымѣ и о двухъ прочихъ предметахъ, видно важныхъ для князя, еще не успѣли переговорить. Три обѣда въ недѣлю у Кочубеевой. Эти обѣды суть великое благородство для князя: когда жилъ Кочубей, клевретовъ и искателей было много; съ его смертію голодная кліентель разсѣялась или обратила тылъ его супругѣ; князь, какъ и тогда, остался и теперь вѣренъ этому долгу, не смотря, что первое движеніе сближенія его съ Кочубеемъ была болѣе потребность разума, нежели сердца. Князь не подсмотрѣлъ ли у Господа тайну этихъ протяженныхъ привязанностей? Я пророчу князю, что вѣрность и постоянство его правилъ, толкнутыхъ даже по соображенію разума, пристойности и чести, рано или поздно вознаградятся для него сто-

ричною мздою живаго чувства, сладкаго возврата.—Собачка фарфоровая, рыльцо доброе, настоящій шарлотъ. Сѣно-лиственныя деревья, тропичныя растенія; ни въ южной Германіи, ни въ южной Италіи такой роскоши прозябенія великая княгиня не видывала; а море, море не чета нашей грязной и мелистой Балтикѣ. Сумма пріятныхъ ощущеній, полученныхъ великою княгинею отъ своего путешествія. Bonnes nouvelles на счетъ чумы; новыхъ казусовъ не оказалось.

Чернышовъ разсказывалъ князю, какъ Карлъ, король Испанскій, пріѣзжалъ въ Баіонну являться къ Наполеону. Карета на манеръ груши съ купидонами, съ рѣзнымъ и позолоченнымъ деревомъ; восемь муловъ упало. Король въ казакинѣ подбитомъ ватою, шесть звѣздъ, попугаевъ носъ. Роды мелѣютъ, что̀ наиболѣе видно въ конечныхъ мозаикахъ Испанскихъ Бурбоновъ. Старикъ, да проститъ меня Господь, былъ, говорятъ, очень глупъ. Сынка его послали въ Валансьенъ въ гости къ старой лисицѣ, pour dégorger un peu, говоритъ князь, des nippes qu'on lui a volées.—Старецъ Валансенскій въ pendant [1]) старцу Фернейскому, говорятъ, свѣжъ, по прежнему уменъ, пишетъ свои Записки [2]). Онъ для Бурбоновъ подготовилъ реставрацію, а теперь посылаетъ въ театръ смотрѣть на своего Созія, удачно скопированнаго въ драмѣ Мертонъ.—За столомъ было новое блюдо: сосиски кардинала де-Ришелье; въ продолженіи мѣсяца таковыхъ блюдъ являлось три.

За обѣдомъ была уха: это въ первый разъ въ продолженіе двухъ-лѣтнихъ моихъ посѣщеній. Во время стола князь разговаривалъ отрывисто, разсыпчато. Говорено было о lever и coucher [3]) королей Французскихъ; какъ королева стояла безъ рубашки, для того только, чтобъ гремушка мѣстничества и декоръ феодализма были въ строгости соблюдены. Любопытнѣе сказано было княземъ послѣ обѣда, и это касалось свиданія Сенъ-Мартена съ Вольтеромъ, Криднершею и съ какимъ-то знаменитымъ вольнодумцемъ.

Князь объявилъ мнѣ, что Зрительница изъ Превоста [4]) переведена на Французскій языкъ, и онъ даетъ коммиссію Тургеневу достать для него эту книгу. Замѣчательно также, что нѣсколько новыхъ и не-

---

[1]) Чтобы немного постирать рухлядь, у него украденную.

[2]) Подъ пару.—Говорится о Талейранѣ. П. Б.

[3]) Вставанье и отходъ ко сну.

[4]) Знаменитая у масоновъ книга: Die Seherin von Prevost. Ни князь Голицынъ, ни Ю. Н. Бартеневъ не читали по-нѣмецки. П. Б.

извѣстныхъ доселѣ мыслей Сенъ-Мартена удалось князю сегодня прочитать у графини Велегурской. Что бы это были за книги на разныхъ языкахъ?—Въ прошедшее Воскресенье, 7-го Ноября, князь разсказывалъ намъ объ обѣдѣ у Дона-Паэза, о его четырехъ выписныхъ пирогахъ, объ его ollapodrida и двадцати сортахъ винъ, маслянистомъ и благовонномъ, tintilla di la rotha. Паэзъ теперь между небомъ и землею: отъ Христины отошелъ, а къ Донъ-Карлу не присталъ.

Князь также говорилъ намъ, какъ у него пропала одна книжка о молитвѣ и какъ нашлася находка въ ящикѣ, принадлежавшемъ императору Павлу.—За обѣдомъ поданъ былъ національный тыковникъ.—Князь разсказалъ послѣ обѣда анекдотъ о Екатеринѣ и фрейлинѣ Протасовой, какъ слѣдуетъ всякую человѣчину оставлять въ рабочемъ своемъ кабинетѣ, а выносить къ наружнымъ зрителямъ одно лишь смѣющееся лицо и подобіе радости. Это хорошо, но не для духовныхъ, думалъ я.—Князь съ обыкновенною кротостью и доброжелательствомъ со мною простился. Я пошелъ домой пѣшкомъ, заставя экипажъ слѣдовать за собою потихоньку; темнота и городское многолюдство еще болѣе вгоняли меня въ мои сердечные помыслы, которые были, признаюсь, грустны.

*

Середа, 1-го Декабря (1837).

По обыкновенію являемся къ князю въ исходѣ втораго часа. Начинается чтеніе. На этотъ разъ князь самъ начинаетъ и читаетъ съ особенною ловкостію и одушевленіемъ, котораго я прежде въ немъ не замѣчалъ. Это привело мнѣ на память способность Расинову для чтенія. Авторъ Enfant de Dieu продолжаетъ свою теорію. Полнота ея, помазаніе, теплота слога и какое-то простодушіе увлекаютъ сердце принимать ее. Въ Плеядахъ, говоритъ авторъ, царствуетъ святое человѣчество Господа нашего Іисуса Христа; но онѣ, какъ бы par procuration *), ввѣрены Іоанну Богослову, этому молодому, пылкому, любимому изъ учениковъ Спасителя, во время смертной жизни Его. Возлѣ Плеядъ (la Poussinière) въ близъ лежащихъ звѣздахъ или мірахъ господствуютъ Престолы Апостольскіе. Св. Павелъ Ѳивейскій, этотъ серафимленный старецъ, сосчитавшій смертную жизнь свою единственно годами житія пустыннаго, въ которомъ пребылъ 98 лѣтъ,

*) По уполномочію, передовѣрію.

господствуетъ надъ планетою Сатурномъ. По смерти душа человѣческая, если она положила въ себѣ начало покаянія еще во временной жизни, проходитъ мытарства свои въ Лунѣ; тамъ сильно иногда обуревается отъ общаго врага человѣческаго, который имѣетъ свободный доступъ до Луны и всѣхъ планетъ солнечной нашей системы; душа обуревается его внушеніями на этой Лунѣ, какъ и въ планетахъ; потрясается весь составъ ея; но однажды отданная Творцу воля спасаетъ ее заступленіемъ Могучаго Владыки отъ когтей духа злобы и хищенія. Но если мы съ слабымъ покаяніемъ переходимъ въ школъ и по этой причины Луны не достигаемъ, то въ этомъ проходящемъ состояніи весьма рискуемъ еще затмить въ себѣ начатки покаянія и быть увлечену подъ жестокую зависимость врага человѣческаго рода. Авторъ говоритъ, что тлетворная матерія растлила всю планетную систему нашу; несмотря, что земля наша болѣе ужо не свѣтовая, но и самыя звѣзды, принадлежащія къ системѣ нашей, проникнуты этою проказою паденія. Отъ того звѣздное или, понятнѣе сказать, планетное вліяніе на человѣка если не вредно, то всегда бываетъ безполезно. Здѣсь я осмѣлюсь прибавить мое собственное мнѣніе. Мало, что всѣ планетные міры заражены проказою паденія, но мнѣ что-то сдается, что и нѣкоторыя ближайшія къ нашей созданной изъ хаоса вселенной, хотя и свѣтлыя, обиталища но изъяты же отъ тлетворной сущности того страшнаго небеснаго мятежа и бунта, хотя степень поврежденія нѣсколько, можетъ быть, и меньшая противу нашего.— Но я уклонился отъ своей матеріи. Загрядскій продолжалъ оспаривать мнѣніе князя, который изъ состоянія нѣсколько мирнаго, увлаженнаго пріятнымъ и занимательнымъ чтеніемъ, не торопился еще выходить къ опроверженіямъ. Но мало-по-малу Адамова огнистость возникнула и въ князѣ; опроверженія его стали ярчѣе и рѣзчаѣ, и онъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ и какъ бы съ какою-то усталостью опровергалъ доводы Загрядскаго, который, съ минуты на минуту потухая, наконецъ замолчалъ; а князь принялся за свою книгу, которую уже готовъ былъ закрыть. Князь скоро справился и взошелъ въ тотъ мирный духъ, въ которомъ обыкновенно пребываетъ во время чтенія и дабы успокоить Загрядскаго началъ съ нимъ заговаривать, затрогивать и вызывать на слово и на раздѣленіе ощущеній, всѣми нами получаемыхъ отъ автора.

*

Четвертокъ, 30 Декабря 1837 года.

Сегодня князь очень милостивъ и обязателенъ. Разговоръ объ Альманахахъ. Замѣчаніе Булгакову.—Показываетъ намъ трости Це-

саревича, князя Кочубея и Датскаго посланника.—Отзывъ о писателѣ Легру. Насчетъ воспитанія, насчетъ дружбы съ женщинами. Кошелева слово: ѣшь въ мою голову.—Князь изнуряетъ себя голодомъ, двукратный случай.—Стихи Пушкина и отвѣтъ на нихъ Филарета. Отзывъ князя о Пушкинѣ. Начало Лицея Малиновскимъ; отзывъ князя объ Энгельгартѣ. Управленіе князя, Кочубея и Толстова во время отсутствія князя. Гавриліада Пушкина. Отпирательство Пушкина. Признаніе. Обращеніе съ нимъ Государя.—Важный отзывъ князя, что неподобно осуждать умершихъ.—Мнѣніе князя о плотской любви: la fange [1]) есть граница дружбы между женщинами. Рязановъ, больная дочь Плещеевой. Лѣченіе. Лѣнивцовъ рисуетъ на тарелкахъ. Корыстные виды Рязанова. Неудача взять его дочь въ чужіе края.—Перемѣщеніе мертвыхъ Орловыхъ въ Юрьевъ монастырь. Сумятица въ монастырѣ.—Мнѣніе князя объ основаніи сердца.—Семь сотъ писемъ царской фамиліи. Письмо князя къ Государю. Отвѣтъ его. Тайна. Cette lettre me vient au coeur [2]). Смѣлость изложенія. Дочь государева [3]). Очеркъ ея характера. Треугольная шляпа. Княгиня Радзивилъ. Нарышкинъ. Совѣтъ князя. Характеръ Нарышкина. Отысканіе мѣста для погребенія. Извѣщеніе Государя о смерти дочери. Анекдотъ тайнаго благодѣянія князева, гдѣ дочь играетъ главную ролю. Рескриптъ на брильянтовые знаки ордена. Медалька Французская, докладъ о Нѣмцѣ, докладъ о Бардовскомъ. — Сознаніе внутренняго возвращенія.—Отзывъ Екатерины Волтеру о прогулкѣ мертвыхъ.—Ѣдетъ обѣдать къ Государю.—Прочиталъ письмо, желая насъ потѣшить. Безпорядокъ въ бумагахъ.—Митрополитъ Серафимъ повторяется.—Сравненіе человѣка съ виноградной лозою.

*

Четвертокъ, 6-го Генваря 1838.

Читаемъ Санта-Круца.—Кончикъ обѣдни.—Князь въ моленной.—Упрекъ въ перемѣнчивости.—О невыгодахъ историографа.—Князь нѣсколько нездоровъ, но очень оживленъ.—Нѣсколько колосьевъ изъ жизни Безбородки: корыстылюбивъ и сладострастенъ. Оргія на дачѣ. Мистификація надъ Итальянцомъ. Пожалованіе въ мандарины. За-

---

[1]) Грязь, развратъ.

[2]) Это письмо дѣйствуетъ мнѣ на сердцѣ.

[3]) Скончавшаяся въ цвѣтущей молодости Софья Дмитріевна Нарышкина, невѣста графа А. И. Шувалова. П. Б.

водовскій. Обращеніе къ религіи. Factotum Екатерины въ письмѣ къ Вольтеру. Страсть къ картинамъ: все перечиталъ, что до того касалось. Мѣрка пожалованія крестьянъ. Даютъ нѣкоторымъ по 2000. Ему дано 16.000 душъ. Любилъ Кочубея. Домъ въ Царскомъ Селѣ. Добродушіе въ отношеніи слугъ. Ошибка Маркова и Зубова въ недостаткѣ довѣренности къ нему Екатерины. Отзывъ его, что боится Екатерины и Павла. Причина таковой боязни. Экзекуція надъ коммисаромъ. Подавайте карету, сегодня капитана, завтра канцлера.— Какъ познакомилась Екатерина съ Безбородкою. Требованія депутатовъ имъ были написаны. Записная книжка Екатерины. Опричники Безбородки. Колышкинъ купецъ, Обрѣзковъ, Козодавлевъ. — Собраніе въ Москвѣ.—Раздаватель карточекъ.—Здѣсь не Вышній Волочекъ.—Избраніе N въ статсъ-секретари.—N Чернышова сажаетъ въ кабинетъ съ тѣмъ, чтобъ молчалъ. — Воспоминаніе о Павлѣ. Павелъ желаетъ служить обѣдню. Шьютъ священническое платье; его отговариваетъ Безбородко. Мнѣніе съ Аѳонской горы. Отзывъ Растопчина. Послѣ Павелъ самъ смѣялся съ Безбородкомъ.—Исторія пастора. Мармонтелевы повѣсти. Оберъ-прокуроръ Обольяниновъ обязываетъ Сенатъ присудить. Бьютъ кнутомъ. Деликатное повелѣніе Александрово; возвращаютъ пастора, опредѣляютъ въ Павловское. Князь здѣсь посредникомъ, призываетъ къ себѣ пастора. Разговоръ его съ нимъ. Павелъ думаетъ изъ Гатчины сдѣлать себѣ Версаль.— Призываетъ Сенатъ, Синодъ.—Опера для монаховъ.—Общее собраніе Сената на счетъ провіантскихъ магазиновъ.—Собраніе Синода по части избранія въ архіереи. Павелъ въ мантіи, поютъ Царю Небесный.— Неудобность помѣщенія.—Одѣтыя дамы изъ харчевень.—Отдаленное пребываніе Строгонова: 28 верстъ переѣзда съ грыжею.—Лѣстница во дворцѣ.—Помѣщеніе кровати, бѣлая повязка. Долгорукій по аудиторскимъ дѣламъ.—Усугубленіе наказанія, товарищъ его.—Одни сутки пробылъ одинъ, на другіе потребованъ къ докладу.—Павелъ надѣваетъ мантію гросъ-мейстера, спрашиваетъ Безбородку о коронѣ; тотъ не совѣтуетъ—скажите ему дурака. Корона Мальтійская-простая шапочка съ позументомъ. Отзывъ Безбородки, что надѣлъ корону въ 300 р. Сходство профиля Николая съ Екатериною. Князь замѣтилъ это Государю, когда онъ сидѣлъ. Великая княжна Марья Николаевна походитъ на Екатерину. Сожалѣніе князя, что не доживетъ, чтобъ увидѣть совершенное сходство. — Переписка Екатерины съ Гримомъ. Увлеченіе Монархини. Пишетъ о семейныхъ дѣлахъ. Мать родила намъ еще сына: чудный ребенокъ, долгія руки и ноги; не болѣе двухъ недѣль, а уже ѣстъ кашу и держитъ голову такъ же высоко, какъ я

сама; перещеголяетъ или обойдетъ обоихъ братьевъ [1]). Счастлива, когда дадутъ новое перо—ихъ только даютъ 4. Что̀ дѣлать съ перепискою послѣ смерти? Велѣно сжечь. Не рѣшаюсь: cela fait le bonheur de ma vie [2]). Послѣ смерти отправляютъ къ Александру. Сдаютъ въ архивъ иностранной коллегіи. Нессельродъ отыскиваетъ и представляетъ Государю одно изъ писемъ, о которомъ упоминаю. Князь выпрашиваетъ прочитать письма. Нигдѣ столько невидно любезности какъ въ этой перепискѣ. Гримъ служилъ проводникомъ къ философамъ. Послѣ Императрица къ нимъ охолодилась.—Александръ превосходный президентъ совѣта.—Дядя оберъ-прокурора Философовъ. Полчаса говоритъ въ Совѣтѣ.—Черты кротости Государя.—Перестаетъ приходить вмѣстѣ со Сперанскимъ.—Окормленъ вмѣстѣ съ Датскимъ королемъ.—Отзывъ о наружности Безбородки камеръ-лакею.—Поѣздка князева въ Кенигсбергъ. Пять дней. Дворецъ. Картины безъ рамъ. Сперва князь смотритъ въ щелочку—точно восковыя статуи. Изображеніе королевы. Представленіе царской фамиліи неумытою. Графъ Толстой освѣщалъ жирандолью. Бѣдность въ Пруссіи. Жандармы, характеристика ихъ. Отзывъ полковника жандармовъ и вмѣстѣ обывателя. Печатная афиша. Обѣды и десертъ. Пріемъ Веймарской княгини Наполеономъ. Madame, qui êtes-vous? [3])—Два часа съ половиною въ амбразурѣ окошка. Намѣреніе разграбить Веймаръ.—Разстанавливала Іенское сраженіе Прусская королева.—Partie de chasse [4]).—Палатка на этомъ мѣстѣ.—Наполеонъ кушалъ сосиски вмѣстѣ съ Александромъ. Братъ короля не поѣхалъ на охоту.

Крещенье. Какъ Государь бываетъ на морозѣ: подъ сертукомъ клееночная фуфайка, но подъ мундиромъ ничего. Крещенье при Прусскомъ королѣ. Изысканный парадъ. Князь въ парикѣ и курткѣ. Спензеръ.—Вдругъ приводятъ его къ царской фамиліи.—Отзывъ священника въ Синодѣ.—Наслѣдникъ посѣщаетъ его по праздникамъ.—Государь Александръ три раза кушалъ въ кабинетѣ.—У князя много механической работы: по сту граммъ на пряжку; столько же граммъ сегодня на ордена.—Князь исполнилъ мою просьбу насчетъ племянника.—Мысли его насчетъ Бардовскаго въ слѣдствіе внушеній Хитрова. Князь соблазнился слабостію ближняго. Средство охлажденія

---

[1]) Говорится про младенца—Николая Павловича. П. Б.

[2]) Это составляетъ счастіе моей жизни.

[3]) Милостивая государыня, кто вы такая?

[4]) Поѣздка на охоту.

князева въ молодости.—Еще отзывъ насчетъ Румянцова *): думалъ, что будетъ въ послѣдствіи городъ; на мѣстѣ одной деревни выстроилъ фонтанъ. Колонна изъ генераловъ. Слово Александру о Румянцовѣ. Александръ грозитъ пальцемъ князю. Наставники уѣхали. Слово Безбородки.

*

Пятница, 7-го Генваря (1838).

Головинъ у князя. Князь даетъ мнѣ наставленіе, какъ проглатывать скуку и заботливость. Примѣръ тому Екатерина и фрейлина Протасова.—Конфиденціальная рѣчь о Всеволодскихъ.—Раскрытіе отношеній къ сестрѣ.—Система князя въ отношеніи оприязненнаго знакомства.

*

Понедѣльникъ, 11-го Генваря (1838).

Загрядскій, Поповъ, князь и я обѣдаемъ. Разговоръ въ комнатахъ сестрицы. Игра въ фанты. Больной Нащокинъ. Графъ Ельмптъ. Пажескіе штуки.—Испугъ каммергера со свинымъ рыломъ. — Екатерина воспрещаетъ игры на полтора мѣсяца. — Нѣчто о сборныхъ Воскресеньяхъ.—Поклоны князя Горчакова.—Моленье Нащокина.—Скупость графини Эльмпт.—Ея дочь.—Совѣтъ быть Одесскимъ почтъ-инспекторомъ.

*

Пятница, 25 Августа (1838). Царское Село.

Происшествіе на морѣ съ великими княжнами. Письмо о томъ гр. Віельгорскаго. Великая княжна Марія Николаевна подвержена морской болѣзни. Четверо сутки ѣзды *на морь*. Письмо князя Меньшикова.—Португалецъ.—Рѣшеніе департаментовъ Сената.—Злоключеніе иностранца, котораго причина вспыльчивость и нѣкоторый фатализмъ. Жена его Португалька. Генералъ Боуръ, ревность и любомщеніе, опередившее времена регентства. Мученическая кончина Португальки со всѣми ея безотрадными обстоятельствами. Александръ препоручаетъ разсмотрѣть это дѣло. Придворная уклончивость. Это дѣло препоручается князю. Государь предупрежденъ противъ иностранца. Записка князева. Оппозиція министра финансовъ. 45 тысячъ одновременной выдачи и пансіонъ въ 4500. Экстазическая благодарность иностран-

*) Канцлера графа Николая Петровича. П. Б.

ца. Статуя князя. Юморъ князевъ въ описаніи статуи. Участь знаменитыхъ бронзъ. Взглядъ на придворную жизнь Екатерины. Оригиналы того времени. Каммергеръ N.—Женоподобность въ ухваткахъ. Метода куртизанить всѣмъ безъ исключенія. Умѣнье дразнить Государыню. Мастерская repartie [1]) на замѣчаніе о томъ Екатерины. Неудовольствіе на Государыню, что не дала Польскаго ордена.—Позвольте поподличать.—Эскулапіусъ падалъ до ногъ. Кончина Эскулапа. Мѣшки съ сухарями и остатками сальныхъ свѣчей. Вступленія на тронъ Павла. Каммергеровъ поклонъ.—Коронація Павла; Аннинская лента.—Да утѣшитъ тебя Господь, какъ ты меня утѣшилъ.—Деревенскій дворъ каммергера.—Провинціальный салонъ и его разговоры.—Отзывъ Павловъ, что и у него нѣтъ такихъ просторныхъ платьевъ. Женидьба каммергера; двѣ его невѣсты; послѣдняя была пугаломъ для дворскихъ страстей князевыхъ и обыкновенно парализовала въ немъ великое вражеское нашествіе. Каммергерскіе mignons [2]). Сцена на балѣ при глухонѣмомъ.—Для чего и кѣмъ построенъ дворецъ. Колоннада Гваренги.—Заботливость Екатерины.—Павелъ послѣдній годъ жизни жилъ въ Царскомъ Селѣ.—Море вѣроломно Царю. Отзывъ Государя о картинѣ. Болѣзнь императрицы Маріи. Пріѣздъ Государевъ. Слово императрицы, что она была здорова при отъѣздѣ, а больна при пріѣздѣ.

*

Воскресенье, 29 Августа. Царское Село (1838).

Мнѣ сдается, что князь на подобіе старца Трубецкаго съ намѣреніемъ отказываетъ себѣ въ яствахъ.—Глупая моя обмолвка за столомъ: я сравнилъ себя съ Жилблазомъ, а князя съ кардиналомъ. Князь спросилъ меня объ этомъ мѣстѣ романа, котораго онъ не помнитъ; я отдѣлался кое-какъ и боялся, чтобъ за эту аллюзію, какъ она ни глупа, не потерять въ ого мнѣніи. Послѣ того вспомнилъ, что въ романѣ Лесажевомъ кардиналовъ нѣсколько, и всѣ они служатъ пародіею старыхъ холостяковъ, типомъ скупости, узкости ума, ерготизма [3]). Князева осторожность въ казенныхъ тратахъ, строгая умѣренность и не прихотливая взыскательность.—Прежній бытъ царскихъ столовъ.—Русскія блюда царей Московскихъ.—Анекдотъ о Екатеринѣ, разсказанный мнѣ нѣкогда княземъ, касающійся до расхищенія столовыхъ припасовъ.—Девять категорій настоящихъ столовъ царскихъ отъ 2 до

---

[1]) Быстрый отвѣтъ.

[2]) Женоподобные мальчики.

[3]) Желаніе издѣваться.

25 рублей. Заслуги князя Волконскаго по этому предмету.—Князь, находясь подъ вліяніемъ Фернейской философіи, былъ нѣкогда отъявленнымъ гастрономомъ. Его ультризмъ [1]) по этому предмету. Теперешніе его навыки. Князевъ собственный столъ. Князевъ поваръ. Его замѣчанія по предмету стола, дѣланныя имъ сестрѣ въ моемъ присутствіи, что́ раззоряетъ барина, роскошный ли столъ дѣлаемый случайно, или обыкновенныя булавочныя издержки? Его Цинцинатова простота. Князь не любитъ застольныхъ пріятелей. Особенная довѣренность, когда онъ приглашаетъ кого къ столу. L'homme de l'habitude [2]), князь съ трудомъ рѣшается вводить новыя лица къ своему столу. За столомъ онъ даетъ большой просторъ себѣ и другимъ. Непринужденная веселость, юморъ, занимательность разсказовъ суть господствующія стихіи скромныхъ обѣдовъ князевыхъ. Иногда показываетъ намъ блестящіе успѣхи князевъ Автомедонъ въ яствахъ. Князь заставляетъ читать себѣ Франкфуртскія газеты.—Прочитываю князю оглавленіе моихъ протоколовъ. Князь отозвался, что ничто не упущено.—Провожаю князя при выѣздѣ его въ Петербургъ.—Князь получаетъ собственноручное письмо отъ 9-го Августа отъ Государя и груститъ за него, видя, что Царь не знаетъ еще случившагося съ великими вняжнами.

*

Пятница, 2-го Сентября (1838). Царское Село.

Осторожность въ трактаціяхъ о дѣлахъ.—Екатерина, Орловъ и Купидонъ.—Купидонъ укоряетъ Государыню въ недобросовѣстности.—Кто такой Купидонъ.—Трогательный анекдотъ о пріисканіи матери.—Старая Негритянка. L'héberge dans le palais [3]).—Завтраки Купидона съ матерью.—Пять пуговицъ Французскаго кафтана обнаруживаютъ дурака.—Кто онъ былъ?—Адмиралъ Аннибалъ и его кошелекъ. Чухончикъ. Куртизанство къ Чухончику: NN ѣздитъ изъ Царскаго Села, чтобъ покупать ему игрушки. Самъ Суворовъ ласкаетъ Чухончика. Дальнѣйшая судьба Чухончика. Горный офицеръ. Жена его. Ограниченность ума въ Чухончикѣ. Князь смутно оканчиваетъ его исторію и для того, кажется, чтобъ не выказать своихъ благодѣяній, сдѣланныхъ имъ въ послѣдствіи женѣ Чухончика. Чухончикъ какъ-то ему былъ врученъ послѣ смерти Екатерины.—Другой Арабченокъ.—По

---

[1]) Вниманіе къ другому лицу.

[2]) Человѣкъ привычки.

[3]) Помѣщеніе со столомъ во дворцѣ.

случаю рожденія Александра пріуготовляется покой въ Зимнемъ дворцѣ.—Турецкія ткани.—Шифры и вензеля изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ.—Plateau [1]) изъ разныхъ цвѣтныхъ каменьевъ.—Игра въ макао и богатые выигрышы. Билеты разсылалъ Арабченокъ отъ своего имени. Шумная радость Екатерины по случаю рожденія Александра. Воръ въ спальнѣ у Государыни. Каммердинеръ N. Какъ поймали вора.—Литаврщикъ между кирасирами.—Герцоги Бурбонскіе. — Эстергазій, отецъ, мать, сынъ. Недостатокъ въ бѣльѣ. Ненадобно выносить изъ избы сору, пересказывать родительскія рѣчи.—У матери въ Царскомъ Селѣ домъ и пенсія.—Калмычки.—Слово Черткова [2]). Охота къ чтенію. Какъ сердился каммергеръ Чертковъ, играя съ Государынею въ бостонъ. Отношенія Черткова къ Потемкину. Годовая ссора. Зовъ на обѣды. Костюмъ краснаго плаща, Китайскій мостикъ и деревенская баба. Игра въ фанты, вызовъ и отзывъ Черткова. Вольность вызова самой Екатерины.—Я прошу князя о другѣ моемъ подполковникѣ Геллерѣ. Князь обѣщалъ мнѣ свою милость и посредство.—Разводъ предъ окошками.—Мнѣніе князя о полковой музыкѣ.—Движенія войскъ предъ Александровскою колонною въ примѣръ однообразнаго вычерпыванья и очищенія площади. Какъ заболѣла нога у князя. Александрова колясочка; дѣти царевы возятъ князя. Забота лѣкарей. Уклончивость князя отъ методической галлопатіи. Недуги князевы. Въ князѣ какая-то Сенжерменевская таинственность въ изложеніи своей гигіены.

---

[1]) Подносъ.

[2]) Говорится о Евграфѣ Александровичѣ Чертковѣ, который участвовалъ нѣкогда въ возведеніи на престолъ и потомъ былъ свидѣтелемъ при бракосочетаніи Екатерины съ Потемкинымъ. П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Ю. Н. БАРТЕНЕВА *).

Письмо къ князю А. Н. Голицыну.

26-го Октября (1836).

Теперь вечеръ; все спокойно; принимаюсь за перо, чтобъ побесѣдовать съ вами. Какую же тему избрать для настоящаго предмета провинціальной моей грамоты? Чего съ вами не переговорилъ я? Богословіе, литература, мистика, юморизмъ, философія, автобіографическія сцены, все было испробовано; до всего коснулась моя скрыпица, игравшая на всѣхъ ладахъ предъ вашимъ сіятельствомъ. Забавлялись-ли вы моею игрою, этого я не знаю; боюсь только, чтобъ не сказали вы того же обо мнѣ, что̀ вымолвилъ нѣкогда Олинъ, говоря о Шишковѣ: «я съ негодованіемъ слушалъ звукъ ветхой скрыпицы отверженнаго Полигимніею музыканта». Во всякомъ случаѣ самолюбіе пишущаго довѣрчиво. Выбираю за тему настоящаго посланія васъ самихъ, и смѣло пускаюсь въ путь. Мнѣ вздумалось разсказать вашему сіятельству два счастливыхъ дня въ моей жизни, два дня проведенныхъ въ кабинетѣ вашемъ. Это были достопамятныя Пятница и Воскресенье 22-го и 24-го Маія нынѣшняго 836 года. Но прежде чѣмъ примусь описывать, считаю за нужное представить вашему сіятельству предварительный краткій обзоръ или, такъ сказать, историческій очеркъ всѣхъ вашихъ словесныхъ ко мнѣ отношеній.

Я имѣлъ счастіе пользоваться сообществомъ вашего сіятельства, или имѣть съ вами, такъ сказать, пять только соприкосновеній. Первая полоса была въ 819 году; это было для меня время шарканья и поклоновъ предъ вашимъ сіятельствомъ. Рѣдко когда, во мзду тогдашнихъ гимнастическихъ моихъ продѣлокъ, я уловлялъ у васъ бѣглый

*) См. вторую книгу Р. Архива стр. 305. П. Б.

взоръ или одобрительную для себя улыбку; иногда даже нѣсколько односложныхъ очередныхъ словъ выкидывалось мнѣ налету, но и то, по напоминанію великодушнѣйшаго къ нашей братьѣ Василія Михайловича Попова. Обыкновенное труженическое наше поприще было портретная зала; кабинетъ же вашего сіятельства и гостиная были для насъ неприступными тогда terrae incognitae.

Вторая полоса образовалась для меня въ 821 году; надобно дополнить, что съ девятнадцатаго по этотъ годъ я имѣлъ постоянную переписку съ благодѣтельницею моею Александрой Петровной *), и на просторѣ выливалъ предъ нею мое сердце; по любви своей ко мнѣ, старушка часто говаривала обо мнѣ вашему сіятельству, иногда даже принимала на себя трудъ читать предъ вами и нѣкоторыя изъ моихъ писемъ; простыя, неподдѣльныя чувствованія, въ нихъ излагаемыя, какъ она въ послѣдствіи меня извѣстила, имѣли счастіе обратить ваше вниманіе. Подгорячивъ себя таковымъ предрасположеніемъ вашимъ въ мою пользу, я уже посмѣлѣе предсталъ предъ очи вашего сіятельства въ этомъ 821 году. Но вся моя воинская хитрость завоевать васъ, всѣ провинціальныя апроши къ сіятельной крѣпости ограничивались, увы, одною только залою, и однажды какъ-то гостиною **), гдѣ, хотя я и постоянно былъ

---

*) Хвостовой, занимавшейся мистицизмомъ и жившей потомъ долго въ Кіевѣ. Она извѣстна и какъ писательница. Существуетъ гравированный портретъ ея. П. Б.

**) Въ амбразурѣ окошка я стоялъ тогда съ однимъ незнакомымъ мнѣ толстякомъ. Всѣ мы были въ напряженномъ вниманіи, всѣ наблюдали хозяина дома, который, повидимому, очень занятъ тогда былъ съ кѣмъ-то разговоромъ въ углубленіи гостиной. На первомъ планѣ картины, какъ теперь помню, молодой графъ Шереметевъ въ длинныхъ ботфортахъ, въ камеръ-пажескомъ мундирѣ, стоялъ облокотившись на кресло и разговаривалъ съ сидящимъ вблизи мущиною; это былъ директоръ департамента Тургеневъ. Вдругъ нашъ князь Александръ Николаевичъ приподнимается съ софы, и вотъ по примѣру его сіятельства все встало, все вытянуло шеи, все сгруппилось въ маленькія кучки. Вижу, что князь бросаетъ бѣглый взоръ на наши окошки; я и толстякъ мой дрогнули, тѣмъ болѣе, что его сіятельство медленно, но прямо къ намъ сталъ подвигаться. Подойдя ко мнѣ, князь вымолвилъ въ полголоса: „Мнѣ очень нравится, что вы худощавы; я не люблю толстыхъ“. Что онъ мнѣ сказать хотѣлъ чрезъ это, прямо не знаю, развѣ не это-ли, что сухая комплекція предполагаетъ господствованіе умственныхъ силъ, энергію, дѣятельность и какъ бы поглощаетъ физическія; по крайней мѣрѣ я такъ растолковалъ себѣ это слово князя. Неподалеку отъ меня стояла особа моего же званія, помнится мнѣ директоръ Тверскихъ училищъ, и какъ сей послѣдній умильно ни глядѣлъ на князя, но его сіятельство не думалъ на него обращать своего вниманія. Вдругъ вижу отдѣляется отъ одной ближайшей группы Василій Михайловичъ Поповъ и, какъ бы нечаянно приблизясь къ князю, шепчетъ ему что-то на ухо. Я сейчасъ же догадался, что

принимаемъ, но также постоянно содержимъ былъ въ почтительной дистанціи. Общія увѣренія въ благоволеніи, общія фразы ободренія, почаще улыбка, болѣе уже прояснявшаяся, болѣе милостивая. Вотъ все, что́ заработалъ я у вашего сіятельства незабвенной памяти въ 821 году.

Наконецъ наступилъ 827 годъ: это было третье съ вами соприкосновеніе. Годъ этотъ былъ для меня удаченъ. Я квартировалъ тогда на Литейной, вы позволили мнѣ часто ходить къ себѣ. Въ то время чрезъ посредство благодѣтельнѣйшаго Александра Семеновича *) я добывалъ себѣ у Государя Императора большее жалованье. Ваше сіятельство примѣтно становились мягче, и даже однажды de propos délibéré обѣщали мнѣ мѣсто Рязанскаго почтмейстера. Впрочемъ, лишнихъ разговоровъ не было, но я входилъ уже въ вашъ кабинетъ.

Наступила четвертая полоса, 829 годъ. Я пріѣхалъ тогда въ Петербургъ съ покойнымъ другомъ моимъ Андреемъ Андреевичемъ. Предъ пріѣздомъ моимъ, т.-е. вскорѣ послѣ 827 года, у меня уже завязалась и переписка съ вами, тогда еще робкая, неопредѣлительная; ломая голову, чтобъ обратить вниманіе ваше, я вздумалъ составлять тогда для васъ иллюминованный каноникъ или молитвенникъ въ родѣ édition illustrée. Не одну сотню нарисованныхъ картинъ бралъ я смѣлость пересылать вамъ послѣдовательно; однажды даже вы мнѣ и написали, что остаетесь очень довольными. Это былъ для меня однако циклопическій трудъ, въ отношеніи къ средствамъ въ провинціи. 829 годъ былъ для меня климатерическою годиною: я удостоился имѣть чести обѣдать у вашего сіятельства въ Петергофѣ. Разговоръ вашъ сталъ разнообразнѣе, онъ явно принималъ уже сгибъ нѣкоторой полудовѣрчивости; въ то время впервыя сказали мнѣ вы о расположеніи вашемъ удалиться на южный берегъ теплой Тавриды и проч. Потомъ въ Петербургѣ сами призвать меня изволили къ себѣ съ Ѳедоромъ Ивановичемъ**). Образовалась уже правильная causerie, предметы коей живо еще и теперь помню; товарища моего по службѣ, добраго старика Андрея Андреевича, также много обласкали; но здѣсь не мѣсто подробностямъ. Такое великодушное, кроткое поведеніе раскрыло еще болѣе поры сердца моего, и я рѣшительнѣе и игривѣе сталъ обозна-

---

это значило, и вотъ мой князь подходитъ къ директору и даритъ его парою ласковыхъ словъ. Я все тогда замѣчалъ внимательно, и немного не доставало, чтобъ сдѣлаться мнѣ въ ту пору самымъ ловкимъ придворнымъ, по крайней мѣрѣ status in statu двора его сіятельства.

*) Шишковъ, министръ народнаго просвѣщенія. Ю. Н. Бартеневъ служилъ тогда директоромъ Костромской гимназіи. П. Б.

**) Приншпиковымъ. П. Б.

чаться въ письмахъ моихъ къ вашему сіятельству. Чаще и чаще сталъ я имѣть счастіе удостоиваться и вашихъ отвѣтовъ. Богъ видѣлъ, какъ добросовѣстно, какъ постоянно, какъ, смѣю сказать, неутомимо преслѣдовалъ я васъ моими маленькими угожденіями, преслѣдовалъ, чтобъ обратить ваше вниманіе, вашу благосклонность; но вы, какъ богатый кладъ, не давались мнѣ въ обладаніе. Чего любовь моя ни придумывала, къ чему ни приражалась, какъ ни истощала всю свою изобрѣтательную способность, чтобъ хотя сколько-нибудь быть для васъ нечуждымъ; но нѣтъ, все не удавалось: грозный и непреоборимый Гибралтаръ не только что не сдавался, но даже близко и не подпускалъ къ себѣ. Видя свои неуспѣхи, имѣя причины и роптать на ваше сіятельство за остуду, я бросилъ надѣяться на князей, которыхъ не расположили ко мнѣ ни стихи, ни проза моя, и удалился въ деревню, съ тѣмъ чтобъ въ милой посредственности хвалиться своею философскою независимостію, забывая обо всѣхъ князьяхъ на свѣтѣ. Но болѣзнь жены моей меня выгнала изъ скучной и холодной деревни, нужда заставила искать службы, и вотъ я явился опять къ вамъ, настоящимъ провинціальнымъ Жилблазомъ. Что произошло между нами въ послѣднюю и пятую полосу времени, этого теперь я не скажу; ибо разсказамъ моимъ не было бы конца, а письмо становится длинно. Скажу только, ваше сіятельство, что въ этой пятой полосѣ жатва была обильнѣе всѣхъ предшествовавшихъ; сердце мое стало шире, я выросъ, выросъ, сіятельный князь, въ нелицемѣрной моей къ вамъ любви и безпредѣльной преданности, съ которыми и пребыть честь имѣю, в. с., м. г., нижайшимъ слугою. Ю. Бартеневъ.

*

Мнѣніе князя объ апостолахъ и дарахъ церкви, которые и понынѣ не утратились. Примѣръ на Александрѣ въ 1814 годѣ. Характеристика тогдашняго сердца и мышленія Александрова. Прозрачность эта измѣняется по прошествіи времени. Князево мнѣніе, отъ чего она измѣнилась въ Государѣ. Вѣнскія дамы тому причиною. Рескриптъ къ Бородавкѣ. Князь не утерпѣлъ, чтобъ не замѣтить того Государю. Какъ принялъ это Государь.

Другой примѣръ даровъ на князѣ. —Госнеръ и его проповѣди. Обыкновеніе повторять ихъ предъ Кошелевымъ. Многолюдная публика въ церквахъ. Крещеніе Жида. Князь и Плещеева. Прониканіе въ проповѣдь говоренную на неизвѣстномъ языкѣ. Обильныя слезы Воззваніе Госнера запечатлѣваться духомъ и огнемъ. Кошелевъ захотѣлъ, чтобъ повторилось событіе. Не было успѣха.—Мнѣніе князево о молитвѣ: Отче нашъ. Почему онъ останавливается на колѣнкахъ:

князь не стыдится Христа и въ придворной церкви. Великіе князья повторяютъ это, но это въ нихъ пріостанавливается.—Большой выходъ. Какъ встрѣчалъ его Государь прежде, какъ нынѣ.—Князь догадывается, какъ въ нѣкоторомъ отношеніи Царь мыслитъ о немъ.—Александръ имѣлъ въ послѣдствіи двѣ манеры въ одно и тоже время: одну рѣчь съ княземъ, другую съ генералами.

*

Князь возвратился въ кабинетъ и я, съ болѣзнію сердца, приступилъ къ нему съ нѣкоторыми прошеніями, которыя случай или судьба наслали на меня безъ моей воли. Кажется, что я не погрѣшу здѣсь, если такъ выражусь. Просьба моя къ князю имѣла предметомъ трехъ несчастныхъ бѣдняковъ; два изъ оныхъ по моему добросовѣстному мнѣнію придавлены были мѣстною коллегіальностію, одинъ любомщеніемъ тайнаго совѣтничества. Начавъ рѣчь, я уже предварительно замѣтилъ, что князь готовъ былъ меня встрѣтить отпоромъ; мнѣ трудно было опровергать прямыя его указанія и косвенные доводы. Моя мелочность не выдерживала соприкосновенія громоносной князевой полемики. И это не потому, чтобы во имя истины и святаго человѣчества я не нашелъ нѣкоторыхъ резоновъ моимъ смиреннымъ представленіямъ, нѣтъ; но всякое слово вельможнаго антагониста, упадая съ такой высоты, могло и долженствовало для меня быть sans répliques.

Вотъ бѣглый, но вѣрный очеркъ словъ и правилъ князевыхъ. «Другъ мой», сказалъ мнѣ князь, «надобно имѣть въ возможной полнотѣ всѣ свѣдѣнія о дѣлѣ, о которомъ сбираемся просить. Исключенный чиновникъ, по словамъ своимъ, всегда правъ. Это наиболѣе для меня сдѣлалось извѣстнымъ съ тѣхъ поръ, когда я правилъ должность президента всѣхъ тюремныхъ обществъ въ Россіи. Спроси любаго изъ преступниковъ заключенныхъ въ тюрьму за самыя вопіющія беззаконія, и что́ же, всякій тебѣ отвѣчать станетъ, что онъ не виноватъ нисколько, что его обнесли и проч. Не такова уже натура человѣческая, продолжалъ князь, чтобъ рѣшилась добровольно повинить себя. Вотъ, напримѣръ, прежде былъ какой обычай, который однако нынѣ царствующимъ Императоромъ совсѣмъ уничтоженъ. Членамъ Государственнаго Совѣта позволено было принимать, по аппелляціоннымъ искамъ, отъ просителей записки, и я также получивалъ таковыя, но однако съ тою осторожностію, что требовалъ подобной же записки и отъ противной партіи. Я всегда, бывало, прочитывалъ и сравнивалъ эти записки между собою; и ты себѣ представить не можешь, продолжалъ князь, какой отъ того видъ получало дѣло въ моемъ

понятіи. Всякая записка, казалось мнѣ, трактовала вовсе о другомъ предметѣ, а не объ томъ общемъ имъ обѣимъ, который я имѣлъ въ виду. И не только нельзя было по этимъ запискамъ согласить дѣло, но даже онѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ сбивали всякое добросовѣстное о немъ толкованіе. Государь великую милость сдѣлалъ, утвердивши единожды, чтобы рѣшали дѣла въ Совѣтѣ по тѣмъ только даннымъ, какія тамъ собраны и не поддавались бы никакимъ частнымъ наведеніямъ. Посторонній или частный взглядъ на дѣло бываетъ часто взглядъ страстный, продолжалъ князь. Вотъ, напримѣръ, образовалась жандармская часть; особенно съ самаго начала графъ Бенкендорфъ то и дѣло, что бомбардировалъ меня секретными записками и указаніями на этотъ или другой предметъ, какъ гласила записка, повидимому, беззаконно рѣшенный. Сперва меня это очень безпокоило и даже стѣсняло, въ нѣкоторомъ смыслѣ, совѣсть мою; но рачительныя мѣстныя справки и выправки, наличные документы, такъ сказать, каждаго дѣла, переданные иногда давнымъ давно въ архивы и даже съ трудомъ отыскиваемые, ясно показывали мнѣ въ послѣдствіи, что гора всегда разражалась мышью. Да и самъ графъ неоднократно говаривалъ мнѣ, чтобъ я много уже о томъ и не безпокоился, и послѣ нѣкотораго начальническаго движенія узнать истину, еслибъ я счелъ это за нужное, увидя, что это все вздоръ, просто бы уничтожалъ и бросалъ таковыя записки, за добросовѣстность и вѣрность которыхъ и самъ графъ далеко себя отстранялъ, чтобъ поручиться. Всякое дѣло разсматривается въ департаментѣ; въ томъ же департаментѣ скопляется и все, что̀ принадлежитъ къ дѣлу. Пусть тамъ его и соображаютъ. Когда же, по разсмотрѣніи, рѣшатъ, и я утвержу, то вотъ и конецъ всему. Однажды изгнанный чиновникъ, какъ ни ропщи, принятъ и оправданъ быть не можетъ. Служба не богадѣльня и не лазаретъ. Частное сожалѣніе вызываетъ частное пособіе, но не болѣе. Если чиновникъ правъ, въ такомъ случаѣ виноватъ директоръ, и я такого директора не захочу уже при себѣ терпѣть ни минуты. Но если ропщущій субъектъ по своимъ только словамъ подразумѣвается и находитъ себя правымъ, то на этихъ ломкихъ данныхъ мнимую неправость своего директора я основывать не стану; ради таковыхъ причинъ я также не допущу въ себѣ зыбкости въ мысляхъ и не стану подозрѣніями унижать лице столь возвышенное въ своихъ служебныхъ отправленіяхъ и дѣйствіяхъ и которое я однажды къ себѣ приблизилъ и облекъ своимъ довѣріемъ. Эта crédibilité скрѣпляетъ даже высшія отношенія въ государствѣ; ею руководствуется самъ Императоръ въ прикосновеніяхъ съ своими министрами. Если министръ находится еще министромъ предъ лицемъ царевымъ, то это знакъ, что Государь

считаетъ его честнымъ сановникомъ, и что свѣтильникъ таковаго не погасъ еще предъ очами его, какъ бы толпа противное тому ни утверждала. Je suis censé, продолжалъ князь, считать и моего директора честнымъ: безъ этого внутренняго удовлетворенія онъ сегодня же слетѣлъ бы со своего мѣста. У меня былъ однажды въ этой категоріи нѣкто директоромъ Мартыновъ, когда я еще служилъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, и что̀ же, я его съ двухъ разъ разглядѣлъ и просто отогналъ отъ себя, какъ негоднаго. Сожалѣю и объ тебѣ, возразилъ князь, что ты хлопочешь по такимъ предметамъ; знаю, что все это дѣлается изъ добраго побужденія, но пожалуста умѣрь себя. Меня, бывало, также прашивали о разныхъ предметахъ и приводили смѣшныя причины въ возможности успѣха. Вы часто бываете у Государя, продолжали таковые просители, сидите съ нимъ долго, говорите свободно о всякихъ матеріяхъ, то, при случаѣ, ваше сіятельство, могли бы и объ этомъ Его Величеству доложить или замолвить словцо. Но это не такъ легко, какъ думали эти господа просители. Нашъ Государь любитъ порядокъ и вовсе не жалуетъ, чтобъ кто бы говорилъ ему, такъ сказать, съ плеча, о дѣлахъ, которыя не въ вѣдомствѣ говорящаго и не касаются его обязанностей. Знаютъ, продолжалъ князь, что ты уменя часто бываешь, что я имѣю нѣкоторое къ тебѣ довѣріе, охотно и много съ тобою разговариваю. Вотъ этимъ-то и хотятъ воспользоваться. Обрати же на это вниманіе; ибо если это провѣдаетъ всегда густая фаланга искателей, то повѣрь, что тебѣ не дадутъ покоя и совсѣмъ завалятъ порученіями и требованіями. Повторяю, сказалъ князь, повторяю тебѣ свое увѣреніе, что ты дѣйствуешь по совѣсти, но впредъ удержись отъ этого. Когда я былъ еще оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ, былъ новъ въ дѣлахъ и опасался сдѣлать промахъ, у меня былъ въ то время одинъ человѣкъ, къ которому я имѣлъ большую довѣренность, и этотъ человѣкъ безпрестанно канючилъ мнѣ своими домогательствами и наведеніями, по его устотрѣнію, меня на правду. Что̀ же, какъ ты думаешь, я рѣшился съ нимъ разстаться, а по сему понимай! Пожалуста, впередъ вотъ дѣлай какъ: когда придутъ къ тебѣ просить о комъ или о чемъ нибудь, или явится самъ, такъ сказать, несправедливо обиженный, то давай таковому совѣтъ прямо писать ко мнѣ; если, не смотря на это, совѣстливость твоя все-таки зашевелится, то я этотъ грѣхъ принимаю на свою душу: пусть я, а не ты предъ Богомъ будешь въ отвѣтѣ, продолжалъ князь, улыбаясь. Что же касается до этого случая, что твой несправедливо обиженный проситъ суда и хотѣлъ бы, чтобъ дѣло перенесено было въ Сенатъ: то на это скажу тебѣ первое, что таковымъ образомъ изгнанные изъ службы всѣ бы захотѣли суда, и

осужденіямъ и изслѣдованіямъ не было бы и конца. Но правительство снисходительно: оно не слушаетъ подобныхъ возгласовъ и не спѣшитъ обвинять этихъ господъ, а просто ихъ увольняетъ и даетъ еще имъ въ добавокъ аттестаты. Государь далъ это право министрамъ, право, чтобъ они таковымъ образомъ, если только разсудятъ за нужное, увольняли всѣхъ неисправныхъ чиновниковъ, дабы отцамъ семействъ изъ оныхъ могла еще быть возможность пріютиться къ другому роду службы; иначе, безъ аттестатовъ, никуда ихъ не приняли бы. Оставь у меня записку объ этомъ бѣднякѣ; я прикажу, чтобъ въ департаментѣ сдѣлали новую о немъ справку. Главное, надобно узнать, за что̀ именно онъ былъ удаленъ, тогда и увидимъ все дѣло. Что же касается до Совѣта, гдѣ, по твоему, должны бы разбираться всѣ жалобы на несправедливыя рѣшенія и опущенія департамента, то это уже мое дѣло, передавать ли таковыя дѣла Совѣту на разсмотрѣніе или не передавать. Что̀ предоставлю Совѣту, то пусть онъ и дѣлаетъ; когда ничего не передаю, пусть онъ бездѣйствуетъ. Впрочемъ, подумалъ я, и по смыслу словъ закона министерскій совѣтъ есть ничто иное, какъ психическая толчея, въ которую, естьли главноначальствующій подсыплетъ или подбросить нѣсколько горстей прогорклыхъ департаментскихъ зеренъ, вотъ жернова тогда замелютъ, песты заколотятъ, ветхія крылья вѣтерановъ расходятся... Par dessus le marché вотъ, что̀ я тебѣ скажу, промолвилъ князь. Вижу, что тебѣ жаль бѣдняка; но хотя участи его перемѣнить нельзя, однако все-таки повторяю: я велю справиться на счетъ его поступка и рѣшенія департаментскаго, а между тѣмъ, на первый случай, сколько тебѣ надобно денегъ, чтобъ помочь ему? Повѣрь мнѣ, я охотно это исполню. Назначай, сколько? Ничего не надобно, ваше сіятельство, отвѣчалъ я князю. Бѣдный почтмейстеръ и его несчастное семейство не будутъ успокоены отъ временнаго пособія. Вотъ вамъ записка о немъ, дѣлайте что̀ хотите и какъ знаете.

Потомъ разговоръ завязался и о моихъ правахъ на первый разрядъ. Князь на это сказалъ, что уже этимъ дѣломъ занимается Гаврило Степановичъ, который и объявилъ князю, что будто я ему объ томъ уже говорилъ; но я не объяснялся съ нимъ вовсе и, не показавъ предварительно бумаги моему второму на землѣ провидѣнію, то есть князю, никогда не рѣшусь ни съ кѣмъ прежде о томъ говорить.

Остались три казуса накопленныхъ у меня дѣлъ для показанія князю. Первое о дочери одной бѣдной вдовы умершаго священника отъ холеры. Государыня чрезъ своего статсъ-секретаря Вилламова отказала помѣстить ее въ Смольный монастырь. Князь милостиво

вызвался вновь о томъ доложить Императрицѣ по ея возвращеніи изъ Москвы. Второе дѣло: бѣдный дьячекъ нашей почтамтской церкви и его многочисленное семейство желали бы нѣкотораго денежнаго пособія, и на это князь охотно согласился и даже самъ взялъ трудъ вписать въ свою памятную книжку имя, отчество и фамилію дьячка, чтобы сдѣлать ему возможно значительное пособіе. Наконецъ третье: сердцу моему нужно было потѣшить Костромскаго прокурора Протасьева. Старику захотѣлось звѣзды, а старикъ этотъ добрый старикъ. Я осмѣлился попросить милостиваго ходатайства ему у князя предъ министромъ юстиціи Дашковымъ, и для того прочиталъ изготовленную по сему случаю записку. Князь, со вниманіемъ выслушавъ записку, нашелъ, что въ ней были нѣкоторыя длинноты, и приказалъ мнѣ вновь ее переписать. Опасаясь, что мнѣ не удастся уже въ скоромъ времени опять попросить о томъ князя, и по внушенію пословицы: куй желѣзо покамѣстъ горячо, я оторвалъ излишне написанное и представилъ туже записку князю. Его сіятельство замѣтилъ, что въ этомъ оборванномъ видѣ записку неприлично передавать Дашкову и тутъ же сказалъ, къ величайшему моему удивленію, что онъ самъ ее перепишетъ и, отдавая министру юстиціи, отзовется о прокурорѣ, что онъ лично знаетъ старика Протасьева со стороны самой отличной. Мнѣ пріятно сдѣлать это для тебя, прибавилъ князь, и тѣмъ болѣе, что ты же знаешь всѣхъ этихъ людей, о которыхъ просишь. Что же касается до Сороконожки, или Куракина, то за это тебя благодарю усердно; истинно тебя много благодарю за это. Теперь прощай; передай мое нижайшее и усердное почтеніе женѣ твоей и тетушкѣ.

Окончаніе нашего разговора сдѣлалось для меня нѣсколько свѣтлѣе, тогда какъ начало онаго былъ совершенно огнистый шеолъ для моего духа, и не менѣе какъ тотъ шеолъ въ центрѣ земли, о которомъ недавно только что читали мы съ княземъ. Что происходило тогда въ моемъ духѣ, когда я слушалъ первый soliloque его сіятельства! Что происходило въ моемъ сердцѣ, когда я видѣлъ въ послѣднихъ его дѣйствіяхъ эту, въ нѣкоторомъ смыслѣ, изысканную, но нѣжную методу одолжать меня!

О князь, думалъ я, или вы не изчерпали моего бѣднаго сердца, или взглядъ мой на Петербургскую службу былъ невѣренъ. Нѣтъ чистаго апоѳеоза въ мірѣ: вездѣ есть скорби; но вездѣ есть и отрада. Въ книгѣ Доброголюбіе припомнилъ я старое словцо: *радосто-печаліе*; съ этимъ-то радосто-печаліемъ поплелся и я отъ князя. Вышедши на вольный воздухъ и сѣвши въ скромную мою колымажку, тихонько отправился я во свояси. Воспоминаніе горячими письменами врѣзывало

слова княжескія въ мою душу. Правъ ли былъ князь, обнаруживая такія понятія; былъ ли и я правъ, настаивая на моихъ резонахъ? Здѣсь завязался нешуточный уже споръ между двумя соперничествующими во мнѣ сторонами, между разумичнымъ моимъ человѣкомъ и человѣкомъ умнымъ.

Разумичный человѣкъ. Эхъ, братецъ, охота тебѣ докучать князю своими настояніями! Ты видишь, какъ онъ все это принимаетъ; благо если менажируютъ тебя, остановись! Пользуйся тою мѣркою вниманія, какую даютъ, и не входи въ области тебѣ не принадлежащія. Vous êtes un intrus, любезный другъ, а думаешь видѣть вещи всѣхъ чище. Нельзя, чтобъ ты не замѣтилъ, какое князь тебѣ даетъ направленіе. Иди-же по этой половицѣ, которая тебѣ указана. Не послушаешь совѣта моего, увидишь, что будешь пѣнять самъ на себя. Гдѣ тебѣ переиначить складку ума и воли князевой, складку, сдѣланную въ продолженіе всей его огромной и продолжительной служебной карьеры, и которую онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ даже считаетъ своимъ эклектизмомъ? При томъ есть еще новая для тебя опасность, о которой ты и не подумалъ: тайная или заслоненная мысль князева была всегда та, чтобъ не быть никѣмъ водиму, кто бы таковъ онъ ни былъ. Эта его мысль есть у него мысль по превосходству, и вотъ, неужели ты не видишь, что и въ этомъ случаѣ квасной твой патріотизмъ и рыцарское ревнованіе залетаютъ слишкомъ далеко? Обрызгавъ другихъ своею мнительностію и думая, что она вдругъ осадитъ волю князеву и перемѣнитъ ее на противную, ты нехотя показываешь, что ты уже собираешься какъ бы водить его; по крайней мѣрѣ кліянтель, окружающая князя, непремѣнно сдѣлаетъ это заключеніе; и каково бы оно ни было, оно всегда правильно, ибо въ службѣ нѣтъ другой логики.

Самолюбіе человѣческое, мой милый, очень тонко, и почему знать, что таковая твоя ревность къ истинѣ и справедливости не скрываетъ въ себѣ или частнаго чувства личной досады, или поисковъ на званіе почтамтскаго Аристида. Хорошо предъ другимъ кѣмъ либо, а не предъ княземъ выставлять такую алчбу твою къ служебной правдѣ; между тѣмъ какъ ячество, котораго такъ въ тебѣ много, оставлять за кулисами. Князя ты не поддѣнешь, любезный другъ: этотъ человѣкъ большую часть своей жизни посвятилъ, такъ сказать, на оглядку около себя. Самъ Промыслъ поставилъ его въ центрѣ этой обширной столичной лечебницы, гдѣ онъ могъ на досугѣ наблюдать и изучать всѣ категоріи болѣзней души человѣческой. А ты кто таковъ, чтобы могъ сказать что нибудь новое князю? Между тѣмъ нельзя тебѣ не замѣтить, что ты ему наскучиваешь; да и онъ уже тебѣ четыре раза о

томъ намекалъ. Эти намеки, зная систему и методу князя, зная какой вѣсъ онъ усвоиваетъ всѣмъ словамъ своимъ, суть уже не просто намеки, а предостереженіе или даже самыя угрозы. Кромѣ того, вотъ еще что̀ тутъ есть, но о чемъ тебѣ одному только могу сказать, и то на ушко. Всмотрись-ка хорошенько въ своего князя! C'est un homme d'habitude, mon cher ami; навыки пустили большіе корни въ его сердцѣ; самочувствованіе утвердило его въ томъ, что, если онъ что̀ сдѣлалъ, то уже сдѣланное имъ и обдумано; колебаться или дробиться въ рѣшеніяхъ однажды принятыхъ и утвержденныхъ лицомъ его званія, лицомъ, какъ ты и самъ знаешь, немаловажнымъ, значило бы проявить и предъ публикою, и предъ собою шаткую подвижность ума, незрѣлость и неувѣренность мышленія въ особѣ друга царева, мужа совѣта, вѣрной копіи боярина Матвѣева, не ожидавшаго и не желавшаго за дѣла своей справедливости мзды или награды, какъ бы она велика или славна ни была. Вглядись, говорю, въ князя: ты усмотришь, кромѣ навыковъ, которые такъ глубоко проборoздили все его существо; ты усмотришь, говорю, еще и лѣта смежныя съ недугами, смежныя съ неудобствами. Здѣсь князь похожъ на того Израильтянина, который уже переноситъ временную кущу свою на легкѣ; нѣтъ въ немъ той юной подвижности, потраченной имъ для подвиговъ службы и для двора; надобно даже имѣть бодрость въ физическихъ силахъ, чтобъ рѣшаться расшевеливать предъ собою всякую служебную помойную яму, этотъ клоакъ дѣлъ человѣческихъ, въ которую неоднократно, можетъ быть, сливали нечистоту и сгребали смрадный соръ. И повѣрь, другъ, что часто сливали въ эту яму, не столько по злобѣ или чему другому, сколько по немощи человѣческой, по незнанію дѣла, по неспособности. Знаю, что ты ригористъ и нападаешь на разумичнаго человѣка, вѣрнаго тебѣ доселѣ друга и товарища; но пожалѣй и его. Возьми съ одной стороны тысячи видоизмѣненій и предметовъ для соображенія, съ другой же немощи, недостатки, а иногда и усталость ума въ людяхъ, къ тому приставленныхъ; умѣй почтить въ этихъ послѣднихъ старинный тотъ адажъ, служащій и доселѣ мѣриломъ всѣхъ земнорожденныхъ: on fait ce qu'on peut, et non ce qu'on veut. Вотъ мои резоны; что̀ ты на это мнѣ скажешь?

Умный человѣкъ. О, я тебѣ могу много сказать, господинъ филисофъ по стихіямъ міра; еще болѣе того: я покажу всѣ твои внушенія даже князю, и вотъ онъ самъ усмотритъ, что точка моего отправленія внѣ ихъ мнимой основательности. Сумма всѣхъ твоихъ доводовъ можетъ сложиться изъ этихъ немногихъ словъ Русской пословицы: носи епанчу по вѣтру. Вотъ та тема, на которую положилъ ты съ такою легкостію изложенія и съ такимъ обиліемъ сто и одну

варьяцію. Извѣстное правило (пусть все идетъ своимъ порядкомъ или безпорядкомъ, все равно) не можетъ быть мѣриломъ моихъ дѣйствій, дѣйствій, которыя я конечно прекращу, если то угодно будетъ князю. Да и какъ говорить мнѣ съ княземъ? Могу ли я свободно и не робѣя выражать предъ нимъ мои мысли, когда мнѣ надлежитъ доказывать собственно мнѣ принадлежащую теорію? Сказано и про Бога, что Онъ есть огнь поядающій и что невзрѣченное Его милосердіе стоитъ въ уровень и на одной степени со всеопровергающимъ Его ревнованіемъ. Князь есть тоже нѣкоторое подобіе для меня Бога, и въ этомъ случаѣ далеко, чтобъ это было богословскимъ для него комплиментомъ. Какъ мнѣ говорить князю, повторю, когда есть вещи, гдѣ я долженъ утверждать свою теорію?

Разумичный человѣкъ. Какія же бы это были вещи? Скажи: я нетерпѣливъ ихъ выслушивать.

Умный человѣкъ. Вотъ возмемъ напр. дѣло о бѣднякѣ N, и по необходимости: revenons à nos moutons. Оставимъ уже причину, почему губернскій начальникъ вытолкалъ его изъ службы; взглянемъ только на неправильность судопроизводства надъ нимъ высшей коллегіи, и что́ же мы усматриваемъ? Вопіющее и непростительное равнодушіе, чтобъ не сказать чего другаго. Организація департаментовъ составлена правительствомъ прекрасно; но я скажу на это словами же князя, или лучше словами Екатерины изложенными собственною рукою мудрой Императрицы въ записной ея дорожной книжкѣ, хранящейся нынѣ у князя; скажу, повторяю, этими священными словами, что нѣтъ пользы и въ самыхъ мудрыхъ законахъ, когда не соблюдаются нравы. Всякій департаментъ есть какъ бы маленькій гражданскій легіонъ, на манеръ Римскаго; разныя категоріи гражданскихъ устроеній приведены здѣсь къ общему знаменателю. Лица, отдѣльно дѣйствующія по разнымъ направленіямъ, споспѣшествуютъ совокупно къ единству цѣлаго; цѣлое же составляетъ отдѣльный міръ служебностей, которыя, всѣ вмѣстѣ взятыя, образуютъ и гражданское устройство цѣлой Имперіи. Въ департаментахъ каждый интегралъ власти опредѣленъ закономъ, всякое лицо имѣетъ и носитъ свое право. Сдѣлаемъ теперь нѣсколько практическихъ аппликацій и приспособимъ ихъ къ каждому изъ департаментовъ; положимъ, что въ одномъ изъ оныхъ встрѣтился какой нибудь частный случай, хотя напримѣръ о какомъ нибудь чиновникѣ, котораго слѣдовало разсмотрѣть служебное поведеніе, и вообразимъ, что вслѣдствіе этого начальнику отдѣленія по слѣдственной части велѣно сообразить все дѣло. Онъ, добросовѣстно сдѣлавъ требуемое соображеніе, представляетъ мнѣніе на усмотрѣніе своего директора; еслибъ директоръ не согласился съ таковымъ изложеніемъ, то мнѣніе началь-

ника отдѣленія, съ изъясненіемъ своего, директоръ повергаетъ на высоконачальническое усмотрѣніе министра, и вотъ верховная уже власть всего вѣдомства зарѣшаетъ, какъ быть дѣлу. Если бы министръ нашелъ сомнѣніе въ предлагаемомъ ему отъ директора дѣлѣ, онъ имѣетъ всякое право передавать таковое въ Совѣтъ, разсматривающій и ревизующій, по волѣ министра, всѣ уклоненія департамента, когдабъ таковыя случились. Закономъ повелѣно, чтобъ мнѣніе первой экспло-раціи дѣла, т.-е. начальника отдѣленія, ни въ какомъ случаѣ не было уничтожаемо, кольми паче вырываемы бы были изъ онаго конечные результаты соображенія; ибо законъ предвидѣлъ, что предъ мощнымъ лицемъ министра могутъ предстать только три вида объясняющіе дѣло: то есть субъектъ обвиняемый и, можетъ быть, два различныя мнѣнія его судопроизводителей. Даже законъ хотѣлъ облегчить человѣческія дѣйствія самого министра, представляя ему три эти вида дѣла, изъ коихъ одно подставляется робкимъ голосомъ обвиняемаго въ свою защиту, второе перваго своего изслѣдователя, а третье и полу-окончательное о томъ мнѣніе самого начальника департамента. Приложимъ эту теорію, не метафизическую, не грезу воспаленнаго воображенія, но существенную, составляющую одинъ изъ основныхъ законовъ нашей Имперіи, приложимъ, говорю, къ бѣдняку N, и тогда ясно увидимъ, что поступлено съ нимъ было самоуправно и нечисто. Директоръ точно представилъ свое мнѣніе, что слѣдуетъ выгнать бѣдняка безъ оглядки изъ службы, но вмѣстѣ съ этимъ приложилъ ли онъ и противное ему мнѣніе начальника отдѣленія? Если приложилъ, то сказаны ли въ этомъ мнѣніи тѣ милостивыя слова, что по снисхожденію къ его бѣдному, при значительномъ семействѣ, состоянію, можно бы его опредѣлить на вакансію почтмейстерскаго помощника, какъ онъ и самъ того желаетъ (это точныя слова мнѣнія начальника отдѣленія)? Если слова эти сказаны, то доброта нашего князя непремѣнно бы подвинулась или ухватилась за это послѣднее мнѣніе, ибо оно въ пользу человѣка бѣднаго, столь близкаго его сердцу, и тогда нашъ несчастный труженикъ былъ бы спасенъ, жена его не умерла бы отъ горести, а бѣдное семейство не роптало бы ко Господу, Который всегда обращаетъ ропотъ этого рода въ грѣхъ, вопіющій на небо. Я сложилъ все это въ духѣ и осмѣлился сказать объ этомъ князю... Я не раскаиваюсь... Я не считаю уже за нужное говорить о другихъ двухъ случаяхъ.

Разумичный человѣкъ. Все бы хорошо, но точно лучше молчать.

Тутъ опять вновь хотѣлъ распространяться этотъ разумичный человѣкъ; но колясочка уже подъѣхала къ моему дому, и я съ радо-

сто-печаліемъ взошелъ въ Іосафатову мою долинку, въ темный свой кабинетецъ. Мысли мои были мрачны и унылы; но сердце горѣло и умъ мой былъ свѣтелъ, совершивъ подвигъ, за который не упрекала совѣсть.

*

Вскорѣ къ сестрицѣ *) пришелъ Сергѣй Николаевичъ Глинка, нѣкогда любимый въ Россіи писатель, издатель «Русскаго Вѣстника», переводчикъ Юнговыхъ Ночей, слагатель отечественной исторіи, драматургъ, поэтъ и все что́ вамъ угодно. Разныя скорби, неудачи и несчастія выгнали его изъ службы и изъ Москвы, обремененнаго нищетою и многочисленнымъ семействомъ. Князь вступился въ положеніе бѣдняка и выпросилъ ему отъ щедротъ царскихъ значительный пенсіонъ. Нынѣ Глинка проживаетъ въ Петербургѣ и издаетъ свои Мемуары. Онъ оригиналъ и добрый брюзга; пригрѣтый солнышкомъ князева расположенія, онъ частенько открывалъ разныя поэтическія претензіи на милость царскую, и князь добродушно ему во всемъ способствовалъ, называя успѣхи ревностнаго своего покровительства особеннымъ счастіемъ Глинки, которое будто бы непосредственно текло на него отъ щедротъ Божіихъ, между тѣмъ какъ скрытый проводникъ этой ключевой воды былъ самъ князь. Старикъ обрадовался, нечаянно увидя своего благодѣтеля у сестры, и очень былъ радъ прочитать ему экспромтъ сердечнаго хваленія. Князь отпустилъ насъ по домамъ, позволивъ однако мнѣ зайти къ сестрицѣ, куда и самъ сбирался; ибо она по причинѣ болѣзни не выходила изъ своей комнаты.

*

Князь, чувствуя себя въ пріятномъ расположеніи духа, указалъ намъ на рукопись переплетенную по старосвѣтски. Рукопись эта есть дворцовая запись, въ которой обыкновенно ведутъ перечень внѣшнимъ происшествіямъ во дворцѣ случающимся: кто обѣдалъ, кто имѣлъ пріѣздъ, какія отправляемы были торжества и проч. и проч. Подобныя записи составляться стали со временъ Анны Іоанновны, и эта-то самая тетрадь и лежала предъ глазами князя.

Онъ имѣлъ духъ и терпѣніе исподоволь прочитывать всѣ эти записи со времени ихъ установленія до самыхъ свѣжихъ или новыхъ. Бывали такія книги этого содержанія, которыя только что однимъ именемъ его были наполняемы, особенно въ тѣхъ годахъ, гдѣ описывались происшествія Александровы; ибо petit comité тогдашняго времени или столы царскіе въ троемъ всегда вмѣщали и нашего князя...

---

*) Т.-е. къ сводной сестрѣ князя Голицына, дѣвицѣ Е. М. Кологривовой. П. Б.

Но у меня стала уставать рука, и я стяну мой разсказъ въ одни заглавія.—Почему эта дворцовая запись взята княземъ. Справка по ней о лѣтахъ Плещеевой. Свадьбы: герцога Лотарингскаго на дочери Римскаго императора; Нѣмецкаго какого-то барона на комъ-то. Князь разсказываетъ о старыхъ свадьбахъ, которыя уничтожились со вступленіемъ на престолъ Екатерины. Она велѣла, чтобъ показать обрядъ кому-то, сдѣлать одну образцовую такого рода свадьбу. Танецъ съ факелами, столъ, сѣдалище подъ балдахиномъ или наметомъ изъ цвѣтовъ. Молодый лѣзетъ по столу, дабы сорвать свадебный вѣнецъ изъ цвѣтовъ. Въ это время гости, какъ стадо журавлей, стоятъ въ вертикальномъ положеніи. Невѣстъ изъ фрейлинъ обыкновенно одѣваютъ сами императрицы. Слово шутихи Анны Даниловны Екатеринѣ, почему не поютъ молодой свадебныхъ пѣсенъ, отъ которыхъ бы она заплакала.—Павелъ въ Москвѣ.—Далматикъ, родъ стихаря. Воскрылія рукавовъ широкія, подолъ обшитъ жемчужною сѣткою; на груди крестъ и сзади также кресты жемчужные. Павелъ ходитъ по церквамъ. Манера его походки, представленная княземъ. Манера его сиповатаго голоса, тоже очень хорошо представленная княземъ. Репрезентація въ далматикѣ, подъ которымъ мундиръ и Прусскіе ботфорты. Слово Елисаветы князю на счетъ цѣлованія дамами руки у Павла; это уничтожено со времени Александра. Раболѣпство Волконскаго доставить Павлу какъ можно болѣе случаевъ, чтобъ цѣловали его руку. Сожалѣніе обнаруженное Государемъ, что у него рука не пухнетъ какъ у Екатерины отъ многихъ и частыхъ поцѣлуевъ. Эффектъ сидѣнія на престолѣ въ далматикѣ, мантіи со скипетромъ и державою въ рукахъ. Темпъ или комическо-граціозное тѣлодвиженіе Павла скипетромъ при соизволеніи принять аудіенцію. Грѣхъ случившійся съ одною дамою при представленіи: у нея спали фижмы въ то время, когда она цѣловала руку. Московскій дилетантъ, безобразная фигура подъ кличкою статскаго совѣтника, своею охотою вызывается подходить съ блюдами и кушаньемъ къ престолу, припадать на колѣно и передавать блюдо оберу, и весь этотъ трудъ для того, чтобъ сказали, что онъ участвовалъ въ обрядахъ коронованія.

*

Являюсь къ князю въ исходѣ перваго часа; между тѣмъ Василій Ѳедоровичъ Янъ ожидаетъ насъ въ пріемной комнатѣ. Князь не хотѣлъ со мною заняться обычнымъ дѣломъ, прежде чѣмъ не приметъ пришедшаго со мною. Каково ему покажется, если онъ будетъ насъ дожидаться? сказалъ князь. Князь встрѣтилъ Яна милостиво и откро-

венно. Предшествовавшая служба Яна подала поводъ къ разговору. Князь способствуетъ основанію въ Москвѣ Человѣколюбиваго Общества. Составляетъ до 800 проектовъ, возваній къ дворянству. Это началось во время личнаго пребыванія князева въ Москвѣ въ 1817 году. Курьеры сейчасъ же разнесли всѣ возванія по городу. Смѣшныя недоразумѣнія со стороны получившихъ таковыя письма отъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Сшибки провинціальнаго опасенія съ самолюбіемъ; иногда жены служили совѣтомъ и проводникомъ въ пользу филантропіи. Результатъ тысяча рублей. Приношенія были по 2000 р. и болѣе. Одна особа просила князя посѣтить домъ ея; она показала ему два своихъ заведенія, мужеское и женское, которыя составила, дабы быть средствомъ къ прочному образованію дѣтей своихъ; она внесла 2000 р. Въ скоромъ времени сборъ простирался до 130 тысячь рублей.

Бойкость князева усвоить 30000 рублей купеческихъ денегъ, которыя приготовлены были на издержки предполагаемаго бала для императора Александра. Стачка объ этомъ предметѣ князева съ Царемъ. Балъ не существуетъ, и деньги поступаютъ къ князю. Князь дѣлаетъ предложеніе купечеству и, послѣ нѣкоторыхъ противорѣчій головы, сбирается еще купечествомъ на этотъ предметъ отъ восьми до десяти тысячъ. Разсказъ князя объ отставномъ штабсъ-капитанѣ, въ послѣдствіи вице-президентѣ Московскаго Человѣколюбиваго Общества. Отставный, онъ помѣщается въ комитетъ разбирать поступившія на имя царское челобитныя во время коронаціи вмѣстѣ съ покойными Кикинымъ и Дмитріевымъ. Синонимія наградъ: сообразно Владимирскому крестику—домашняя церковь; если въ уровень съ наградою Кикина, то таже церковь съ подвижнымъ антиминсомъ; если же сравнить награду съ пожалованною Дмитріеву (ибо всѣ трое имѣли одинакое служеніе), тогда слѣдуетъ церковь съ подвижнымъ антиминсомъ и уже переносная. Князь все это литерально довелъ до свѣдѣнія Государя, и дали просящему послѣднюю награду, т. е. высшую. Князь Серг. Мих. не умѣлъ сохранить этого достойнаго человѣка который съ неутомимостію юноши обходилъ и обревизовывалъ по три квартала бѣдныхъ и дѣлалъ это за отсутствующихъ членовъ. —Библейское общество въ Россіи. Ревность членовъ Петербургскаго комитета; примѣры тому члены: Лѣнивцовъ и Тамара. Библейское общество уничтожается, и дѣла передаются Синоду. Это вызвало изъ Англіи одного квакера, который пріѣхалъ въ Петербургъ посмотрѣть на Государя. Образъ жизни квакера въ Петербургѣ. Нечаянныя его встрѣчи съ княземъ. Квакеръ говоритъ князю: Всякое дѣло Божіе производится здѣсь руками человѣческими; основаніе пропаганды библейской

конечно было гранитъ, т. е. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, но воздвигаемое на немъ зданіе не всегда прочно слагаемо было: и крѣпкая плинѳа, и гнилой лѣсъ вносимы были въ эту духовную постройку. Здѣсь квакеръ хотѣлъ аллегоріею изобразить не всегда чистое побужденіе дѣйствователей въ этомъ благочестивомъ подвигѣ, но часто и игру мелкихъ расчетовъ человѣческаго честолюбія, облекающаго и подвигъ благочестія въ средство и пищу для страстей своихъ. Упало это построеніе, говоритъ квакеръ, и не сильтесь, благородный князь, поднимать или возобновлять его болѣе. Знайте, что дѣло Божеское тогда только упадаетъ по неисповѣдимому Его промыслу, когда произведетъ все, что́ нужно ему было сдѣлать въ племенахъ человѣческихъ; если усиленная и слѣпая воля людей и могла бы изъ разрушеннаго сдѣлать обновленіе и направить къ новому дѣйствію, но это усиленное направленіе было бы однимъ лишь пустоцвѣтомъ. Слово Божіе, идея Его, пущенная Имъ въ человѣчество, вѣрьте мнѣ, не возвратились предъ очи Его тощими; и это слово и эта идея у Господа уже болѣе не повторятся. Охранительный Его Промыслъ, найдетъ конечно въ сокровищницѣ своей премудрости тысячу равносильныхъ средствъ различить обычное обиліе даровъ своихъ; но явившееся по волѣ Его и по той же волѣ угаснувшее заведеніе не повторится болѣе въ Россіи. Таковъ уже законъ богоуправленія.

Князь докладываетъ не безъ опасенія о квакерѣ Государю. Александръ сказываетъ князю, что онъ получилъ объ немъ донесеніе отъ тайной полиціи. Государь принимаетъ квакера и часовъ около двухъ съ нимъ занимается. Отзывъ квакера о Государѣ. Подарокъ и требованіе подарка. Надпись карандашомъ мастикою у квакера. Вновь свиданіе у квакера съ Государемъ. Князь прощается съ квакеромъ. Пожатіе руки похожее на то, когда Англичане выходятъ боксомъ другъ противу друга. Разговоръ о Фотіи. Встрѣча Яна съ Фотіемъ. Припадокъ меланхолизма. Свиданіе въ Юрьевомъ монастырѣ. Тоскливая и сильная молитва. Холодный ореолъ похожій на электрическій или фосфорный. Трескъ невидимыхъ каменьевъ, какъ бы разсыпавшихся изъ мѣшка; дрожаніе или колебаніе окончинъ. Графиня Орлова убѣгаетъ отъ страха. Фотій кладетъ Яна навзничь и спрашиваетъ, умеръ ли онъ. Мнѣніе князево о Фотіи. Авто-дафе письма Александры Петр. Проклятіе, заклинаніе и забросъ онаго на люстру, въ послѣдствіи развѣяніе и праха письменнаго. Посѣщеніе Государемъ (*) въ прошломъ годѣ Юрьева монастыря, устройство монастыря и встрѣча Фотіемъ Государю. Запутывается въ своей мантіи, которую велѣли ему снять (цвѣтной подрясникъ), и протягиваетъ

(*) Т. е. Николаемъ Павловичемъ. П. Б.

свою лапу Государю. Государь не заходитъ въ его кельи. По пріѣздѣ въ Петербургъ дѣлается предписаніе об.-прокурору вытребовать Фотія въ Петербургъ и отдать его для науки, какъ встрѣчать Царя, намѣстнику здѣшней лавры Палладію.—Мысли князя о переходѣ изъ одного исповѣданія въ другое. Разсказъ о своемъ родномъ племянникѣ, почти обращенномъ іезуитами въ католицизмъ. Племянникъ на Пасхѣ гоститъ у Логина Ивановича Кутузова, дяди съ матерней стороны. Онъ не подходитъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье ко кресту. Объясненія дяди съ племянникомъ. Отсылаютъ мальчика къ князю. Объясненія съ княземъ. Казанская Богородица не настоящая. Фанатическія понятія мальчика. Князь объявляетъ ему, что уже болѣе не отправитъ его въ іезуитскій коллегіумъ. Мальчикъ ударяется притворно объ полъ. Требуетъ суда и мученическаго осужденія за имя папы. Князь отправляетъ его къ Кутузову и между тѣмъ доноситъ Государю и даетъ знать родителямъ. Князь призываетъ къ себѣ іезуитскаго генерала. Смѣшная апологія генерала, будто бы мальчикъ невольно увлекся католицизмомъ, желая обратить къ православію одного матераго ксендза изъ іезуитовъ, проживавшаго въ кастѣ до двадцати лѣтъ священникомъ. Родители недовольны мѣрами князя. Мать систематически растлѣваетъ юношу. Юноша притворяется и повѣреннымъ тайныхъ своихъ чувствъ дѣлаетъ князя. Князь направляетъ дѣйствіе родителей, не обличая однакожъ сдѣланой ему довѣренности. Родители не слушаютъ и отправляютъ юношу въ Римъ. Практическая жизнь духовенства въ Римѣ разочаровываетъ юношу отъ католицизма. Съ нимъ тоже случилось, что̀ съ Мартыномъ Лютеромъ. Филаретово сочиненіе: бесѣды православнаго съ неправославнымъ, сложено нарочно для этого случая.—Князь дѣлаетъ прелестный апологъ мнѣніямъ своимъ о разныхъ видахъ богопочтенія наружнаго. Вотъ, говоритъ онъ, одинъ почтенный старецъ, глава многочисленнаго семейства, собралъ нѣкогда своихъ дѣтей предъ очи свои. Любезныя дѣти, говоритъ имъ старецъ, берите отъ меня денегъ сколько хотите и купите на оныя извѣстное количество очищеннаго руна или волны убѣленной какъ снѣгъ. Я люблю волну, продолжалъ старецъ, изображающую мнѣ символъ смиренія и невинности человѣческой и хотѣлъ бы, чтобы вы, любезныя мои дѣти, сшили каждый для себя платье, какое кому по мысли; мнѣ нѣтъ нужды до покроя, но я желалъ бы только, чтобъ передняя часть тѣла вашего, чтобъ милая грудь ваша наглухо закрыта была этою очищенною и убѣленною какъ снѣгъ волною. Дѣти исполнили по приказанію старца, и всякій изъ нихъ сшилъ себѣ платье по своему хотѣнію и разумѣнію. Одинъ изъ сыновей покрылъ себя хитономъ важнымъ въ размѣ-

рахъ, величественнымъ въ покроѣ; другой счелъ за нужное сшить себѣ изъ волны кургузый Французскій сертучекъ; третій долгополый неуклюжій Англійскій бекешъ и приставилъ къ нему щетинистый воротникъ; четвертый сшилъ изъ шкуры нечистаго звѣря кургузую жакетку, это казалось ему полегче и показистѣе. Вотъ все семейство сошлось и собралось, наконецъ, въ свѣтлицу, пріуготовляясь на пиръ, обѣщанный послѣ обновъ мудрымъ ихъ отцомъ. Старецъ позамедлилъ немного выходомъ своимъ, дабы пригласить ихъ, а сыновья между тѣмъ осматривали другъ у друга различные свои костюмы; сперва просто смотрѣли, потомъ стали озираться, потомъ критиковать другъ у друга наряды, потомъ упрекать и смѣяться другъ надъ другомъ, а наконецъ, озлобившись и выдя изъ терпѣнія, уже пустились и драться между собою, раздирая и марая свои обновы. Наконецъ, отецъ выходитъ, пиръ готовъ, и дѣти, можетъ быть неумиротворенныя, всѣ совокупно садятся за трапезу со своимъ родителемъ. Дѣти, любезныя дѣти мои, сказалъ старецъ, замѣчаете-ли, что покрой платья вашего, для котораго вы столько надсадились, почти и не примѣченъ за общею трапезою; чистое руно на груди и сердцѣ вашемъ еще осталось, а это и было единственнымъ условіемъ моего родительскаго пожеланія; стоило-ли же вамъ такъ много заботиться и надрываться о различіи покроя? Что князь хотѣлъ намъ сказать этою притчею, мы совершенно то поняли и не знали, чѣмъ любоваться, ловкимъ-ли аполога столь удачно развивавшимъ самобытную идею князя, или этимъ невыразимымъ простодушіемъ, этою очаровательною граціею, которыя князь умѣетъ придавать всѣмъ своимъ разсказамъ, когда онъ бываетъ одушевленъ и въ свободномъ расположеніи духа. Свѣтлая эта терпимость князя не есть у него индеферентизмъ, но она проистекаетъ просто изъ любящаго сердца, безъ претензіи на похвалу людскую, безъ требованія отъ толпы одобренія. Князь отпустилъ Яна съ доброхотствомъ и достоинствомъ, далъ ему прочитать любопытный переводъ Іова и вѣроятно наполнилъ сердце его свѣтлыми чувствами зародившейся къ нему преданности и глубокаго уваженія. По уходѣ Яна мы начали заниматься своимъ дѣломъ, т. е. я сталъ читать князю три прошедшія меморіи, а его сіятельство слушать. Мои брульоны почти составляли восемь или девять листовъ мелкаго письма; это было трудненько и не для князя, а я еще имѣлъ гаменство неоднократно напоминать ему, чтобъ прилежнѣе слушалъ. Князь замѣтилъ мнѣ о нѣкоторыхъ моихъ несообразностяхъ, зачѣмъ напримѣръ вводить тривіяльность и безъ того уже въ разумноженный разсказъ, не нужно было писать о жалованьи канцлера и тому подобную пустошь. Кажется, не нужно также, продолжалъ князь, и дѣлать столь продолжи-

тельную выгяжку изъ обычныхъ нашихъ чтеній: они вѣрны у тебя эти извлеченія, и я удивляюсь твоей способности, но они не могутъ не утомлять тебя, и во всякомъ случаѣ разсказъ ихъ празднецъ, ибо каждый можетъ прочитать объ этомъ въ печатныхъ книгахъ. Сперва я не согласился съ княземъ, но, сидя въ коляскѣ, я передумалъ мое мнѣніе и нашелъ замѣчаніе его дѣльнымъ и справедливымъ. Чтеніе между тѣмъ продолжалось: князь давалъ мнѣ знать, что пора мнѣ и обѣдать, спрашивая, въ которомъ часу это у насъ дѣлается, не осердится-ли жена моя на меня, что я такъ долго заставляю ее ждать и проч. и проч. Къ этой идеѣ князь подходилъ неоднажды и съ разныхъ сторонъ. На языкѣ княжескомъ это означало уже полное нетерпѣніе, но въ порывахъ моего авторскаго махіавелизма я и не думалъ замѣчать, какъ проголодавшійся темпераментъ моего ближняго страдалъ и отъ скуки, и отъ голода. Князь выносилъ это самоотверженіе съ рѣдкимъ стоицизмомъ и кротостью; наконецъ, желанная минута избавленія для него наступила, и вотъ его сіятельство въ тотъ же моментъ вскочилъ со стула, бросился искать своей палки и au beau milieu моего разсказа съ замѣтнымъ удовольствіемъ отпустилъ меня отъ себя. Нетерпѣніе его, возросшее въ maximum развитія, очевидно было и по тому, что рѣдкія и собственной руки его документальныя бумаги отдалъ мнѣ по моему требованію безъ всякаго отлагательства и противорѣчія. Такъ я усидѣлъ моего вельможнаго начальника; такъ Демьянова ухa моя сдѣлалась ему приторна, и онъ буквально, по словамъ Крылова, схватилъ въ охапку только не кушакъ, а палку и въ туже минуту уѣхалъ на обѣдъ къ Нессельроде.— Здѣсь кстати замѣтить, что князь любитъ, какъ говаривала Екатерина Премудрая, всѣ роды, кромѣ скучнаго, и пропалъ я, если моя prolixité у него на одной полоскѣ со скукою. Вялость и скука противны ему и въ любезномъ ему человѣкѣ. Надобно было видѣть, какъ князь недавно, такъ сказать, перепугался, усмотря, что почтенный С. П. Глинка не на шутку принялся разсказывать ему о болѣзни своихъ домочадцевъ.

*

Однажды случилось, что кто-то имѣлъ продолжительный разговоръ съ Павломъ (врядъ ли Левашовъ-ли), но ничего изъ него не понялъ, а только лѣпился однѣми лишь неопредѣлительными фразами и работалъ тѣлодвиженіями; точка съ запятою Павлова періода ограничивалась у царя поднятіемъ перстовъ въ верхъ, а у этого господина точка и тире означались опусканіемъ пальцевъ въ низъ. Вотъ къ этимъ собесѣдникамъ подходитъ Императрица, которой Павелъ гово-

ритъ, указывая впрочемъ своему собесѣднику: вотъ и она съ нами согласна. Еслибы по несчастію, сказывалъ этотъ собесѣдникъ князю, Государыня спросила бы меня или завела разговоръ со мною, я бы сгорѣлъ со стыда и охладѣлъ бы отъ страха, не зная, что̀ отвѣчать ей, ибо я совершенно не понималъ, что̀ разсказывалъ мнѣ Павелъ, хотя и долго говорилъ съ нимъ.—Въ Петергофѣ однажды отправлялись въ церковь, вдругъ кивaетъ Павелъ князю, уже бывшему тогда камеръ-юнкеромъ и начинаетъ: Comment va le seigneur? Князь оробѣлъ.—Apparemment vous me boudez aussi comme tout le monde.—Князь справился, и все кончилось благополучно; это случилось за годъ до Московской его опалы.—Въ вечеръ, когда говорено было о блесткахъ, Павелъ получилъ анонимное письмо о лейбъ-гренадерскомъ полкѣ. Онъ ко всѣмъ придирался, ибо отставалъ тогда отъ Нелидовой и имѣлъ въ виду Чернышову.—Капризъ Павла къ актриссѣ Шевалье. Антреметтеръ князь Тюфякинъ. Она на содержаніи у Палена. Однажды Тюфякинъ тепнулъ на сценѣ Шевалье, и изгнаніе его было положено. Наговариваютъ Павлу. Исключаютъ изъ службы Тюфякина. Что ты у меня ничего не просишь? говоритъ Павелъ Александру. Александръ проситъ о Тюфякинѣ.—Сношенія князя съ Павломъ, когда еще былъ камеръ-пажемъ. Пародія епископа Аррaскаго. Comment va mon seigneur? Прогуливается верхомъ съ Государемъ, и это въ 7 часовъ утра. Во время коронаціи въ Москвѣ производится въ камеръ-юнкеры. Желаніе Государя красоваться на парадѣ Московскомъ, ставя Семеновскій полкъ съ Александромъ въ захолустье. Павелъ входитъ нечаянно къ больному Александру во время присутствія князя.—Петергофскіе праздники. Прогулка князя въ верхнемъ саду съ Тюфякинымъ. Маскарадъ. Государь изъ кабинета, а князь предъ террасою балкона составляютъ изъ себя драматическіе эффекты. Князь благословляетъ Государя. Александръ и зрители террасы, равно и изъ-подъ террасы, недоумѣваютъ, что̀ за комедія происходитъ.—Французская кадриль. Павелъ остановился возлѣ князя. Заговорясь съ Государемъ, оставилъ Толстую, съ которою танцовалъ. Разсыпанныя крупныя и мелкія блестки; есть и мои, сказалъ князь. Не хорошо оставлять даму. Я желалъ бы быть косымъ, сказалъ князь. Я не люблю косыхъ, возразилъ Императоръ, я люблю прямыя дѣйствія въ людяхъ. Я радъ, что я не косъ, сказалъ князь. Не нужно было отвѣтствовать Государю, который любилъ иногда говорить энигмами или аллегоріею.—Государь отказываетъ и осержается. Посылалъ дѣлать выговоръ Александру, который настаиваетъ о Тюфякинѣ. Павелъ отвѣчаетъ собственноручнымъ указомъ изъ Царскаго Села, въ которомъ назначена ссылка князю. Обо всемъ этомъ князь

получаетъ благовременно отъ Александра пространное увѣдомленіе. Отправляется къ генералъ-губернатору. Банальная фраза военнаго губернатора. Пріѣзжаютъ прощаться пріятели князя, въ томъ числѣ князь Дмитрій Владимировичъ. Сертучки Мальтійскіе. Письмо къ нему Александра. Смиренный домъ съ садомъ на Дѣвичьемъ полѣ. Возвращеніе изъ Москвы князя, не помню въ которомъ годѣ; встрѣчается генералъ-губернаторъ Московскій; вылѣзаетъ и его служебный образецъ изъ кибитки. Комендантъ Гессе добрякъ, но смѣшной оригиналъ. Однажды Павелъ, на Петербургскомъ дворцовомъ раутѣ, всталъ предъ княземъ и кѣмъ-то другимъ. «Мнѣ кажется, что я здѣсь въ безопасности».

*

Разговоръ нашъ начался о наградахъ; перемѣщеніе генералъ-адъютанта Головина изъ Варшавы въ главноначальствующіе надъ Грузіею подало поводъ князю сказать мнѣ нѣсколько любопытныхъ для современной исторіи подробностей объ этомъ довольно спѣшно идущемъ сановникѣ. Князь его лично зналъ, и ему были открыты нѣкоторыя вещи, которыхъ толпа не подозрѣвастъ.

Головинъ, по мнѣнію князя, есть человѣкъ ума свѣтлаго, распорядительнаго, обдержимый волею энергическою, столь полезною въ управленіи. Но при таковыхъ счастливыхъ дарованіяхъ, въ немъ всегда замѣтна была какая-то жесткость, часто проявлявшаяся даже въ жестокость. Служа въ военной службѣ, онъ имѣлъ всю возможность оказывать жестокость свою надъ бѣдными солдатами; но не одни солдаты страдали, терпѣли много отъ оной и домочадцы, служители, управители; все это болѣе или менѣе претерпѣвало отъ его жестокости. Во времена еще блаженной памяти Александра случай павелъ Головина на извѣстную Татаринову, и вотъ эта женщина какъ-то умѣла усмирить львиное сердце Головина. Свидѣтели тому умиротворенные домочадцы, которые не могли довольно нарадоваться знакомству барина съ Татариновою; да и самъ Головинъ мнѣ даже признавался во первыхъ въ бывшей въ немъ жестокости, вовторыхъ въ умиротвореніи себя отъ совѣтовъ, внушеній и особеннаго водительства Татариновой. Эта госпожа была нѣкогда представительницею въ Петербургѣ секты такъ называемыхъ пророковъ или скопцовъ. Члены сего общества, чтобъ удержать вліяніе духа надъ плотію, должны были между прочимъ кружиться, но чего однакожъ Головинъ и не дѣлалъ, а начальница заставляла его вмѣсто того класть земные поклоны, которые онъ и исполнялъ: онъ клалъ таковыхъ поклоновъ, по его словамъ, тысячи

по три заразъ. Сперва мнѣ это было тяжело, говорилъ Головинъ князю, а потомъ я привыкъ, и мнѣ это отрадно и сладко казалось; въ себѣ же я чувствовалъ, что я становлюсь кротчае и мягче. Головинъ считался тогда на службѣ у великаго князя Николая Павловича, которому не нравилась близость его съ Татариновою; великій князь говорилъ объ этомъ императору Александру, тотъ призывалъ Головина, совѣтовалъ ему разъединиться съ Татариновою, сказывалъ ему, что недоволенъ тѣмъ брать его и проч. Головинъ добросовѣстно признался Александру и въ своей бывшей жестокости, и въ той пользѣ, которую доставили душѣ знакомство и близкое его единеніе съ Татариновою. Государь, говорилъ Головинъ Александру, я по совѣсти не могу разстаться съ тою женщиною, которая была для меня видимымъ орудіемъ милосердствующаго о мнѣ Промысла. Великодушіе и справедливость Александра прекратили тотъ же разъ всѣ разысканія и спросы. Если ты точно и по совѣсти получаешь чрезъ посредство этой особы пользу душѣ своей, сказалъ ему Александръ, то я тебѣ позволяю продолжать съ нею знакомство и беру еще на себя упросить брата, чтобъ онъ не досадовалъ болѣе на тебя и не имѣлъ бы подозрѣнія. Дѣло тогда тѣмъ и кончилось. Головинъ продолжалъ и служить, и бить поклоны до вступленія на престолъ нынѣшняго Государя Императора. Николай, не знавшій достоинствъ Головина, вдругъ назначаетъ его генералъ-губернаторомъ въ Оренбургъ. Но Головину не хотѣлось разстаться съ Татариновою, и онъ не только что отказался отъ назначеннаго ему мѣста, но имѣлъ еще дерзновеніе подать Государю прошеніе, чтобъ уволить его и отъ генералъ-адъютантскаго званія. Не было примѣровъ, чтобъ отказывались отъ столь лестной для всѣхъ обязанности, каково генералъ-адъютантство при особѣ Императора. Государь увидѣлъ въ этомъ поступкѣ Головина и дерзость, и фанатизмъ; но онъ исполнилъ его желаніе, выпустилъ его въ отставку и сослалъ на житье въ Нарву. Головинъ отправился туда, можетъ быть съ веселымъ помысломъ исповѣдничества. Но время его образумѣло, и онъ успѣлъ и охолодиться, и одуматься.

Началась война съ Турками, и вотъ Головинъ пишетъ къ Государю письмо, гдѣ жалуется на недостатки, скучаетъ своимъ бездѣйствіемъ и проситъ у Царя, какъ милости, позволенія вступить въ дѣйствующую армію противъ Турковъ. Государь охотно соглашается, даетъ ему позволеніе ѣхать въ армію, и вотъ Головинъ опять попадаетъ въ колею службы, которую однако съ честію отправляетъ во всю Турецкую кампанію. Государь остался имъ доволенъ и въ послѣдствіи назначилъ его въ Польшу, гдѣ онъ съ пользою занималъ и послѣднее свое званіе, изъ котораго теперь переведенъ волею Госу-

даря въ главноначальствующіе въ Грузію. Мнѣ извѣстно да и самъ Государь при мнѣ отзывался, что онъ доволенъ Варшавскою службою Головина. Одно что-то мнѣ только странно кажется въ Головинѣ, примолвилъ князь, что, бывши въ послѣдній разъ министромъ просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, ему вздумалось составить проектъ школьной инструкціи, гдѣ онъ рѣшился ввести въ школахъ обвѣтшалое, понудительное средство розги. По нынѣшнему времени это мнѣ кажется немножко и странно. Ничего тутъ нѣтъ страннаго, замѣтилъ я князю, а напротивъ дѣло очень хорошее: въ Кембриджскомъ и Оксфордскомъ университетахъ не рѣдятъ дѣлать подобные инспекторскіе смотры даже самой аристократіи Англійской; а для нашихъ школьниковъ это даже необходимо.

*

Исправлявшій должность министра внутреннихъ дѣлъ Енгель предложилъ князю въ Государственномъ Совѣтѣ нѣсколько десятинъ земли чрезполосной, но это не состоялось; княгиня Анна Сергѣевна нашла землю около себя, на первый разъ десятинъ около одиннадцати, но оказалось менѣе; потомъ отъ Татаръ еще куплено десятинъ до двухъ; плачено по 1.000 рублей десятина. Чтобъ развести въ имѣньицѣ садъ, князь послалъ изъ Петербурга садовника Крамера, назначивъ ему значительное содержаніе. Теперь у него садовникомъ Французъ Савари.—У князя было имѣніе въ Тверской губерніи до 950 душъ, которое онъ продалъ Министерству Удѣловъ по 100 рубл. за душу. На постройку Кастеля и улучшеніе землицы князь употребилъ болѣе 100.000 рублей, продалъ свою Андреевскую брилліантовую звѣзду, продавалъ нѣкоторыя подаренныя ему табакерки съ брилліантами, другія табакерки передѣлывалъ, вынимая изъ оныхъ значительные брилліанты для продажи.

*

Анна Сергѣевна Голицына, Александра Петровна Хвостова, старуха Криднерша, дочь ея баронесса Бергеймъ, графиня Гашетъ въ одномъ домѣ. Князь нечаянно заѣзжаетъ и видитъ всѣхъ больными. Алекс. Петр. охаетъ, графиня Гашетъ катается кубаремъ по полу; всѣмъ имъ дано крѣпкое врачевство Леруа. Проблематическое лице Гашетъ. Похожденія ея въ Дрезденѣ: поутру мущина, въ вечеру une dame fringante. Въ понятіяхъ княгини она diablesse, которую надобно обратить. Государь предупреждаетъ княгиню чрезъ князя и прямо говоритъ ей, что она шпіонъ. Княгиня держитъ Государю тотъ же

отвѣтъ съ прибавленіемъ, что она не боится никакого шпіонства. Я лично знавалъ графиню; двукратное мое посѣщеніе этой графини. Причины онаго: déjeuné fin и vin de paille. Сундукъ съ оружіемъ. Вѣнское производство цвѣтнаго стекла, выдѣлка изъ онаго чепчиковъ, перьевъ и разныхъ brinborions. Продажный дормезъ. Сила графини Гашетъ, токарный станокъ. Слухи и догадки, разговоръ ея съ Коленкуромъ. La fille de la Vendée и наконецъ извѣстная графиня Ламотъ-Фуке, похитившая вмѣстѣ съ Рогаломъ склаважъ у королевы. Княгиня Анна Сергѣевна нашла возможность смирить графиню. Покупка княгинею дачи. Инвенція графини отдѣлать ее за полторы тысячи рублей. Первая комната съ еловыми шишками, другая покрытая мастикою. Эрмитажъ въ саду для графини. Октогонная бесѣдка, выстраивающаяся подъ присмотромъ графини. Крестьянинъ ее не понимающій есть по ея мнѣнію un sacré bête russe. Сама работаетъ топоромъ. Ноттюрно на террассѣ бесѣдки изъ Бергеймши и не знаю еще кого-то. Въ бесѣдкѣ Распятіе и притомъ такъ, что весь свѣтъ на него ударяетъ. Князь сиживалъ въ бесѣдкѣ и задумывался, слушая мелодическій и унылый гимнъ вечерній. Отношенія княгини къ Криднершѣ. Она poule mouillée въ присутствіи княгини; князь отвозитъ ее на дачу. Запрещеніе отъ Государя къ ней ѣздить. Тайное приказаніе Александра князю, чтобъ ѣздить и навѣщать Криднершу, между тѣмъ какъ царь съ важностію принималъ донесенія тайной полиціи, что князь ѣздитъ къ Криднершѣ. Тощій обѣдъ на дачѣ; нѣкоторая живость по предмету гастрономіи тогда, когда князь пріѣзживалъ на обѣдъ, и добродушное сознаніе въ томъ хозяйки дома. Французъ лакей три года безъ жалованья. Графиня Гашетъ умираетъ въ Бакчисараѣ и оставляетъ будто бы много денегъ банковыми билетами. Князь читалъ намъ письмо, полученное отъ графини Потемкиной съ приложеніемъ письма, полученнаго графинею изъ Вѣны отъ княгини Анны Сергѣевны, служащее отвѣтомъ на письмо къ ней графини. Когда Государь былъ въ Крымской виллѣ княгини Анны Сергѣевны, графиня по добросердечію своему имѣла благодушное дерзновеніе предложить Государю Императору, чтобъ онъ также надписалъ на стѣнѣ у княгини, какъ написалъ въ князевомъ Кастелѣ. Разумѣется, что Государь не согласился, и вотъ объ этомъ княгиня Анна Серг. и отвѣчаетъ графинѣ. Здѣсь надобно испросить у князя позволенія выбрать самые тексты письма, мое же дѣло изобразить общій характеръ переписки князевой съ княгинею. Князь любитъ оригинальность слога и энергію писемъ княгини. Иногда и даже часто прочитываетъ нѣкоторыя мѣста изъ этой переписки самому Государю. Однажды княгиня, поздравляя князя съ совершеннолѣтіемъ Це-

саревича, вдругъ проситъ ходатайства князя въ необыкновенномъ дѣлѣ и которое не менѣе состояло, какъ въ прощеніи одного государственнаго преступника и въ обратной выдачѣ конфискованнаго уже казною его имѣнія. Письмо написано было въ сильныхъ выраженіяхъ, и что же, князь нашъ не усумнился попробовать въ этомъ дѣлѣ, и великодушная милость увѣнчала полнымъ успѣхомъ великодушное предстательство князя. Князь обязанъ княгинѣ за устроеніе Кастеля.

Изъ Русскихъ Лафатера знавалъ и не одинъ Кошелевъ; съ нимъ былъ знакомъ и покойный канцлеръ Румянцовъ. Случалось князю разговаривать съ канцлеромъ о Лафатерѣ. Эти разговоры были по необходимости, ибо, сидя иногда съ Румянцовымъ въ пріемныхъ комнатахъ дворца и дожидаясь выхода Государя, князь не имѣлъ возможности уклониться отъ болѣе нежели праздныхъ разговоровъ Румянцова. Вотъ напримѣръ мнѣніе Румянцова о Лафатерѣ. Жалко мнѣ, говорилъ онъ князю, что этотъ человѣкъ, которому нельзя отказать въ умѣ, вѣрилъ всякому вздору; онъ бы могъ быть чѣмъ-нибудь поважнѣе, продолжалъ Румянцовъ; я видѣлъ, какъ его все уважало, какое обширное вліяніе могъ онъ имѣть на своихъ современниковъ. Да что же бы ему дѣлать по вашему? сказалъ я графу. Мало ли что, возразилъ онъ мнѣ: при эдакомъ умѣ, могъ бы даже и новую религію составить; могъ бы обратить къ себѣ толпу и мало ли чего могъ бы надѣлать. Il s'est dépensé en petite monnaie. Странный былъ человѣкъ этотъ канцлеръ Румянцовъ; онъ часто мнѣ надоѣдалъ своими философскими разсужденіями. Мнѣ небезъизвѣстно, князь, говаривалъ онъ мнѣ, что вы мало-по-малу занимаетесь, какъ бы сказать, вотъ этими дѣлами религіозными; да ну какъ же вы при умѣ вашемъ можете принимать эту троичность въ Богѣ и проч. и проч? Признаюсь, что я такимъ вымысламъ вовсе не вѣрю, и даже мнѣ случилось объ этомъ разговаривать довольно долго съ одною Нѣмецкою принцессою, одною изъ умнѣйшихъ принцессъ; она совершенно во всемъ со мною была согласна; и что такое за выдумки, что за голубь въ Богѣ, что за духъ? Г. графъ, отвѣтствовалъ я ему на его же ладъ. Святой Троицѣ отъ этого ни тепло ни холодно, утверждаете ли вы ее или отрицаете. Признаюсь, я никакого не имѣлъ созвучія съ Румянцовымъ, да и вообще се n'était pas un homme de société, pas même l'homme d'affaire. Однажды странный онъ разсказывалъ мнѣ анекдотъ. Надобно тебѣ сказать, что Румянцовъ нѣкогда очень былъ хорошъ у Наполеона; вскорѣ послѣ Эрфуртскаго сейма Государь отправилъ его въ Парижъ, и вотъ онъ, ходя однажды съ Наполеономъ по комнатѣ, спросилъ его: Скажите мнѣ, Ваше Величество, кого вы избрали себѣ въ наслѣдника? Надобно тебѣ сказать, что Наполеонъ не бывъ тогда женатымъ на императр.

Маріи Луизѣ, назначилъ однако себѣ наслѣдника и, запечатавъ это назначеніе въ конвертъ, отдалъ его подъ строгое храненіе блюстительному своему сенату или можетъ быть и законодательному собранію. Въ самой даже Франціи ни тогда, ни послѣ не знали объ этомъ назначеніи, по крайней мѣрѣ это было не тайною для весьма немногихъ; во всякомъ случаѣ обстоятельство это было непріятнымъ напоминаніемъ бездѣтному императору, и спрашивать его о томъ было и неполитично, и даже неблагоразумно. Какъ же ты думаешь, что Наполеонъ отвѣчалъ ему. Вотъ вмѣсто отвѣта, императоръ какъ бы нечаянно ударилъ себя по лбу, думая что-то вспомнить и потомъ туже минуту наивно сказалъ ему: Знаете ли, г. графъ, вѣдь я забылъ кого я назначилъ наслѣдникомъ, ну совершенно изъ памяти вышло. Румянцовъ, продолжалъ князь, въ полной увѣренности оставался и тогда, какъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ, что Наполеонъ совершенно забылъ имя избраннаго имъ наслѣдника. Ну теперь ты можешь себѣ представить, что̀ такое былъ Румянцовъ. Противно мнѣ въ немъ было, что онъ, во время оно, s'est sacrifié pour ainsi dire à Napoléon. Было то несчастное времячко, когда блаженной памяти Александръ и самъ прилѣпился къ Наполеону; тотъ обаялъ было его своимъ мнимымъ величіемъ, и въ этихъ чувствахъ канцлеръ Румянцовъ крѣпко вистовалъ Государю. Извѣстно, что онъ говаривалъ императору Французовъ: Sire, j'ai une illusion, comme si j'étais votre sujet. Можно ли Русскому такъ забыться! Румянцовъ всегда былъ человѣкъ съ посредственными качествами, но желаніе его было однако вырости во что нибудь даже во времена Екатерины. Государыня попробовала его и велѣла написать ему какое-то изложеніе по части общаго взгляда на Россію; вотъ онъ и написалъ, да такъ написалъ, что Императрица принуждена была приказать Льву Кириловичу Разумовскому меморію его даже истребить въ самомъ архивѣ: такъ она была странна и несовмѣстна. Напримѣръ, я вспоминаю кое-что изъ его выраженій. Говоря про Россію, онъ называетъ ее брюхатою и проч. и проч. C'était un homme médiocre, сказалъ князь, заканчивая свой разговоръ о Румянцовѣ.

У насъ въ Россіи вмѣсто того, чтобъ преслѣдовать и уловлять обрѣдѣлую истину, которая какъ феноменъ проявляется и исчезаетъ, вмѣсто того, чтобъ уловлять, говорю—тушатъ ее. Боятся подходить къ ней близко, видятъ даже въ томъ какой-то соблазнъ, потому только, что эта истина не въ одной рамкѣ съ избитыми нашими понятіями о натурѣ духа человѣческаго. Къ удивленію даже люди исполненные практическаго христіанства со всею доброю ихъ волею пугаются таковыхъ событій, уклоняются отъ оныхъ, всячески засло-

няютъ развитіе ихъ и обслѣдованіе и сжимаютъ ихъ, такъ сказать, въ самомъ зародышѣ. Вотъ недалеко сказать, сама блаженной памяти императрица Марія Ѳедоровна, за практическое христіянство которой я могу торжественно поручиться, ибо сердце ея мнѣ было совершенно извѣстно, не была изъята подобныхъ опасеній. Слово мистицизмъ было синонимомъ зловѣщаго для нея слова; она опасалась и боялась всего, что̀ не подходило къ необыкновенной жизни, видимой формальности. Однажды, въ какомъ-то изъ публичныхъ ея заведеній, помнится въ институтѣ Марьинскомъ, приведены были дѣвочки въ церковь къ обѣднѣ. И когда, во время литургіи, царскія врата по обыкновенію были отворены, вдругъ одна изъ дѣвочекъ затряслась отъ радости или отъ испуга и бросилась съ крикомъ прямо къ вратамъ царскимъ; она увидѣла въ алтарѣ, на одной изъ сторонъ престола, стоящую покойную свою мать, которая къ ней обратилась и на нее смотрѣла. Когда объ этомъ донесли Государынѣ, она очень встревожилась, сочла это прилипчивымъ, болѣзненнымъ припадкомъ и тотъ же разъ, подъ благо́виднымъ предлогомъ, велѣла удалить дѣвочку изъ заведенія и отдать ее на руки родственникамъ ея въ Петербургѣ, накрѣпко запретивъ и говорить о томъ. Но другое такое же, но еще съ бо́льшими развитіями событіе, какъ бы нарочно въ скорости же случилось, послѣ перваго, чтобъ убѣдить Марію въ тщетномъ напряженіи ея уничтожить подобныя проявленія. Въ Смольномъ монастырѣ, на дворянской половинѣ, вдругъ заболѣваетъ одна воспитанница; пособія врачей сейчасъ же встрѣтили ее въ началѣ недуга, но ничто не помогало; между тѣмъ воспитанница сама по себѣ впала въ какой-то сонъ пророчественный и громко говорила окружающимъ ее, что она еще болѣе разнеможется, что вскорѣ за этимъ лишится и зрѣнія, потеряетъ слухъ; что тщетно приставленные врачи будутъ лѣчить, ибо она никакой пользы отъ нихъ не получитъ; но чтобъ быть ей здоровою, въ чѣмъ однако она еще сомнѣвается, необходимо для нея исповѣдаться и пріобщиться Святыхъ Таинъ; но такъ какъ будущая глухота, чтобъ не помѣшала ей того исполнить, то для нея необходимо, чтобы священникъ, который будетъ ее исповѣдывать, пальцами рукъ своихъ взошелъ бы съ нею въ соприкосновеніе. Не всякій священникъ, говорила она, къ этому способенъ; всего менѣе нашъ законоучитель, продолжала она; но есть однако въ Петербургѣ одинъ таковый, который способенъ къ этому дѣлу и охотно на это рѣшится; здѣсь она назвала по имени этого священника, хотя въ бодрственномъ состояніи она никакого даже слѣда не имѣла знать священниковъ Петербургскихъ. Что же касается до медикаментовъ, которые бы могли быть ей полезными, то она также сдѣлала указаніе, что этого специфика

для нея искать надлежитъ не по аптекамъ, гдѣ его не найдутъ, но что именно у одного врача есть на дому, по опредѣлительнымъ словамъ ея, какая-то фіоль съ извѣстнымъ настоемъ, и что если ей этого дадутъ, то можетъ быть она при помощи Божіей и будетъ здорова. Проснувшись, дѣвочка ничего объ этомъ не помнила, но о сказанномъ ею начальница заведенія, извѣстила мадамъ Брейткопфъ, въ тотъ же разъ лично донесла Государынѣ. И тѣмъ болѣе обязана была Брейткопфъ это сдѣлать, что дѣвочкѣ точно стало дѣлаться такъ дурно, какъ она предсказала. Врачи заведенія нисколько не могли ей помочь, провѣщательныя вещи начали сбываться; зрѣніе совершенно притупилось вмѣстѣ съ проявленіемъ глухоты совершенной. Государыня всполошилась, выслушавши отъ начальницы таковое донесеніе. Ma chère madame Breitkopf. Qu'est ce que c'est que cela, comment faire? Au nom de Dieu, que cela ne fasse pas l'éclat! Результатъ всего этого, что Государыня не велѣла исполнять требуемаго дѣвочкою, дабы избѣжать городской молвы, соблазна, и все это для того, чтобъ не подумали, что въ заведеніяхъ у царицы дѣлаются или случаются необыкновенныя происшествія и проч. и проч. Дѣвочкѣ однакожъ становилось хуже и хуже, и она ясно и опредѣлительно во снѣ повторяла, что точно не переживетъ своей болѣзни, если ей не дадутъ тѣхъ пособій, которыхъ она прежде требовала. Брейткопфъ уже на себя взяла ослушаться Государыни и сдѣлала по требованіямъ дѣвочки: отыскала того священника, призвала назначеннаго врача, и вотъ дѣвочка наша выздоровѣла и стала опять по прежнему. Объ этомъ знало все заведеніе и не могло не говорить; сама Брейткопфъ разсказывала à qui veut entendre, несмотря даже на запрещеніе Государыни. Особенность событія, добросовѣстность нужная для засвидѣтельствованія истины, выводили въ нѣкоторомъ смыслѣ самую Брейткопфъ изъ ея свѣтскаго благоразумія; она не могла не говорить о томъ: такъ была поражена случившимся.

Письма къ князю А. Н. Голицыну изъ поѣздки въ Гапсаль (1839).

1.

14-го Іюня я сѣлъ въ свою докторскую каретку: провожатыхъ никого не было, вызывались было нѣкоторые худородные міра сего, но я откровенно сказалъ таковымъ Русскую пословицу: что дальные проводы, лишнія слезы. Будь я откупщикъ, будь я директоръ хотя какого-нибудь департамента, будь я вице-губернаторъ, или предсѣдатель гражданской палаты, коммерческаго суда и проч.: тогда служеб-

ный людъ, или людъ участливый заглушилъ бы меня восклицаніями, всегда на этотъ разъ готовыми, закурилъ бы меня табачнымъ дымомъ, забрызгалъ бы ароматомъ аи, или медвяною пѣнкою нашего роднаго Дона. Накрапалъ дождичекъ; вѣтеръ подымалъ облака пыли: я сидѣлъ прислонясь къ сторонкѣ кареты, и душа моя медленно развивала клубокъ изъ колючаго вервія. Что со мною будетъ, думалъ я, оставляя больную жену, единственнаго, можетъ быть, на землѣ друга, пожелавшаго всѣмъ сердцемъ провожать меня, умирающую старухутетку; что если старица окончитъ дни свои безъ меня, вынесутъ-ли этотъ случай разстроенныя нервы жены моей, еслибъ даже вынесло ея кроткое сердце, подкрѣпленное религіею и самопреданіемъ! Мыслей было много; всѣ онѣ были мрачны; онѣ спѣшно расползались по всему существу моему и холодили меня своимъ прикосновеніемъ.

Дорога до Кипени лѣсиста. Зелень деревъ, колеблемая вѣтромъ, утѣшала и даже укрѣпляла приглядѣлые глаза мои. Блѣдная зелень ржи, достигшей уже въ колосъ, волновалась роскошною зыбью; травы прекрасныя; вездѣ ароматъ, вездѣ жизнь, вездѣ движеніе. Я открылъ одно окошко въ каретѣ, на другое спустилъ шелковую занавѣску, и прохладный вѣтерокъ свѣялъ съ меня остатокъ мрачныхъ мыслей, освѣжилъ мою внутренность, навѣялъ радость и надежду. Доказательствомъ возстановленнаго мира въ дорожномъ существѣ моемъ можетъ послужить между прочимъ и то, что мой г. министръ финансовъ (такъ знаменитый Московскій врачъ Дядьковскій называлъ свой желудокъ) возвысилъ голосъ и доложилъ мнѣ о своей особѣ, т.-е. объ обѣдѣ.

2.

Гапсаль, 30-го Іюня 1839.

Мудрые изъ людей сравниваютъ человѣка съ Богомъ; по ихъ понятіямъ человѣкъ есть маленькій только божокъ, микротей, отраженіе Великаго Цѣлаго. Что у Великаго Цѣлаго составляетъ самобытное творчество, то у насъ замѣняетъ воображеніе. Великій Цѣлый, именуя вещь, вмѣстѣ и творитъ ее; малый, называя вещь, умѣетъ лишь ее вызвать отъ куда-то и представить предъ собою, иной смутно, другой живо, третій живѣе. Воображеніе человѣческое въ настоящемъ видѣ есть сила уже ослабшая и разстроенная, но она носитъ въ себѣ зародышъ или зерно великаго будущаго могущества и есть даръ по превосходству отъ Великаго даровъ Раздавателя.

Ваше сіятельство не любите однако воображенія, потому что опасаетесь фантазіи; еще болѣе, вы обижаете воображеніе, называя его

домашнею дурою, по словамъ вашимъ, наглою и часто безпокойною; если она безпокойна и выходитъ изъ предѣловъ приличія, кто же тутъ виноватъ, какъ не мы сами? Что же касается до меня, то она мнѣ теперь, право, задушевный товарищъ, точно мать родная. Никогда она для меня не была такъ любезна, какъ нынѣ. Въ теперешнемъ глубокомъ моемъ уединеніи, чего-то она мнѣ моя голубушка не показала, чего-то не разсказала. Вотъ вчера, напримѣръ, вдругъ перенесла она меня прямо къ вамъ въ кабинетъ; мы только что вышли изъ-за стола; дѣло все уже было сдѣлано, чарка Венгерскаго выпита, омовеніе устъ и рукъ покончено, послѣдній звукъ нашей сладкой, обычной мелодіи затихъ въ воздухѣ; ваше сіятельство мѣрною своею поступью уже выступали по гостиной и вели свою сестрицу, которая, не поспѣвая за вами, сдваивала шагъ... Въ дверяхъ залы мы споримъ съ Гавриломъ Степановичемъ въ великодушіи, кому предоставить первому отправиться изъ-за обѣда; но уже ваше сіятельство подходите къ кабинету, уже голова Михайлы выглядываетъ изъ-за дверей, чтобъ пріотворить ихъ поболѣе и пропустить сытую вашу особу на обычное мѣсто вашего сидѣнія.

Но прежде чѣмъ вы сѣли, вы подошли къ бюро; тамъ изъ извѣстнаго вамъ мѣста вы взяли что-то и, подходя къ моему стулу, молча и тихонько опустили мнѣ въ руку половину мятной конфетинки; уже низенькія мои кресла, нѣкогда достояніе любезнаго вамъ старца Всеволодскаго, придвинуты и стоятъ на своемъ мѣстѣ противъ вашего дивана; въ тоже время, ваше сіятельство изволили сѣсть на лѣво отъ того же дивана на первомъ или ближайшемъ креслѣ; ваша сестрица сѣла противъ васъ на маленькомъ канапе, а Гаврило Степановичъ помѣстился съ вами рядомъ, то-есть также налѣво отъ дивана, но поближе ко мнѣ; иногда и вы садитесь на это же кресло, но это не бываетъ такъ часто.

По кабинету вашего сіятельства все обстоитъ благополучно; новаго на этотъ разъ не имѣется, развѣ только то, что впущенъ свѣжій воздухъ; сторы снова опущены, хотя окошки и открыты; температура отъ 17 до 18 градусовъ тепла. Ваше сіятельство чувствуете себя въ бодромъ состояніи. Садясь, вы медленно и темписто вынимаете свою табакерку; и придись же, что на этотъ разъ и табакерка ваша, одна изъ любимыхъ, то-есть та самая, которая горитъ всѣми семью цвѣтами радуги. Ваше сіятельство медленно и упоительно начинаете нюхать свой табакъ. Послѣ стола какъ-то нюхается лучше: звѣриному человѣку засыпано корму, и наполненный стомахъ не завидуетъ и не мѣшаетъ прочимъ частямъ тѣла; ему теперь не до нихъ, слѣдова-

тельно по законамъ физіологіи притеченіе жизненныхъ духовъ къ носу бываетъ обильнѣе.

Ваше сіятельство отыскали на сей разъ апогей этого притеченія, и вотъ вы нюхаете, повторяю, живописно и упоительно: табакъ маратъ ваши пальцы и богато сыплется на полъ. Я сказалъ, что вы бодренько себя чувствуете; нѣтъ, выраженіе мое неполно и потому неполно, что я замѣтилъ въ васъ ту мину, которая такъ идетъ къ лицу вашему, ибо въ немъ просвѣчивается и невольно обнаруживается нѣга сознанія добраго дѣла, въ тайнѣ совершеннаго; словомъ, ту мину, съ которою желалъ бы я, чтобы вы остались на цѣлую вѣчность.—Право, не буду спать, говорите вы мнѣ, улыбаясь, и все выслушаю, что ты мнѣ ни разскажешь; мнѣ и вредно послѣ обѣда спать; начинай: истинно не буду дремать, увидишь самъ. Мина добрая, надежная, подумалъ я самъ про себя; видно сегодня породзано довольно пансіонцевъ; или, можетъ быть, сошло удачно съ Государемъ, то-есть у него кѣмъ-то выпрошена какая-нибудь новая милость для бѣднаго.

Оговариваясь, какъ прилично разскащику, еще пристально взглянувъ на князя, чтобъ удостовѣриться въ бодрственномъ его состояніи, понюхавъ и самъ табачку, котораго, скажу мимоходомъ, князь уже у меня съ нѣкотораго времени не проситъ, хотя мой табакъ нисколько не уступаетъ въ добротѣ его собственному, я принимаюсь за длинный разсказъ. Извольте слушать.

Кажется уже прежде было говорено, что на станціи Кипени у меня былъ дурной обѣдъ. Не смотря на это, я покатился далѣе, и мнѣ сдается, что скорая ѣзда была слѣдствіемъ значительности моего почтоваго званія: смотрители на станціяхъ все прежніе почтальоны; иные обо мнѣ слыхали, иные видали. Задержки нигдѣ не было; лошадки добрыя, ямщики залихватскіе, и вотъ изъ Кипени тройка помчала меня во всю прыть конскую.

Удалы мчатъ, закинувъ гривы;
Земля дрожитъ, и пыль столбомъ;
Прощайте дни мои счастливы,
Прощай отеческій мой домъ!

Проговоривъ съ услажденіемъ эти старомодные стихи, я и не видалъ, какъ Морфей по-студенчески заключилъ меня въ свои объятія, и я проснулся уже на станціи Косковѣ, проѣхавъ 19-ть верстъ. Еще мелькнула 21-я верста, и я ступилъ на порогъ станціи Чирковицъ. Солнце уже стояло низенько, и я рѣшился здѣсь ночевать. Пока приготовляли мой чай, я долго ходилъ одинъ одинешенекъ по отдѣлен-

нымъ и уединеннымъ покоямъ царской половины; размышленія безъ образовъ и лицъ смутно толпились въ душѣ моей, я былъ расположенъ къ унынію и безпокойно провелъ ночь. 15-го Іюня, утромъ, накрапалъ дождичекъ, который однако не мѣшалъ мнѣ имѣть всѣ удобства въ каретѣ; заключившись въ ней, какъ Діогенъ въ свою бочку, я чувствовалъ себя одинокимъ и разъединеннымъ отъ земли и ея обитателей. Это чувствованіе не безъ роскоши; и я безъ скуки проѣхалъ станцію Ополье и въѣхалъ въ маленькій городокъ Ямбургъ, гдѣ ожидало меня хотя обыденное, но забавное происшествіе. Вотъ, ваше сіятельство, какъ это случилось.

Но прежде чѣмъ я начну разсказывать мой анекдотъ, мнѣ хочется бросить взглядъ на своихъ слушателей. И вопервыхъ, въ лицѣ Гаврила Степановича я замѣчаю какое-то номадное расположеніе; я именуя его Татарскимъ, а другіе бы сочли просто за разсѣяніе. Въ небольшихъ, но исполненныхъ огня глазкахъ Елисаветы Михайловны пробивается какое-то нетерпѣливое чувство; вѣрно не отъ скуки, подумалъ я (только что начинаю). Мнѣ показалось, что князь всѣхъ бодрѣе слушаетъ, но въ этотъ моментъ мое наблюденіе застигнуло особу его сіятельства сидящимъ не подъ прямымъ уже угломъ, какъ это обыкновенно бываетъ, а нѣсколько въ косвенномъ наклоненіи, примѣрно градусовъ въ 60; вотъ и нога на ногу были у него дружно занесены, а это худой знакъ, подумалъ я, ибо ясно смекалъ, что князь не на шутку и классически приноравливается къ спанью.

Что же, ваше сіятельство, молвилъ я, прикажите-ли продолжать разсказывать?—Какъ же, какъ же, разсказывай; я слушаю, право, слушаю!—«Да зачѣмъ же вы глаза-то, князь, зажимаете?»—Право не сплю; такъ зажалъ: лучше какъ-то слышится; вниманіе болѣе сосредоточено; я право, все помню, что̀ ты мнѣ ни сказывалъ; вотъ пріѣхалъ въ Ямбургъ, говорилъ ты, ну что̀ же съ тобою?»... А вотъ что̀, ваше сіятельство. Подвезли меня къ трактиру; утренній моціонъ расположилъ меня къ аппетиту; взошедши на верхъ въ комнату, я увидѣлъ группу Петербургскихъ Нѣмцовъ и Нѣмокъ, плотно присѣвшихъ за завтракомъ. Мущины были взрослые кадеты изъ Горнаго Корпуса, а дамы ихъ сестрицы. Хорошо-ли приготовленъ супъ? спросилъ я Нѣмокъ; порядочно, отвѣчали онѣ мнѣ. Дай же, хозяйка, и мнѣ пообѣдать, вскричалъ я стенторовымъ голосомъ; между тѣмъ, велѣлъ вынуть мое дорожное вино и спокойно сѣлъ, ожидая своевременнаго и слѣдовательно болѣе смачнаго обѣда, ибо было два часа пополудни. И вотъ проходитъ четверть часа, нѣтъ обѣда; проходитъ и другая, нѣтъ также обѣда. Я начинаю уже сердиться, какъ, наконецъ, доморощенная трактирная Геба босикомъ, т.-е. служительница заведенія,

является ко мнѣ съ колоссальнымъ подносомъ, на которомъ въ романтическомъ безпорядкѣ стояли яства; я бросился на Русскія щи изъ капусты и вижу, что щи поданы испорченныя; можетъ быть во второй разъ разогрѣтыя. Подступилъ къ жаркому: цыпленокъ былъ не изжаренный, а такъ просто вяленый. Что мнѣ оставалось дѣлать? Я позвалъ къ себѣ почтальона. Что, братъ, женатъ-ли ты? Женатъ, ваше высокоблагородіе. Если женатъ, то что хозяйка твоя сегодня у тебя варила?—Лапшичку, ваше высокоблагородіе.—Сдѣлай же милость, лапка, дай мнѣ этой лапшички. Бравый почтальонъ не долго себя заставилъ ждать, сейчасъ явился съ тарелкою Русской лапши, горячей, съ искоркой, только что изъ печки; на закраинахъ тарелки отливалъ жирокъ, ароматный для обонянія, желанный для вида. Я, какъ Русскій человѣкъ, тотъ же часъ прикрупился къ Русскому блюду; но вотъ вижу вбѣгаетъ ко мнѣ косматая Нѣмка, у которой подбородокъ сходится съ носомъ (настоящіе патентованные Англійскіе щипцы, извѣстные нодъ именемъ тупоносовъ); вмѣсто шлыка, сидѣлъ у нея на головѣ чепчикъ, что въ простонародіи называютъ растягай, вся багровая отъ гнѣва и прямо ко мнѣ. Вмѣсто рѣчей полилась у пожилой Нѣмки какая-то импровизація Русскихъ и Нѣмецкихъ словъ. Я сперва подумалъ, не языкъ-ли это юной Германіи; но, видя, что она на меня сердится, положилъ ложку и, съ важностію чиновника особыхъ порученій, спросилъ ее: что тебѣ, тетеря, надобно? Какъ вы смѣли, вскричала Нѣмка, еще болѣе, можетъ быть, возъярившаяся отъ моей клички, какъ вы смѣли приказать почтальону подать себѣ супу и притомъ въ комнатахъ царской гостинницы?—А ты какъ смѣешь кормить проѣзжающихъ гнилыми щами? Разговоръ у насъ былъ громкій; зрителями всего были кадеты Горнаго Корпуса и ихъ миловидныя родственницы; трактирная Геба, прижавшись въ уголокъ, не безъ интереса ожидала, чѣмъ кончится драма; почтальонъ, вытянувшись какъ струнка съ почтеньемъ, также ждалъ конца въ другой комнатѣ. Наконецъ я, взявъ на себя значительное лицо человѣка немаловажнаго, съ достоинствомъ и тишиною объявилъ Нѣмкѣ, чтобы шла за двери и оставила меня въ покоѣ. Она, засучивая рукава, пошла прочь, бормоча и грозя, что пожалуется и на меня и на почтальона г-ну Нарвскому почтъ-мейстеру. Только что непріятель ушелъ, подходитъ ко мнѣ почтальонъ. Ваше высокоблагородіе, не погубите меня: я не могъ не исполнить вашего приказанія; но эта фурія, чего она не наскажетъ почтъ-мейстеру! - Я не вижу тутъ ни мало вины твоей, мой другъ; могъ-ли ты не исполнить моего приказанія? Напротивъ, ты выигралъ, что я поѣлъ твоей лапши: вотъ тебѣ за это четвертакъ и вмѣстѣ мое знакомство, сказалъ я пріосанясь. Вскорѣ послѣ того

взволнованная (вѣроятно отъ огорченія, что порядочно не поколотили старую Нѣмку) трактирная Геба снова предъ меня предстала и принесла на-скоро приготовленнаго бульона, свѣжаго, прекраснаго. Съ каждымъ глоткомъ этого бульона я проглатывалъ и частичку своего гнѣва. И вотъ на исходѣ Израиля, вижу, что дверь моя тихонько отворяется; вижу, что сперва показываются концы чепчика-растегая, потомъ и самая фигура Нѣмки, но фигура уже умиротворенная, со взглядомъ робкимъ, съ тѣлодвиженіями болѣе милостивыми. Извините, ваше превосходительство, сказала она мнѣ, скорчивъ нѣжную улыбку, извините, что я немножко погорячилась: мы отъ этого, милостивый государь, хлѣбъ имѣемъ и проч. и проч. Полно, Нѣмка, сказалъ я; все уже давно кончено: бульонъ у тебя прекрасный, и болѣе толковать нечего. Вотъ тебѣ за твой обѣдъ, вотъ монета и твоей служанкѣ; прощай; на почтальона не сердись; нельзя же было ему меня ослушаться.

Такъ на этотъ разъ дѣло и кончилось. Почтальонъ встрѣтилъ меня въ сѣняхъ, снова просилъ моего заступленія и объявилъ мнѣ, что онъ нѣкогда былъ моимъ сосѣдомъ, ибо жилъ въ одно время внизу подъ моею квартирою. Я вырвался, наконецъ отъ этой непріятной сцены и съ поспѣшностію отправился въ дальнѣйшій путь.—Не могъ не размышлять я, ваше сіятельство, о тщетѣ всего подлуннаго. Путь настоящей дороги сравнивалъ я съ путемъ жизни. И тотъ и другой, думалъ я, суть только случайныя проявленія въ міровой, вселенской жизни: если по пути жизни встрѣчаются неизбѣжныя несчастія, думалъ я, то по дорожному пути есть также относительныя скорби, есть комары, есть слѣпни, есть кое-что въ дорожныхъ тюфякахъ, есть сердитыя Нѣмки, есть.... Тутъ глубокій вздохъ вашего сіятельства, прервалъ нить моего разсказа; въ первомъ движеніи я обрадовался этому непритворному созвучію къ моему слову; но поогляднвшись хорошенько, вижу, что вздохъ вашъ былъ не слѣдствіемъ моей гереміады о дорогѣ, а просто произвольность сна, безмятежнаго, сладкаго, словомъ, сна невинныхъ и добродѣтельныхъ; взглянулъ на сестрицу, мѣсто ея пусто; взглянулъ на Гаврила Степановича, и се не бѣ. Вижу только себя и васъ; себя въ жару, въ состояніи воспаленія отъ геройскихъ моихъ подвиговъ, васъ сладко спавшаго и начинавшаго уже храпѣть отъ полноты удовольствія и удобной сіесты. Прощайте же, сіятельнѣйшій князь, спокойный вамъ сонъ; я будить васъ не буду.

11-го Іюля 1839. Г. Гапсаль.

3.

Въ Гапсаль я пріѣхалъ 24-го Іюня. Здѣсь завелся съ прошлаго Воскресенья, т.-е. 2-го Іюля, клубъ, гдѣ гудятъ три съ половиною хромыхъ скрыпки и рисуется штукъ до пяти или шести пріѣзжихъ примадоннъ. Старый Кнорринъ, хозяинъ мой, кружится еще какъ Сильфъ съ Гамадріадами и даже встрѣтилъ свой день рожденія днемъ открытія Гапсальскихъ торжествъ. Старцу въ прошлое Воскресенье стукнуло 63 года, но онъ еще не потерялъ каданса, который служитъ ему моціономъ для хорошаго спанья и можетъ быть средствомъ къ испаринѣ. Нѣмцы суть великіе штукъ-мейстеры: кромѣ главной цѣли въ жизни, у нихъ есть нѣсколько небольшихъ цѣлей, вѣроятно для разноса масти. Живши здѣсь, невольно вспоминаешь о желаніи Ермолова, который прашивалъ нѣкогда у блаженной памяти Александра I-го, чтобъ тотъ произвелъ его въ Нѣмцы.

4.

8-го Іюля 1839. Гапсаль.

Здѣсь, въ уединенномъ Гапсалѣ, нашелъ я полустарика барона Штакельберга, который нѣкогда былъ залетнымъ гусаромъ, а теперь прозябаетъ въ гниломъ мѣстечкѣ Великочухоніи. Мать графини Канкриной была родная сестра его матери, и онъ самъ воспитывался вмѣстѣ съ графинею; странно, что они другъ на друга даже и похожи, потому что оба толсты и оба нездоровы. Но это бы все ничтожно, еслибъ онъ нѣкогда въ жизни своей не служилъ съ моимъ братомъ и другомъ Александромъ Ивановичемъ Бартеневымъ въ одномъ полку, отъ чего я и принялъ смѣлость представить его благоволенію вашего сіятельства. Хочу почтить на живомъ другѣ драгоцѣнную память моего умершаго родственника и однофамильца. Отдайте, ваше сіятельство, эту записку Канкрину и устыдите его излишками вашего великодушія. Я здѣсь читаю Études de la nature Бернарденя; тамъ сказано про огонь, что онъ, распространяясь, тучнѣетъ: такъ и ваше сердце, сіятельнѣйшій князь, да расширяется болѣе и болѣе отъ дѣлъ любви, и если графы пользуются отъ вашихъ милостей, то бароны должны уже по справедливости заступить второе мѣсто.

Не гнѣвайтесь за скудость предметовъ и тощее ихъ изложеніе. Начнемъ со здѣшней церкви: она помѣщается въ небольшомъ каменномъ домѣ, служившемъ нѣкогда для пріема императора Павла I-го, или Екатерины II-й. Въ Гапсалѣ называли его дворцомъ, но скорѣе комнатный садъ вашего сіятельства будетъ походить на пышные сады Версальскіе, чѣмъ этотъ bicoque на какой-нибудь дворецъ, пожалуй,

хотя Петровскаго острова. Колоколенька утверждена на небольшихъ деревянныхъ столбикахъ; благовѣстъ хотя не богатъ, но благозвученъ и когда ударяютъ во всѣ, то въ цѣломъ городкѣ ярко и звучно разносится православное благовѣстіе; однѣ лишь Нѣмецкія уши слушаютъ равнодушно призывный гласъ и идутъ мимо, не обращая вниманія. Въ церкви иконостасъ старинный Греческаго стиля, но испорченнаго; онъ взятъ изъ лазаретной церкви въ Ревелѣ. Странно событіе, случившееся съ этою церковью. Когда императоръ Николай посѣщалъ Ревель, то священникъ сей церкви долженствовалъ встрѣтить царя по установленному обычаю, то есть съ крестомъ. «Государь, взглянувши на церковь, не захотѣлъ идти ко кресту. Опасно здѣсь ходить, сказалъ онъ, можно быть задавлену; закрыть церковь на глухо и болѣе въ ней не служить.» И вотъ въ тотъ же самый день въ запертой и оставленной церкви упалъ потолокъ. Предвѣдѣніе царево спасло, можетъ быть, и его, и многихъ отъ опасности; между тѣмъ какъ до этого дня церковь кое-какъ лѣпилась, и въ ней ничего не падало.

Писаніе говоритъ: нѣтъ тайны, яже не откроется—поражающая и вмѣстѣ утѣшительная истина; что мы хранимъ и считаемъ великою тайною, то, можетъ быть, сдѣлается со временемъ достояніемъ цѣлаго свѣта. Это маленькое предисловіе служитъ къ тому, что теперь по Германіи ходятъ нѣкоторыя печатныя свѣдѣнія изъ автобіографіи вашего сіятельства. Напечатанъ именно этотъ отрывокъ, въ которомъ изложены подробности обращенія къ христіанству Александра 1-го и какъ вы послужили средствомъ къ этому дѣлу. Но подробности сіи хотя затѣйливы, но не совсѣмъ вѣрны; впрочемъ, все относится къ похвалѣ священной особы Монарха и вашего сіятельства. Вмѣстѣ съ этимъ ходитъ нынѣ по Германіи напечатанное письмо вашего сіятельства къ Баварскому крестьянину Михелю; не знаю только, то ли, которое вы по милостивой довѣренности своей изволили мнѣ показывать. Журналъ, гдѣ напечатана эта скица вашей жизни, имѣетъ заглавіемъ: Der Pilger aus Sachsen, или Саксонскій Пилигримъ, № 8, изъ Дрездена, Суббота 23-го Февраля 1839, а письмо къ Михелю напечатано къ брошюрѣ: Der heiligste Name Jesus и пр. Журналъ и брошюра у меня уже въ рукахъ; болѣе того, я отдалъ и переводить эти статьи на Французскій языкъ и если Господь поможетъ, то съ будущею почтою постараюсь выслать къ вамъ и переводъ, и печатный текстъ.

Незадолго я имѣлъ продолжительный разговоръ съ моею почтенною сосѣдкою, и все объ васъ; вотъ что она открыла мнѣ въ непритворномъ чувствѣ своего благороднаго довѣрія. Мужъ мой, продолжала она, отъ многихъ трудовъ неусыпной и неперемежающейся службы имѣлъ несчастіе два раза впадать въ сильные недуги, которые на

одинъ только малый шагъ раздѣляли его отъ гроба. Придворные врачи, коихъ милость царская ежедневно присылала къ моему мужу, отчаявались уже въ ого жизни. И вотъ въ одну изъ тѣхъ горестно торжественныхъ минутъ, гдѣ душа жаждетъ сказать послѣднее слово, вымолвить послѣдній совѣтъ, умирающій мужъ мой подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ: кажется мнѣ, что я не переживу этой болѣзни, и если что̀ случится со мною, то вотъ тебѣ мое приказаніе: ни къ кому иному не ходи повергнуть свою участь осиротѣлой вдовы, какъ къ доброму князю Александру Николаевичу Голицыну. Я увѣренъ, что если можно этому человѣку что̀ сдѣлать въ твою пользу, то онъ все сдѣлаетъ... Вотъ какъ мужъ мой сказалъ мнѣ о вашемъ князѣ, продолжала почтенная сосѣдка, и эти слова, проговоренныя въ два различныя времени и на двухъ болѣзненныхъ одрахъ произнесенныя, когда мужъ мой отчаявался въ жизни, сказанныя тогда, когда онъ имѣлъ еще въ графѣ Сперанскомъ повидимому надежнаго начальника и сотоварища по службѣ, обязаннаго пещись о вдовѣ своего сослуживца, признаюсь, проникли глубоко въ мое сердце. Мужъ мой, по благости Божіей, выздоровѣлъ; Государь обогатилъ насъ своими щедротами, осыпалъ милостями, вниманіемъ; но голосъ моего мужа, когда онъ встрѣчалъ послѣднія минуты жизни, еще звѣнитъ въ встревоженномъ сердцѣ моемъ и болѣе и глубже нарѣзываетъ имя того, котораго указалъ другъ мой въ облегчителя моей бѣдной участи.

Это говорила мнѣ тайная совѣтница Балугьянская, и я съ радостнымъ увлеченіемъ сердца нѣжилъ свой слухъ похвалою столь трезвенною и христіянскою... Мнѣ это было такъ сладко слушать, какъ нѣкогда вамъ, по словамъ вашимъ, стоять за креслами Великой Екатерины и гордиться, что вѣрноподданническое сердце ваше принадлежитъ ей.